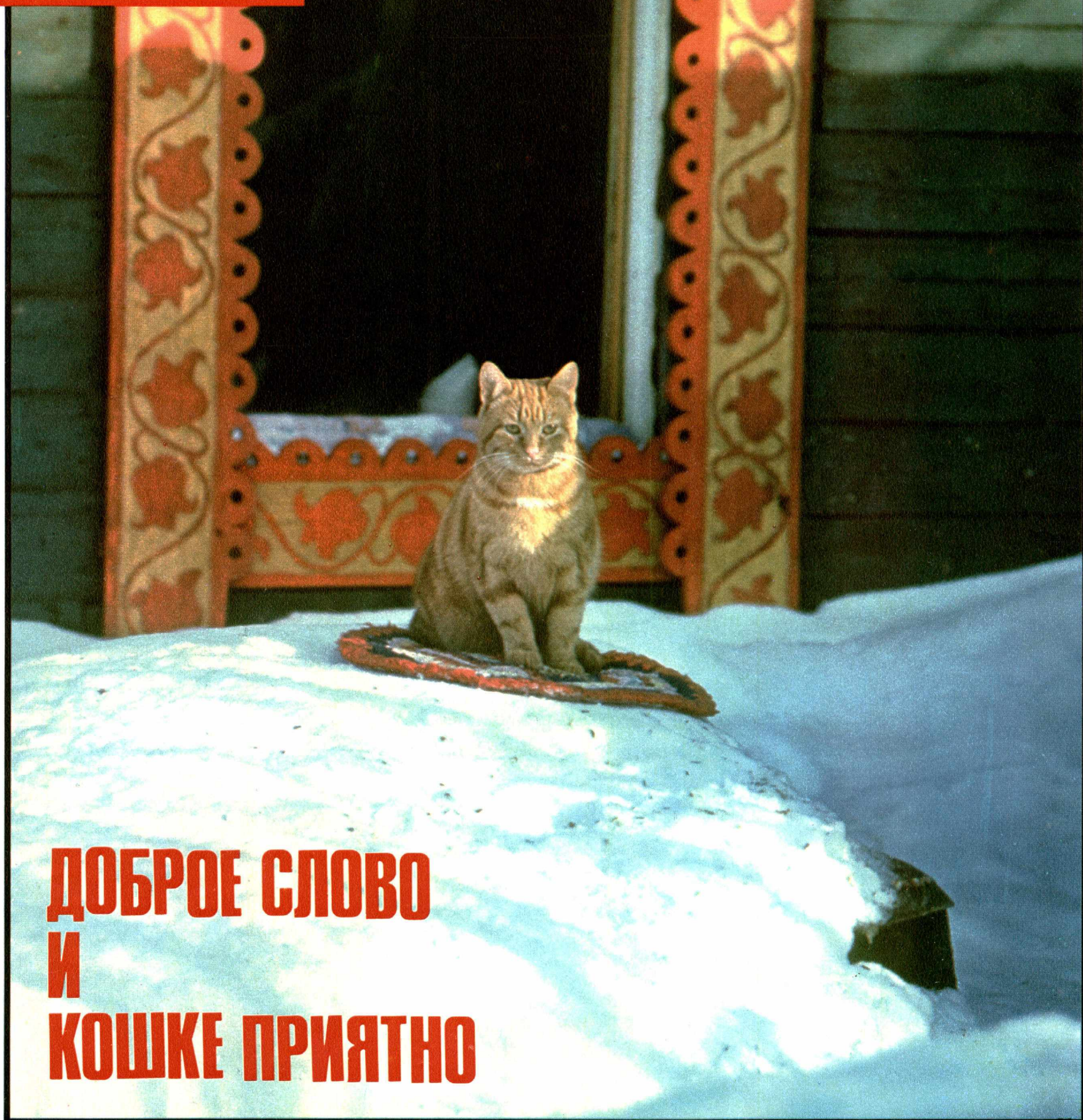

ОГОНЁК

№ 3 ЯНВАРЬ 1991

**ДОБРОЕ СЛОВО
И
КОШКЕ ПРИЯТНО**

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 3 (3313)

12—19 января

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:
А. Ю. БОЛОТИН, В. Л. ВОЕВОДА,
Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),
Г. В. КОПОСОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
В. В. ПЕРФИЛЬЕВ (ответственный
секретарь), Г. В. РОЖНОВ,
В. Б. ЧЕРНОВ, А. С. ЩЕРБАКОВ
(заместитель главного редактора),
В. Б. ЮМАШЕВ.

Совет редакции:

П. Г. БУНИЧ, Е. А. ЕВТУШЕНКО,
М. А. ЗАХАРОВ, Ю. В. НИКУЛИН,
С. Н. ФЕДОРОВ, Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотоэтиюд Игоря Гневашева.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ
СВЯЗИ.

Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 21.12.90. Подписано к печати
08.01.91. Формат 70×108½. Бумага для глубо-
кой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл.
кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 825 000 экз.
Заказ № 3170. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69;
Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литерату-
ры — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали
и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литера-
турных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов
не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
Москва, А-137, улица «Правды», 24.

© «Огонек», 1991.

Вот он, въезд на хутор
Степановский, который
некогда кормил Оренбург
овощами. Никто об этом
сейчас, естественно, не
помнит, а кости высланных
кулаков-огородников —
в вологодской земле.
Спустя шесть десятилетий
после этих трагических
событий начинает
хозяйничать на своей
земле (впрочем, какой там
своей — арендованной,
и за то совхозу спасибо!)
Борис Радченко. Он
единственный «чистый»
арендатор в своем
Оренбургском районе.
Жить ему мучительно
трудно. Но он — надежда
других крестьян, ревниво
следящих за ходом
событий. Радченко —
одиночка. Ему
противостоит огромная
колхозно-совхозная
машина, вся система
власти, от самых своих
истоков стремящаяся
выстроить людей в ряд,
лишить их чувства
хозяина, столь разительно
отличающего кулака,
фермера, арендатора от
наемного работника.
Строем на работу, все,
как один, локоть
к локтю — эти
реминисценции
социальных утопий
прошлого века стали
реальностью нашей
новейшей истории,
реалиями хозяйственной
практики, запечатленными
на снимках первых
колхозных лет. Утопия,
ставшая реальностью,
вымела полки наших
продмагов, смела с лица
земли тысячи деревень.
И все же кое-что осталось.
Есть с чего начинать.
Лошадь, человек на телеге,
деревенская дорога...

Фото
Юрия
ФЕКЛИСТОВА

Михаил ЗАРАЕВ

ЖАК ВОЗРОДИТЬ ЖУЛДА

СЕМЕЙНАЯ ЛЕГЕНДА

— Где-то в начале сороковых в наших эвакуационных скитаниях мать получила ошибочное, как оказалось впоследствии, сообщение о смерти отца в колымском лагере. Вдове жилось легче, чем жене репрессированного. Легче стало говорить об отце и с нами, малолетками. Где отец, за что сидит? А так — умер, и все. Потому, видимо, воспоминания о довоенной жизни стали острее.

В этих воспоминаниях и мелькнула давняя журналистская поездка отца на батрацкую забастовку на какой-то хутор Степановский и написанная затем

книжка. Где та книжка, я, естественно, не спрашивал. Даже ребенок знал: когда человека арестовывают — все его бумаги и книги забирают. Но название — хутор Степановский — осело в памяти, чтобы выплыть оттуда едва ли не полвека спустя. Работая в Ленинской библиотеке, я решил как-то посмотреть, что содержится в каталоге под нашей фамилией. Среди книг брата, моих, неизвестных однофамильцев оказалась и отцовская — «Огни в Степановском», изданная в сентябре 1929 года.

Что происходило в стране в сентябре 1929-го? А-а, ну да: постановление Политбюро о хлебозаготовках с призывом

давления на кулака. До знаменитой сталинской статьи «Год великого перелома», где вождь объявил перелом от мелкого индивидуального к крупному коллективному хозяйству, остается два месяца.

Отец работает в газете «Батрак». Она печатается крупным шрифтом, статьи не превышают шестидесяти строк — учитываются возможности читателей, осваивавших грамоту. Газета издается профсоюзом сельхозработников. Такой профсоюз и само понятие — сельхозработники — вновь в крестьянской стране. От этой газеты отец и поехал в Степановский. Сначала написал серию корреспонденций, а потом полгода спустя — книжечку.

Я открывал ее с тревогой, опасался людоедского тона, в котором многие тогда сообщали о «классовых боях в деревне». Но нет, кроме предисловия, написанного председателем ЦК профсоюза Н. Анцеловичем с призывом «пропитать батрачество ненавистью к эксплуататорам», остальное — сравнительно миролюбивое, хотя, конечно, и наивно политизированное, характерное для тех лет описание событий.

Однако что за события! Как поразительно соотносятся они с нынешними нашими историческими размышлениями и общественными страстями!

Неподалеку от Оренбурга соседствуют два села. В одном — хуторе Степановском — живут кулаки, в другом — Покровке — батраки.

Кулаки — огородники, у каждого по пять—семь гектаров земли. Отец подробно описывает их быт — стулья с мягкими спинками, медная посуда, широкие кровати с пухлыми перинами, кумачовые занавески, герань. Полки с книгами — садоводство, сборники законов о труде, немецкие сельскохозяйственные журналы. Дома утопают в садах. Во дворах — «моторы и другие машины». Хуторяне — молококане и почти все родня — Серяевы, Морозовы, Артищевы. Они кормят овощами не только Оренбург, до Самары доходят их подводы, груженные капустой, картошкой, морковью.

В этом простодушном описании все исполнено глубокого и, возможно, недомога автору смысла. Сектанты всегда считались наиболее трудолюбивой, предприимчивой и образованной частью российского крестьянства. Близкие молококанам духовные, эмигрировавшие в начале века в Канаду, немало способствовали аграрному преуспеянию этой страны. Сами же молококане рассматривали Библию, правда, воспринимаемую аллегорически, с помощью «духовного разума», как единственный источник истины. Это подразумевало определенную культуру и самостоятельность мышления, проявлявшиеся и в хозяйственной деятельности. Так что удивляться немецким сельскохозяйственным журналам на книжных полках крестьян не следует.

Сборники же законов о труде им были также необходимы. В 1929 году власть разоряла крепких крестьян налогами. Один из Артищевых скажет батракам, требующим повышения расценок: «Посчитайте, сколько мы налогов платим. Выгоднее распахать огороды» (имеется в виду под зерновыми. — М. З.).

Скоро распахнут уже без них, без кулаков, уничтоживших великопленные культурные хозяйства. А пока они еще пытаются апеллировать к законам, «качать права». Да только когда ж это в нашей отечественной истории право торжествовало?

Описание Покровки не менее интересно. Здесь ни садов, ни яркой травы, ни попок с книгами. Старые, покосившиеся дома тесно прижимаются друг к другу. Как только зацветут степановские сады, идут туда покровские крестьяне на сезонные огородные работы — сажать, полоть, поливать. И расчет приводится: на каждый огородный гектар надобно от шести до двенадцати сезонных рабочих.

Почему, однако, в одном селе — культура, сады, книги, а в другом —

тесные старые дома, озлобление, полудневный труд? Что здесь? Какие внешние или внутренние причины? Изначальное человеческое неравенство? Один богат и умен, другой — пассивен и неудачлив?

Русский публицист начала века Александр Петрович Мертваго, работавший в молодости, несмотря на свое дворянство, батраком у парижских огородников, отмечает, что почти все наемные работники пытались создавать свое хозяйство. Не получалось — шли в батраки. Они так же, как и россияне, время от времени требовали повышения оплаты труда. Но не сокращали рабочий день, понимая, как дорого время в сезон, а просто больше зарабатывали.

Покровские забастовщики прежде всего требовали восьмичасового рабочего дня, затем повышения почасовых ставок, спецдоплаты: поливальщикам — сапоги, остальным — легкие халаты. Все было сформулировано жестко, четко.

Когда у батраков стали кончаться деньги, из Оренбурга приехал заместитель председателя окружного профсоюза Юрьев, привез каждому по рублю. В конце концов забастовка увенчалась успехом.

Закрыв книжку, я задумался. Многие из последовавших за этой стачкой событий казались очевидными. Не вызвала сомнений судьба степановских огородников. Жить им в их просторных домах оставалось не более чем полгода. Как без их картошки и капусты обходился Оренбург, тоже было ясно. На овощные прилавки современных городов я насмотрелся досыта. А вот существуют ли по прошествии шестидесяти лет Степановский и Покровка, не смыла ли их река времени и всяких событий истории нашей, как то случилось с тысячами сел российских?

«Я ПОМНЮ ВСЕ»

— Хутор Степановский — центральная усадьба совхоза-техникума. И в Покровке тоже — совхоз-техникум. Один готовит агрономов и зоотехников, другой — инженеров и экономистов, — бодро сказали в Оренбургском сельском райисполкоме.

Все было, как в парадных очерках незабвенных семидесятых. Тогда любил сопоставлять — за что боролись отцы и чего достигли дети. Отец с муками едва ли не день добирался до Степановского: переправлялся на пароме, потом шел пешком через овраги. Я катил в автобусе по неплохому асфальту, через двухрядный мост, вдоль нагого зимнего, трепещущего на ветру молодого леса.

Каким был Степановский 60 лет назад, можно догадываться. Сейчас же я оказался в типичном агрогородке из разряда тех, о которых некогда мечтал Никита Сергеевич, — учебный корпус техникума, многоэтажные здания, где расположились студенческие общежития, квартиры преподавателей, крепкие усадьбы дома совхозных рабочих, стадион, клуб.

Небольшое совхозное стадо коров давало прекрасные для здешних мест надои — четыре тысячи килограммов молока в год. И урожаи зерновых получали самые высокие в районе. Совхозы-техникумы всегда на особом снабжении. И с рабочей силой нет проблем. У студентов практика, а это сотни молодых рабочих рук.

Выяснилось, что и в соседней Покровке совхоз-техникум живет не хуже. Так что социальный контраст, который озадачил меня при прочтении отцовской книжки, давно исчез.

О батрацкой забастовке 1929 года ни в Степановском, ни в Покровке, естественно, никто и слыхом не слыхал. Огороды в Степановском давным-давно распахали, совхоз промышленяет молоком, мясом и зерном. О том, что местные крестьяне были когда-то овощными кормильцами Оренбурга, также никто не знает. И это неудивительно. Во многих такого рода поездках убедился:

историческая память в большинстве российских деревень отсутствует. Помнят, что было после войны, в войну. Двадцатые, тридцатые — все поросло травой забвения.

Дело тут не в физической протяженности человеческого века: ясное дело, те, кому сейчас под семьдесят, лишь родились в двадцатые. Есть ведь, однако, рассказы отцов, дедов, семейные легенды. Они и создают неписаную историю. Мне кажется, что народное сознание, сохранив в себе память о высокой трагедии войны, низменные противостоительные трагедии коллективизации исторгает из себя. Да и корни оборваны — где они, крестьянские отцы и деды, в каких мельницах истории перемолоты их кости?

Нередко, правда, находится какой-нибудь любознательный старичок-краевед. С ним-то и наговоришься влады. Краевед нашелся и в Степановском. Но отнюдь не старичок.

У секретаря совхозного парткома Фаргада Гадиевича Ягофарова сразу задрожали от волнения, когда он узнал истинную цель моего приезда. Оказалось, что он одержим идеей создать музей, написать историю хутора, да только один он, один, всем эти его историко-музейные устремления, как говорится, до лампочки, а тут единомышленник явился из Москвы.

Мы вцепились друг в друга, как давно не видавшиеся родственники. Ягофарова поразила история отцовской книги, и, когда мы ходили по селу, он все оспаривался, смеялся черными, как масляные, глазами и, топя по окаменевшей от первых бесснежных еще морозов земле, восклицал: «Так, значит, по этим улицам ходил отец шестьдесят лет назад? Надо же!»

Сначала мы отправились к старушке, которая «помнила все», а потом сели читать написанную Ягофаровым со слов умерших старожилов историю села. Фаргад читал, записывая на малоизвестных словах — пакагуз, лишенец, — а я слушал, поражаясь тому, как точно воспроизводит судьба хутора новейшую историю государства Российского.

В конце прошлого века эти пригородные пойменные земли, самим Богом созданные для огородничества, купил генерал Степанов, сделав управляющим богатого крестьянина Серяева. Имение было типичной помещичьей экономией — доходным хозяйством с наемными рабочими. Отсюда шли в Оренбург не только обычные овощи — капуста и морковь, но и изысканная крупная клубника. Дальше все как в ленинском «Развитии капитализма в России»: помещик разоряется, крестьянин-управляющий покупает имение, делая его еще более доходным.

После революции хуторские земли делят между крепкими крестьянами. Наступает золотое время Степановского — нэп. Доверившись бухаринскому призыву «обогащайтесь», огородники заваливали город овощами. Впрочем, обогащаться им пришлось недолго. Описанная отцом забастовка была началом конца.

Старушка, которая «помнила все», Валентина Георгиевна Бурдасова, одиноко и довольно комфортно для села доживавшая свой век в однокомнатной квартире, рассказывала, как попала в Степановский в числе сирот, привезенных сюда из Москвы целым детским домом. Ночью они проснулись от рыданий и криков — раскулачивали и выселяли живших по соседству братьев-огородников.

— Спите, дети, спите, — сказала няня. — Это вам снится.

Долгим и страшным оказался тот сон. После раскулачивания на хуторе началось нечто неопишное. Мало, что сирот сначала привезли, а потом увезли. То казахов сюда откуда-то переселят, то трактористов из Сызрани пришлют, то какие-то списанные по нездоровью военные летчики наедут. Совхоз укрупняли, разукрупняли, превращали в подсобное хозяйство завода. То свиной заста-

вляли разводить, то варенье варить. Дом отдыха заводской построили, а потом закрыли. Железнодорожную ветку подвели, а потом ликвидировали.

Словно кто-то огромный, невидимый и безумный мешал большой ложкой в котле деревенского бытия, перемешивая людей, занятия, ломая судьбы, отрывая от привычных дел мужчин и женщин, обрывая корни, разрушая традиции, устои, привычки. Собственно, то же самое происходило по всей стране. Назвать ли этого невидимого безумца? Усы, трубка, китель? Не могут же такие всеохватные и страшные события происходить по воле одного человека. Или могут?

НАСЛЕДНИКИ СТЕПАНОВСКИХ ОГОРОДНИКОВ

Яблоки на центральных улицах Оренбурга продают крупные, румяные — по 3.60. Но то привозные. А местные — в магазине — сморщенные, зеленые — подешевле. Рядом мелкая сорокакопечная картошка, обглоданные капустные кочаны. Моркови нет — неурожай. На рынке она по 2 р. Так что кормят наследники степановских огородников город негусто. Поселились они, а вернее те, кто ими управляет — руководство объединения «Радуга», — в горисполкоме.

Эти объединения, включающие пригородные совхозы, городские базы и магазины, появились вокруг крупных промышленных центров в семидесятые годы под флагом специализации, концентрации и прочих тогдашних агропромышленных веяний. Считалось, что если вливать в овощеводческие хозяйства всяческие ресурсы да объединить их под одной крышей с городской торговлей, чтобы — прямые связи, общее руководство, то будет «самое то». И тогда до медичинской нормы, то есть до оптимальной, доказанной наукой потребности в овощах, — рукой подать.

Для первого заместителя начальника объединения (начальник оказался в отпуске) Александра Федоровича Дерябина мой визит не был подарком. Прочитав удостоверение, он вздохнул и скучным голосом осведомился, какой материал я собираюсь писать — положительный или отрицательный.

Затем я терпеливо записывал про уборочные комбайны, индустриальную астраханскую технологию, сортировальные линии, про то, как строятся и развиваются пять совхозов и четыре колхоза, входящие в объединение. Перебивать Дерябина, пытаться выяснить истинное положение дел не имело смысла. Перед ним сидел корреспондент, и он должен был говорить именно то, что говорил. Иначе начальство не поняло бы его.

Между тем летом областная газета «Южный Урал» писала, что городской огород находится в бедственном положении. Поля заросли сорняками, некому их полоть, некому убирать овощи. Городские предприятия отказываются посылать людей, в крайнем случае требуя за каждого отправленного в совхоз работника многие сотни рублей. Овощеводы обвиняли горожан в эгоизме, в нежелании обеспечить себя на зиму капустой и картошкой.

— Сколько же вам надо сезонных работников? — спрашивал корреспондент главного агронома объединения В. Ф. Каргина. Оказалось, в общей сложности около шестидесяти тысяч человек.

Тут уж я взялся за подсчеты. По данным Дерябина, в объединении под картошкой и овощами чуть больше трех тысяч гектаров. Выходило около двадцати человек на гектар. Но степановским огородникам требовалось на гектар, по данным моего отца, от шести до двенадцати человек. Здесь же вдвое больше. Это шестидесять лет спустя при комбайнах, гербицидах и астраханской технологии. Правда, у степановских кулаков люди работали...

Дальнейшие расчеты пришлось делать уже в облисполкоме. Там, в Глав-

ном планово-экономическом управлении, предоставили данные по области. Выяснилось, что картошки оренбуржец съедает за год 79 килограммов при медицинской норме 117. Овощей — 88 при норме 139. А вот общественный сектор, то есть колхозы и совхозы, поставляет в среднем на душу 12,4 килограмма картофеля и 26,7 — овощей.

Мать честная! Что ж это получается? Выходит, колхозы и совхозы дают лишь четвертую-пятую часть продукции, а остальное — личные огороды крестьян и горожан. Вот тебе и астраханская технология!

Вечером по телевидению какой-то российский депутат из аграрных начальников убеждал съезд, что и в Голландии, где он недавно побывал, также привлекают на уборку картофеля людей. Не сказал только каких. Наверное, не рабочих и инженеров городских предприятий.

Директор одного из лучших совхозов

объединения «Радуга» — «Сакмарского» — Александр Степанович Мешков также жаловался на несознательность горожан. Я спросил, какую часть своей земли он может полноценно использовать собственными силами, без привлечения несознательных наемников. Оказалось, процентов пятнадцать.

Так почему бы не отдать остальное крестьянским хозяйствам? Зачем же откусывать кусок, который не можешь проглотить? Оставь себе столько пашни, сколько можешь возделывать своей совхозной командой, а остальное — в аренду, в собственность, как угодно, только отдай, не держи под сорняками. Пусть показывают себя на ней новые хозяйства, нанимают себе работников, как нанимали степановские кулаки, парижские огородники. Ведь если есть хозяева, то должны найтись и работники, не все могут быть собственниками, организаторами. Пусть трудятся за хорошую плату.

Впрочем, работники есть. Какие — другой вопрос. А вот хозяева — есть ли?

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИГРЫ

Фермеров в Оренбургской области насчитывается четырнадцать. Именно четырнадцать, не пятнадцать и не шестнадцать. По половинке на район. В Оренбургском сельском районе, где расположен хутор Степановский, — ни одного.

Настоящий фермер — это человек, который если и не располагает землей как частной собственностью (российский акт принимался как раз в те дни, когда я был в Оренбурге), то по крайней мере пожизненно ею владеет. Иное дело — аренда. Основы законодательства о ней действуют уже год.

В Оренбургском районе произведена практически повсеместная аренда. Однако тут есть одна маленькая

хитрость, которую сельские люди прекрасно понимают. В районе, как и по всей области, распространена не так называемая чистая аренда, когда крестьянин получает у колхоза-совхоза в свое распоряжение землю, технику, скот, расплачиваясь частью полученной прибыли, а внутрихозяйственная или арендный подряд, в сущности, мало чем отличающийся от коллективного, семейного и прочих экономических игр, в которые вон уж сколько лет играют с наемными работниками колхозы и совхозы.

Своего расчетного счета в банке при таком подряде крестьянин не имеет, все, что он получает и производит, обчисляет контора, она же устанавливает внутрихозяйственные расчетные цены. Словом, как заявил в районной газете звеньевой из совхоза имени Гагарина А. Иванов: «Как были мы простыми исполнителями, так и остались. Только названия меняются: раньше амортизационные отчисления, теперь арендная плата, раньше зарплата, теперь хозрасчетный доход. Бирюльки, жонглирование терминами».

Один имелся на Оренбургский район чистый арендатор — Борис Иванович Радченко. Застал я его после ночи, проведенной в коровнике, в его двухкомнатной городской типа квартире — оживленным, говорливым, и первое, о чем он спросил меня, — как отношусь к российской Конституции?

По облику, манерам, мышлению то был типичный современный демократ из рабочих, сравнительно молодой, с прекрасно подвешенным языком, знающий свои права и умеющий их отстаивать. Вместе с женой он взял в своем совхозе «Боевой» полсотни бычков, кусок земли под кормовые травы и старенький колесный трактор. Все это он просил давно, но старый директор отказал категорически, а весной пришел новый — кандидат наук, прогрессист — и согласился. Деревня следила за тем, как Радченко с женой ломали спину на своей «фабрике» (под откормочник приспособил старый склад без полов, без кормушек), со жгучим и разноречивым интересом — кто с иронией, кто с доброжелательством.

— Как теперь воспримут ваши доходы, когда вы сдали бычков? — спросил я Радченко.

— Да-а, — улыбочиво протянул он. — Тут все просто. Надо еще получить эти доходы.

Он опасался не столько директора, к которому относился с пониманием и сочувствием, — тот, как мог, тянул совхоз из долговой ямы, а скорее главного экономиста, тоже человека молодого, современного и жестко охраняющего совхозный интерес. А интерес этот состоял в том, чтобы не отдать Радченко хотя бы причитающиеся ему, как чистому арендатору, выплачиваемые государством надбавки к ценам на скот. Если Борис Иванович эти надбавки получит, на его счету окажется больше пятидесяти тысяч рублей, которые он намерен пустить на развитие своего производства.

— Что купить-то сейчас можно?

— Трудно, конечно. Товарного рынка нет. Буду лес искать через лесхоз, надо ж нормальное помещение строить. Через кооператоров — кирпич. Может быть, на заводе — сверхплановый трактор. Деньги есть, мясо есть...

— А людей нанимать будете?

— Отчего же нет. Обстроюсь, обзаведусь, можно и расширять производство. Я ж работнику не по-совхозному платить буду. Но и работа не совхозная.

Таков он, современный кулак (надеюсь, читатель понимает, что я употребляю это слово отнюдь не в привычном негативном смысле), сидящий пока в совхозных тенетах.

Радченко — животновод. Отправился к земледельцу — в совхоз «Коммунист», к Виктору Кузьмичу Дружинину. Это человек совсем другого склада — типичный пожилой крестьянин, приехавший сюда в молодости из Центральной России поднимать целину.

Ему скоро шестьдесят. Совхоз выделил в качестве поощрения на юбилей (родня-то съедется) ящик водки, разумеется, за деньги юбилея. Такие теперь поощрения.

— А где ее возьмешь? — спрашивал Виктор Кузьмич, разливая по рюмкам, которые мы с ним с удовольствием осушили за его здоровье под сало, капусту и отличный борщ.

Вместе с сыном, живущим в таком же аккуратном усадьбном домике, Дружинин взял в арендный подряд, а не в чистую аренду, как Радченко (кто даст в чистую?), изрядное зерновое поле в севообороте. Уже как они с ним маялись! Собственно, не с полем маялись, а с тем, что им никак не давали их собственную подрядную работу делать, отрывая в самую горячую пору на другие совхозные дела. То там вспаши, то там посеи, а свое-то поле, за которое с них спрос, кто за них вспашет? И все же урожай оказался куда выше совхозного. А вот получить денежный результат этого урожая — хозрасчетный доход, который по итогам года насчитала им контора, — не удалось. Вышло 22 тысячи рублей. «Куда тебе? Много. Облопаешься».

То, что эти деньги нищему совхозу «Коммунист» необходимы для разных нужд, ясно. Так же, как и ясно, что действует в данном случае совхоз самым наглым, грабительским образом.

Вечером, наездившись по арендаторам, сел читать подшивку районной газеты, одновременно посматривая одним глазом в телевизор, где шло обсуждение российским Съездом Советов акта о земле. Сочетание этих двух занятий давало эффект совершенно необычный, граничащий с раздвоением личности. Одной частью своего существа я переживал съездовские страсти — гневался на консерваторов, утверждавших незыблемость колхозного строя, соглашался с демократами, требовавшими немедленного введения частной собственности на землю с тем, чтобы уже весной сеять свободным крестьянам, а другой — окунался в районную сельскую жизнь, откуда крестьянская свобода виделась как недостижимо далекий квадрат неба со дна колодца.

И кто ее даст — землю и волю? Кто, собственно, должен и может проводить земельную реформу? Местные Советы? В Степановском председателе сельсовета, бывший преподаватель техникума Станислав Иванович Журиков втолковывал мне, что у них желающих брать землю нет, что главное для Совета — работать в контакте с совхозом. Да и что иное он мог говорить при нищенском своем бюджете, бесправи и безвласти, при том, что сам как вышел из совхоза-техникума, так и уйдет туда обратно по окончании выборного срока. А райисполкомы — разве не те же вечерашние колхозные председатели и совхозные директора их возглавляют?

Александр Исаевич Солженицын в своих заметках «Как нам обустроить Россию» уповает на деревенский мир, на демократию малых пространств, на земские собрания, оперирует понятиями начала века, когда, пусть и размываемая, все же существовала общинная жизнь. В последовавшие затем чуждые десятилетия деревня многократно перемешивалась, переваривалась в плавильном котле истории, община подменялась ее суррогатом — колхозом-совхозом. Конечно, человеческая общность не может исчезнуть. Есть связи земляческие, семейные, соседские. Есть и тоска по своей земле, по свободе. Но какая потаенная тоска!

Радченко рассказывал, что в его деревне несколько человек просили землю. Получив отказ, затаились. Теперь следят за ним. Если что-то получат, скорее всего снова будут просить.

— А может, требовать? — осведомился я.

— Может, и требовать.

Так многие полагают: пусть другие сунутся, попробуют. Эти другие пишут жалобы, ищут справедливости. Почему

от подрядного звена требуют, чтобы оно раздавало поросят по запискам начальства? Почему перебрасывают с подрядного поля людей на другие общеклассовые работы? Почему задерживают выплату хозрасчетного дохода?

Словно линия противостояния разламывает современное село, стенка на стенку стоят два его социальных слоя. Деревенские низы устами самых активных своих представителей кричат: дайте землю, скот, технику, дайте права, свободу. Верхи же в лучшем случае: нет у нас земли, она вся в севообороте, и техники нет, два новых трактора на колхоз за год получили. А в худшем — вы же не хотите ни земли, ни свободы. Вы ленивы и развращены. Научитесь сперва работать в колхозе.

Так прямо говорится редко. Чаще же всего начинают расчеты: на одно фермерское хозяйство надо двести — триста тысяч рублей. А если их несколько десятков? Никакого бюджета не хватит. Все правильно: но не с канадским или американским фермером имеем дело. Может, дорастем и до его потребностей. Пока же российские мужики, такие, как Радченко и Дружинин, работают в старых сараях, самоотверженно ремонтируют списанную технику. Конечно, это не дело. Надо им всемерно помогать. Но речь-то идет о нескольких тысячах кирпичей, десятке мешков цемента. Понимают люди, каковы возможности хозяйств. Сами готовы искать ресурсы. Ждут прежде всего нормального человеческого отношения.

Впрочем, не хочу корить колхозных председателей. Я много лет их защищал, как самую активную, действенную силу на селе. Тем более что линия противостояния проходит не только по деревне. Другая линия — между колхозом и районной властью, навязывающей план или — по-новому — госзаказ, правда, теперь уже не под страхом лишения партбилета, а под угрозой перекрыть и так скудное снабжение ресурсами — бензином, техникой, удобрениями.

Третья линия — между районом и областью. И, наконец, четвертая — между областью и центром, где центр стремится побольше выкачать производительности и поменьше поставить ресурсов, а область — наоборот. Но главный и самый опасный, хотя и не такой явный разлом, — внизу, в селе. Здесь конфронтация не только форм собственности, но и форм власти в самом изначально, исходном своем преломлении.

Работать ли механизатору Дружинину на своем поле или, не досеяв, отправиться помогать соседнему звену — в этом не только экономика, но и политика. Кто же и что же тогда директор совхоза Олег Васильевич Петин, если он не может маневрировать своей рабочей силой? И если Дружинин — хозяин, а не работник, то и Петин — не директор.

Он прекрасно понимает это и заявляет в районной газете, что аренда требует куда большего, чем у него имеется, количества механизаторов. То есть пусть себе уж Дружинин работает самостоятельно, но тогда у него, Петина, должны быть другие люди, кем он может управлять. В сущности, вопрос в том, кто кому служит: Петин — Дружинину или Дружинин — Петину. Если совхоз превращается в кооператив арендаторов или фермеров, то Петин служит Дружинину.

Ждать от нынешних руководителей хозяйств, чтобы они по мере своих сил способствовали развитию аренды или фермерства, совершенно невозможно. Они не могут делать этого отнюдь не в силу своей косности, консерватизма. Каждый из них прекрасно понимает, что свободный крестьянин работает значительно лучше, эффективнее, чем подневольный. Директор «Боевого» Виталий Валентинович Далин охотно привел такие цифры: Радченко с женой за год получили 54 тысячи рублей чистого дохода, по 27 тысяч на каждого, а в совхозе на человека приходится по

9 тысяч. Втрое выросла производительность. Дело в другом: не может колхоз или совхоз сам создавать себе конкурента. Это противоестественно, так же как противоестественно для волка питаться травой.

А если не директор совхоза и не председатель сельсовета, райисполкома, то кто же поможет крестьянину в реализации продекларированного права на свободу? Ведь в одиночку это право не осуществить, какие бы законы ни издавались. Не сломать противодействие десятилетиями формировавшейся колхозно-совхозной власти, которая сама ни за что не сдаст своих позиций.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

— Вопрос этот как-то вроде даже и задавать неудобно, а не только в подзаголовках выносить. Герцен, Чернышевский, Ленин. Сначала спрашиваем: «Кто виноват?», а потом: «Что делать?»

И все же что делать с новыми, завоеванными в жарких парламентских дебатах крестьянскими правами, что делать для того, чтобы возникла истинная крестьянская свобода? Кто из журналистов, пишущих на аграрные темы, не задавал таких вопросов!

Пару лет назад мне показалось, что ответ в какой-то мере содержит в себе опыт организации фермерских хозяйств в Переславском районе Ярославской области. Их возникло там с десяток. Напомню: во всей Оренбургской области в конце 1990 года имелось лишь четырнадцать.

Ярославщина не южноуральские степи, распаханые под завылку. Здесь пустующей земли сколько хочешь, а вот людей активных и трудоспособных почти не осталось. Поэтому организатор этих хозяйств — кооператив «Колос», куда вошла группа московских ученых во главе с доцентом Ефимовым, ориентировался в основном на приезжих.

В «Колосе» их немного подучивали основам экономики, агротехники и зоотехники, хотя в большинстве своем там были люди с достаточным практическим опытом, а потом, что самое главное, помогали получить землю, кредиты, скот, технику.

Закон об аренде еще не вышел. Приходилось использовать другой законодательный акт — о кооперации. Фермерские семьи при заключении договоров с колхозами считались семейными кооперативами. Если захотеть, юридическое обоснование всегда можно найти.

Районное руководство с пониманием отнеслось к этой затее, рассчитывая на определенный политический капитал. Колхозы же находились в таком «лежачем» состоянии, что им было все равно — лишь бы живые люди в их стариковском царстве появились.

Кто только не перебывал тогда у переславских фермеров! И Юрий Дмитриевич Черниченко, и заместитель председателя Российской ассоциации крестьянских хозяйств Владимир Федорович Башмачников. И я, грешный, отправился в Переславль-Залесский полюбоваться надеждой и опорой нашей — свободной и трудолюбивой крестьянской семьей, сидящей на своей земле.

После нескольких газетных и телевизионных репортажей из района туда начали съезжаться претенденты на фермерство — предпринимчивые и, как правило, молодые люди. Но кампания закончилась. Ефимов ездил по западным странам, знакомясь с опытом голландских, то английских фермеров. Местный партийный руководитель, оказавший в свое время содействие «Колосу», пошел на повышение — стал председателем областного Совета. Думается, его репутация прогрессиста сыграла здесь определенную роль. В кооперативе начали какие-то финансовые трудности. Словом, будущие фермеры сидели в гостинице без дела, проедавая последние деньги.

Землю им предлагали, это пожалуй-ста. Но что делать с запущенным, заброшенным, а то и заросшим березняком полем? Пройти же через банковские хитросплетения для получения кредита, через лабиринты сельхозтехники, строительных организаций, которые должны выделить трактор, помочь построить дом, наконец, наладить нормальные отношения с колхозом, в одиночку, без квалифицированной и доброжелательной помощи было невозможно.

Когда задумываешься над тем, почему же «Колос» оказался несостоятельным, понимаешь, что успех дела был заложен в самом подходе к нему. Одним его организатором важен был экономический эксперимент, о котором можно писать научное исследование, другим — политическая кампания. А успех в данном случае может быть тогда, когда есть обычный денежный интерес. Да-да, примитивный денежный интерес. Это когда люди живут и зарабатывают себе на кусок хлеба, да еще желательнее с маслом, тем, что способствуют успешной работе крестьянских хозяйств.

Представьте себе, что на первых порах в областном центре, а потом и в районных появляется группа специалистов, назовем ее как угодно — посреднический кооператив или хозрасчетная фирма. Среди них обязательно один или два юриста, экономист, агроном, зоотехник, инженер — пять-шесть, не больше десятка человек.

К ним могут обратиться мужики, которые подобно переславским парням хотят сесть на землю, стать фермерами. И им оформят документы, проведут через всякие ведомственные лабиринты, помогут приобрести технику, посоветуют, где семена взять, скот купить. Полный комплекс услуг, за которые расчет в виде определенного процента от первой полученной прибыли.

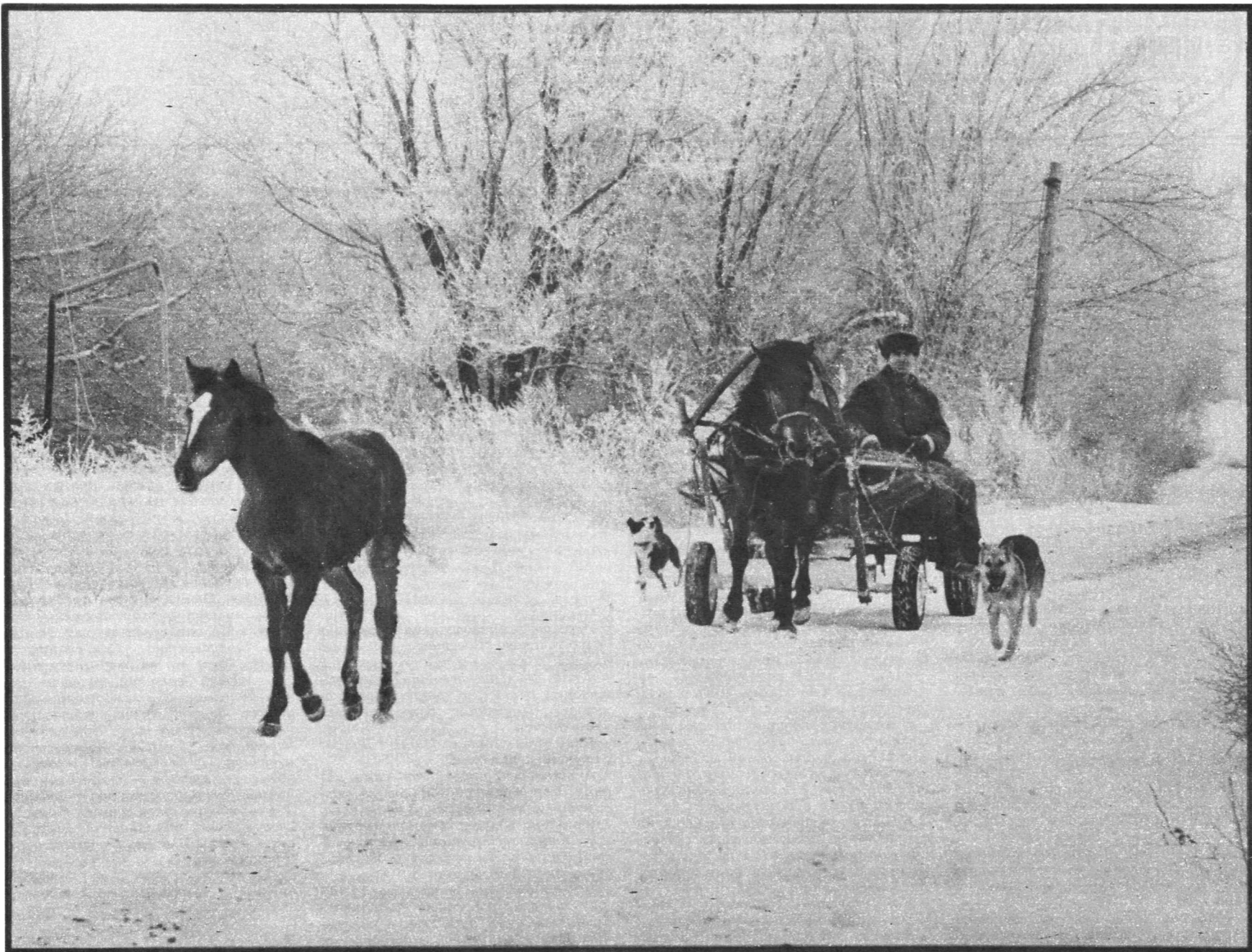
Необязательно пользоваться полным комплексом услуг. У арендатора Радченко появились первые доходы, ему нужен трактор, лучше новый, на худой конец — поддержанный. Где его взять? В нашем отечестве ведь никогда ничего нет и вместе с тем все есть. Места знать надо. Инженер нашей фирмы их знает. За это надо платить. Обыкновенная посредническая услуга. А юрист? Юристу особенно много работы. В областном суде мне показывали крестьянские жалобы. Все то же: обчеты, невыполнение колхозами договоров. Районные суды далеко не всегда принимают правильные решения, привыкли отстаивать колхозно-совхозные интересы. Таких жалоб пока немного. Какой внутренний барьер надо преодолеть крестьянину, как распрямиться после десятилетий рабской покорности, чтобы подать в суд на колхоз? Думается, подобного рода судебных дел будет все больше. Если, конечно, обществу не сдавит горло железная рука очередной диктатуры, если действительно пойдем по пути к правовому государству, профессия юриста станет одной из самых дефицитных, уважаемых и массовых.

Откуда могут взяться такие посреднические кооперативы, как набрать и объединить специалистов, тем более что дело предстоит хлопотное, связанное с поездками по селам, с постоянным противодействием местного начальства, да и крестьянство пока еще малоактивно, не очень-то приучено обращаться за помощью. Но ведь всякая новация такова: глаза боятся, а руки делают. К тому же повторю: у нас в России ничего нет, а вместе с тем, если поискать, все найдется.

Я подумал об аграрном чиновничестве, высвобождающемся при сокращении аппарата. Там и пенсионеров активных много, и более молодых людей, ищущих точку приложения сил. Консервативны? Воспитаны системой? Не все же.

Ходил по всяким оренбургским конторам, пока не наткнулся на живого умного человека Сергея Алексеевича Боч-

карева, начальника агропромышленного отдела Главного планово-экономического управления облисполкома. Он понял все с полуслова и тут же вручил проспект информационно-консультационного центра «Агроконтакт», создаваемого им вместе с сотрудниками своего отдела. Центр обращался прежде всего к руководителям районов, колхозов-совхозов и всяких предприятий, к крестьянам же — в последнюю очередь и к тому же брал на себя в основном информационные функции. А я говорил о посредничестве, защите интересов фермера. Сергей Алексеевич обещал подумать.

Другая встреча — с председателем областного союза предпринимателей и арендаторов Геннадием Александровичем Люлякиным. «В миру» Люлякин — директор кирпичного завода, взятого коллективом в аренду. В его союз вошло несколько десятков таких же заводов, предприятий службы быта, строительных организаций. Есть и аграрная секция, пытающаяся защищать сельских арендаторов. Наняли юриста, ездит по районам, ведет дела. Люлякин также обещал подумать над моим предложением. Но все у него в самом начале. Союз организовали полгода назад, и реальной общественной силой он себя еще не чувствует.

А нужна общественная сила. Какая? Стародубцевский аграрный союз выражает интересы руководителей колхозов и совхозов. Российская ассоциация крестьянских хозяйств? Крестьянская

партия? В Оренбурге даже не слышали о таких новообразованиях.

Вспомнилось, как в «Огонек», прочитав сообщение о создании крестьянской партии, забрел некий американец. Он специалист по истории эсеровского движения, написал книгу о Викторе Чернове и вот, прочитав о том, что в России теперь после столь долгого перерыва воссоздана крестьянская партия, желает окунуться в ее жизнь. Пришлось осторожно объяснять, что пока речь идет о группе демократически настроенных публицистов, ученых, депутатов, пытающихся опереться на первых фермеров.

Было время, когда мне казалось, что наиболее здоровые силы коммунистической партии, стремясь реабилитировать себя в общественном сознании, начнут поддерживать крестьянские хозяйства, отстаивать их интересы. Бесплодная надежда. Партийный аппарат, породив колхозы и совхозы, слишком тесно связан с ними и никакого экономического соперничества в деревне допустить не может. Значит, остается рассчитывать на альтернативные демократические общественные силы. И они есть в городе.

В кабинете «местного Станкевича» — заместителя председателя горсовета Евгения Федоровича Польшикова — несколько митинговая атмосфера. Толпятся депутаты, обсуждаются последние городские и союзные политические новости, тут же идет совещание недавно созданного социологического

центра. Сам хозяин — молодой, статный, в хорошо сшитом костюме, в недавнем прошлом преподаватель сельскохозяйственного института — только что вернулся из Парижа, куда ездил с группой российских социал-демократов по приглашению Социнтерна, и еще полон впечатлений.

Потолкавшись в этом кабинете, где корреспондента «Огонька» встретили с энтузиазмом, я ушел с объемистой брошюрой программы социал-демократической партии России. Проглотил ее в тот же вечер с интересом. Блестящий образец современной политической публицистики! Правда, насколько знаю, и другие недавно созданные партии упражняются в этом искусстве с немалым успехом. А практические дела?

— Есть и практические дела, — рассказывал Польшиков. — Горсовет усилиями демократических депутатов организовал социологический центр, свою газету «Оренбургские ведомости». Готовим приватизацию городской торговли. Хотим поставить вопрос о нерациональном использовании земель, входящих в городскую черту овощеводческих совхозов, и передаче их фермерским хозяйствам.

Стоп. Это уже по моей части.

— А как вы думаете передавать земли крестьянам? Какой механизм? Кто будет этим заниматься?

Мой собеседник задумался:

— Наверное, отдел создадим в горисполкоме.

Отдел? Еще одно чиновничье звено, которое будет управлять, указывать, отчитываться.

— А что вы предлагаете?

Я предлагал все то же: посреднический кооператив. Он слушал долго, не перебивая, как будто не реагируя. На следующий день я зашел, чтобы вернуть брошюру с программой.

— А вы знаете, меня заело. Всю ночь думал над этой идеей. Я ж сам из села. По-другому не пойдет дело. Надо браться.

Слава Богу, хоть один реальный союзник нашелся. А может, где-то уже идут по такому же пути? Страна велика. Начать бы и здесь, в Оренбурге. Лиха беда начало. Ну что бы тому же Польшикову с его энергией, связями начать. Не век же ему зампредом горсовета быть. А тут живое, самонужнейшее дело.

Хоть один бы такой кооператив, а там пойдет, не может не пойти. Только чтоб без показухи, чтоб загудело по окрестным селам: есть такие люди. Не показное чтобы народолюбие, а истинное, которое, кстати, всегда было в традициях русской интеллигенции. А, впрочем, вовсе не в народолюбии дело. В нашем общем корыстном интересе. Он же, этот интерес, состоит в том, чтобы был свободный крестьянин, который может накормить меня, горожанина, чтобы возродились канувшие в пучину истории степановские огородники, степановские кулаки, так исправно снабжавшие город овощами.

■ В своей документальной повести я попытался на основании различных материалов, появившихся в периодической печати в последнее время, и собственных журналистских расследований рассказать об одном из самых кровавых палачей из ведомства Берия — полковнике НКВД Родосе, уроженце Мелитополя. Тогда же я вынужден был сделать оговорку, что о Родосе мне известна лишь малая часть того, что им было сделано, и выразил надежду, что скоро все его преступления будут выявлены до конца.

Но, как видно, время для этого еще не настало. На официальный запрос от имени редакции «Комсомолец Запорожья» с просьбой ознакомиться с приговором на Родоса Военная коллегия Верховного суда СССР сообщила, что сведения, которые там имеются, являются секретными. Как и любой здравомыслящий гражданин страны, прочитав такой ответ, я удивился. Что за государственные секреты скрывает в себе дело Родоса через тридцать пять лет после окончания следствия и вынесения обвинительного приговора?

В кратком послужном списке, который мне предоставили из архива КГБ СССР, указано, что Борис Вениаминович Родос был арестован 2 июня 1953 года и 26 февраля 1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР был осужден к расстрелу. Но если суд над Берия, арестованным в то же время, не заставил себя долго ждать, то следствие по делу Родоса затянулось почти на три года.

Мне не известны подробности следствия, но можно не сомневаться, что Родос до конца боролся за свою жизнь. Он многое помнил, многое мог рассказать, в невыгодном свете представить многих высокопоставленных деятелей из сталинского окружения. Не в этом ли кроется причина отказа, полученного из Военной коллегии Верховного суда СССР?

Но есть, как мне кажется, еще одна весомая причина не предавать призывов на Родоса публичной огласке. Ведь осудили Бориса Родоса «за измену Родине и участие в террористической организации», то есть по тем самым статьям Уголовного кодекса, под карающую суть которых он в бытность свою следователем подводил многих своих подопечных.

Конечно, секретным агентом ничьих иностранных разведок Б. Родос не был и в подпольной террористической организации не участвовал. И не проникал со спецзаданием в НКВД, чтобы затем изнутри опровергнуть авторитет этого могущественного учреждения. Он был порожден самой тоталитарной системой, которая тогда существовала в стране, служил ей верой и правдой. И никакие террористические организации не могли нанести столь страшного урона нашему народу, чем орган, который был призван стоять на страже его интересов. Через застенки НКВД прошли десятки, сотни тысяч без вины арестованных людей. И правда о кровавых деяниях бериевских палачей рано или поздно все равно выявится.

Но хотелось, чтобы законодательным путем наконец было бы определено, какие документы в нашей

стране могут являться секретными, каков срок их хранения в спецхранах. Тогда предание их гласности не зависело бы от прихоти того или иного чиновника, а основывалось бы только на букве закона.

С. АВДЕЕНКО,
член Союза журналистов СССР
Мелитополь

■ Не так давно я, москвичка, была в Киеве и увидела в аптеке № 24, что на Крещатике, довольно дорогое лекарство, которое в Москве я уже давно не могу достать. В качестве ветерана Великой Отечественной войны я обычно получаю лекарства бесплатно. Но когда я предъявила рецепт, мне разъяснили, что по московским рецептам для инвалидов войны на Украине лекарства выдают только за полную стоимость.

Проверки ради я зашла еще в несколько киевских аптек. Да, действительно, в связи со «сложностями финансовых расчетов между республиками» аптекоуправление Минздрава УССР распорядилось отменить бесплатность инвалидных рецептов, выданных вне Украины.

В качестве забавной детали могу сообщить, что волею судьбы я была в воинской части, одной из первых вошедших в освобожденный от фашистов Киев, и хорошо помню Крещатик в огне и развалинах...

Не могу сказать, что мне все ясно в проблемах экономического суверенитета республик. Но вот что я уж решительно не в состоянии понять, это следующее.

Как известно, городской транспорт — организация хозрасчетная и далекая от благотворительности и деклараций о гуманности. Тем не менее ни в метро, ни в наземном транспорте города Киева никто не поинтересовался, где выдано мое удостоверение участника войны — в Киеве, в Москве или еще где-то. В музеях Киева (организации небогатые) участники и инвалиды войны также пользуются льготами независимо от места выдачи удостоверения. А украинское управление аптеками, представители «самой гуманной медицинской профессии», почему-то делит участников и инвалидов войны на своих и чужих — хоть бы уж по месту участия в боях, так нет, по месту выдачи документов!

Может быть, межреспубликанские финансовые расчеты лучше бы начать не с инвалидов?

Ф. ИВАНОВА
Москва

■ Поскольку с продовольствием в нашей стране туговато, посадил я картофель. Урожай выдался отменный. Хотел часть сдать в КООП — не вышло, все старо как мир: нет тары, нет транспорта или просто план по заготовке картофеля выполнен.

В Таганроге живулет мои родители-пенсионеры. Хотел поделиться с ними картошкой, послать пару багетов по 50 килограммов. Но опять неудача. На этот раз из-за решения Свердловского облисполкома. Теперь еще одна проблема.

Мои некурящие таганрогские родственники собрали мне небольшую

посылку из табачных изделий. Но вот уже два месяца мать не может ее отослать, так как в Таганроге на это тоже наложен запрет. В итоге мой картофель обречен на медленное гниение, а родители-пенсионеры вынуждены покупать его на рынке по кусающимся ценам или, по слухам, ждать картофель из Польши. Нас, в Свердловской области, не обидели: из Болгарии пришел транспорт с сигаретами, и я получил пять пачек «Рали» на месяц. Возможно, и мои стариков выручит Польша. А вот напрямую — из Свердловска в Таганрог один центнер картофеля, а оттуда 30–40 пачек сигарет — нельзя. Так кто же выгадывает от этих запретов?

В. КОПЫЛОВ
с. Ялунино Алапаевского района
Свердловской области

■ Русская православная церковь возрождается. Восстает буквально из руин после более чем полувековых гонений. На фоне всеобщей демократизации общества факт этот кажется поистине божественным провидением.

Как это происходит? Вопрос сложный и трудный.

Активность проявляют сами миряне. Каждый день ходоков по различным нуждам церкви, а чаще всего с просьбами об открытии новых храмов, можно встретить в Воронежской епархии. Им помогают. Но, увы, очень скудно и не многим.

В последнее время на экранах наших телевизоров тоже появляются иногда лица в духовном облачении. Они выступают с короткими речами, присутствуют даже в зале заседаний Верховного Совета СССР. Однажды телевидение показало занятия детей в воскресной приходской школе. И это для нас было уже сенсацией. Хотя не исчезает и недоверие. А не показуха ли это? Не представляют ли нам священнослужителей как актеров? Не надо забывать, что показ этот по-прежнему осуществляется под неослабным контролем. Ну что может в таких условиях сказать, например, архиерей, приведенный на телеэкран партийным функционером? Да будет если не молиться ему, то кланяться. Именно так произошло с Митрополитом Воронежским и Липецким Мефодием. Он не нашел ничего другого, как усердно поблагодарить председателя горсовета и других чинов за помощь в стройматериалах. Факт, стройматериалы — нужная вещь. Но нам хотелось услышать слово о Божьих заповедях, о нуждах православных прихожан; чтобы слово это сказало на устроении людей, вызвало в сердцах теплоту.

Русская православная церковь — это не молитвенный дом сектантов. Это один из больших и сильных организмов России. Значит, она в силах влиять на общество, положительно улучшая его структуры, в силах выливать отдельные деформированные личности. К несчастью, наша церковь опустошена в прошлые десятилетия грабежами невежественных идеологов. Мало осталось храмов, обскорожен репрессиями клир. Ничего из утраченного церкви не возвращено. И в сущности, ничего ею не приобретается из того, что

мы называем духовной пищей. У государства нет желания освободить церковь от своих запретных пут и предоставить ей свободу действий. А у церкви, как видно, нет особой целеустремленности и смелости идти на риск, который неизбежно может привести к трениям с правящими кругами.

До революции в России издавалось более ста церковных изданий. А что сейчас? Выходит мизерным тиражом журнал «Вестник Московской Патриархии». И только что стала выходить газета «Московский Церковный вестник». Оба издания расходятся по внутренним церковным каналам. Это капля в море.

Для церкви нужны другие масштабы, исходя из масштабов страны.

Мы должны раз и навсегда усвоить, что если церковь отделена от государства, то отделение это должно быть подлинным, а не фиктивным. Отделение же предполагает полную самостоятельность и равноправие среди других структур государства. Самостоятельность дает право на независимые от властей действия, право на ответственность. У самостоятельной церкви должна быть собственная полиграфическая база. При наличии такой базы была бы возможность издавать свои газеты, журналы, книги миллионными тиражами, какие имеют многие светские издания. У самостоятельной церкви были бы свое радио и телевидение. Была бы сеть воскресных приходских школ и многое другое.

И. КОПЫСОВ,
Бобров Воронежской области

■ Для Ленино-Снегиревского музея наступили тревожные дни. 27 октября прошлого года в парке Победы, где расположен музей, загорелась тяжелая техника. Начали развораживаться тягачи и краны. Из подвешенных крытых машин выскочила дюжина бравых парней в пятикостной форме десантников. Заверещали рации. Началась операция по захвату у музея танка периода Великой Отечественной войны — «шерман». Операцией руководил командир военнопатриотического отряда «Экипаж» Цветков. Финансировал операцию молодежный центр «Искра» при Свердловском райкоме ВЛКСМ города Москвы.

К военным операциям музею не привыкать. Здание бывшей школы осенью 1941 года переходило из рук в руки. Но тогда это был последний рубеж обороны столицы. И враг был суров. Хотя и теперешний — представитель славной ленинской комсомольской организации — не очень церемонился. К тому моменту в музее находились девушка — научный сотрудник и престарелый сторож — участник войны. Их слабые протесты и даже попытка встать на пути тягачей на Цветкова не оказали никакого впечатления. Девушку и старика бравые ребята оттащили в сторону. Приблизившему наряд милиции Цветков показал копию акта с круглой печатью, в котором говорилось, что якобы танки принадлежат группе «Экипаж». У политителей не проверили даже документы. Где их искать и куда увезли танк, неизвестно. В музей уже при-

езжали представители из ФРГ, предлагали за «тигр» 15 тысяч марок. Как оказалось, ржавые корпуса танков, оставшихся на бывших полях сражений, представляют не только историческую, но и валютную ценность.

Покидая парк Победы, патриот Цветков заявил, что следующим к вывозу намерен «тигр». Когда это произойдет? И как противостоять этому натиску?

Музей охвачен тревожным ожиданием.

А. ЕГОРОВ,
директор
военно-исторического музея
пос. Снегири Московской области

Можно и, наверное, нужно спорить об уместности монументальной Ленинианы в тех или иных случаях. Между тем есть случаи такие, когда соответствующие памятные знаки необходимо убрать безоговорочно, просто чтобы не вызывать насмешек над державой да и над самим В. И. Лениным.

В центре Европы, на фешенебельных Елисейских полях в Париже, размещается агентство Аэрофлота. Внутренняя боковая стена этого офиса с огромными стеклянными витринами расположена под острым углом к улице и своим продолжением образует внешнюю стену знаменитого ресторана «Pizza Pino». В любое время дня, а благодаря подсветке и ночью можно созерцать на внутренней части стены внушительных размеров профиль Владимира Ильича, выполненный из самоцветов.

На вопрос «Кто здесь изображен?» восемь из десяти случайных прохожих уверенно заявили, что это основатель компании «Аэрофлот», а двое предположили, что на стене профиль... первого хозяина соседствующего ресторана. Мои французские друзья, предложившие этот мини-опрос, весело смеялись — они бывали в Советском Союзе, отлично понимали подоплеку вопроса и подавали происходящее как свежий парижский анекдот.

Когда же мы наконец поймем, что мир устроен не совсем так, как нам объясняли с детства? Всего лишь триста миллионов из шести миллиардов людей на планете «живут с именем Ленина в сердце» и могут «опознать» облик вождя в любом ракурсе и в любом неподходящем месте. А если учесть, что процент наших соотечественников, пользующихся услугами Аэрофлота, в Париже весьма невелик, то и впрямь возникает вопрос: а стоит ли осенять процедуру продажи авиабилетов мало кому понятной символикой? Ну не приходит же в голову руководству Эр Франс украсить свое представительство в Москве портретами вождей Французской революции. Давайте уберем Ленина от билетных касс и ресторанов.

М. ФЕЛЕР
Минск

Этот адрес, к несчастью, знаком мне до боли: детская клиника больницы № 9, 8-я хирургия — я хожу сюда уже год. Сколько же страдающих глаз видела я здесь!

Тринадцатилетнего Сашу в бессознательном состоянии оставил на

дороге сбивший его водитель, свидетелей «нет». Одиннадцатилетняя Аня после наезда «Жигулей» лежит уже четвертый месяц — следовательно Киевского РУВД «пока» не появлялся. У пятилетних девочек-двойняшек, сбитых грузовиком вместе с мамой, двойное горе — тяжелые травмы и гибель отца. Трехгодовалый мальчик в гипсе лишился бабушки... Я не в силах перечислить всех — статистика детского дорожного травматизма ужасающая! И среди тысяч раненых — мой сын.

25 января 1990 года в районе остановки троллейбуса на Б. Грузинской улице напротив посольства ФРГ светлой «Нивой» был сбит ученик 5-го класса Максим Стрельцов. Я вышла встречать сына, но не успела, он уже навзничь лежал среди обступивших его людей. К счастью, «Скорая» не опоздала, врачи спасли ребенка, хотя травмы были жестокие.

В феврале 1990 года Краснопресненское РУВД Москвы возбудило уголовное дело, и я тогда, занятая всецело сыном, не сомневалась, что компетентные органы во всем объективно разберутся. Но... свидетелей наезда в людской толпе сотрудники милиции «не нашли»; никаких следов на проезжей части «не обнаружили»; автотехническая экспертиза, как и описание места происшествия, строилась по словам совершившего наезд водителя; показания сына и мои сомнения во внимание приняты не были; обстоятельство дела следователем Никоновым по-настоящему не исследовались. Освобо-

жденный вскоре от уголовной ответственности водитель освободил себя и от ответственности материальной — все тяготы и невзгоды выхаживания сына лежат на нашей семье.

Только в декабре, чуть поставив сына на ноги, я смогла обратиться в прокуратуру — теперь следствие должно возобновиться. Но даст ли оно результаты — ведь прошел год, а свидетелей происшествия так и нет. Как нет и свидетелей того, как живет после больницы койка, а то и реанимации маленьким «подранкам». Освобождая водителя «источника повышенной опасности», совершившего наезд, от ответственности, наше государство просто-напросто оставляет семью один на один с горем, болезнью, инвалидностью. Если же вдобавок водитель «не из простых», то и с ощущением мучительной беспомощности от попыток добиться истины и справедливости.

С. В. Образцов как-то рассказывал, что в Бельгии и Голландии на домашних кошек надают звонкие бубенчики — «чтобы к птичке незаметно подкрасться не могли». У нас же «незаметно» гибнут дети.

Водитель Сычев, причинивший столько боли моей семье, — сотрудник Управления делами ЦК КПСС. Так неужели по-прежнему действует самая страшная из привилегий, присвоенных определенным слоям нашего общества, — право на безнаказанность действий? Неужели «у сильного всегда бессильный виноват»?

Валерия СТРЕЛЬЦОВА

СПЕЦСЛУЖБАМ — СРОЧНО!

За последние недели со стороны различных органов печати прозвучали обвинения в адрес «Огонька», в которых, с одной стороны, утверждается, что журнал живет на средства спецслужб, с другой — что он активно подкармливает КПСС.

В связи с этим убедительно просим спецслужбы переводить деньги, предназначенные на содержание «Огонька», непосредственно (и полностью!) в Управделами ЦК КПСС, что существенно упростит систему взаиморасчетов в московской прессе. Тем более что вот уже год, как в наших редакционных анкетах нет графа «национальность» и «партийность».

Со своей стороны, заверяем, что, когда учредитель «Огонька» — его трудовой коллектив — займется благотворительностью, он сам уведомит об этом все заинтересованные стороны.

Редакция «ОГОНЬКА»

ВЫ, ПОДГОТОВИЛИСЬ
РЕГУЛИРУЕМОМУ НАМИ
РЫНКУ?

НЕТ ПРОБЛЕМ?

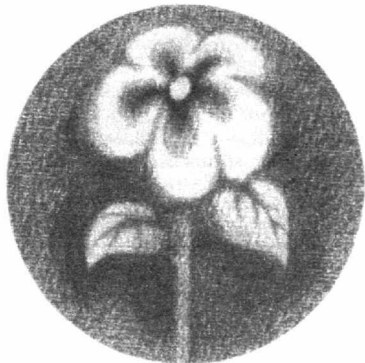
Деятельность любых объединений граждан, в том числе политических партий, общественных организаций и массовых движений, направленная на возбуждение национальной или расовой вражды, розни или пренебрежения, применение насилия на национальной, расовой, религиозной основе, а также их деятельность, непосредственно направленная на насильственное нарушение закрепленного Конституцией СССР единства территории Союза ССР, союзных и автономных республик, автономных областей и округов, является противозаконной и подлежит запрету.

Из Закона СССР «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР».

Рисунок из газеты «Московский строитель» № 44 за 1990 год.

ЭКАРТ Ваш БИЗНЕС-ЛОКНОТ

● «АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК» НЕДОСТУПЕН ЛИШЬ В СКАЗКЕ. В РЕАЛЬНОСТИ ЭТО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КООПЕРАТИВНО-КОММЕРЧЕСКИЙ ЦЕНТР, отчисляющий 50% своей прибыли на улучшение жизни инвалидов.

«АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК» предлагает: импортную видеоаппаратуру, множительную технику с запасными кассетами с порошком, оргтехнику, телефаксы, видео- и аудиокассеты, сигареты американского производства.

Оплата в рублях по безналичному расчету.

СОТРУДНИЧАЯ С «АЛЕНЬКИМ ЦВЕТОЧКОМ», ВЫ НЕ ТОЛЬКО ЛИШАЕТЕ СЕБЯ ВСЯЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ, НО И ВНОСИТЕ СВОЮ ЛЕПТУ В БЛАГОРОДНОЕ ДЕЛО ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ!

Наш адрес: Москва, 129233, ВДНХ СССР, павильон «Экономика и организация АПК». Телефон: 150-55-77.

● Творческое объединение «Эскарт» приглашает к сотрудничеству любые региональные рекламные издания и агентства.

Наш адрес: 101484, ГСП-4, Москва, Новослободская ул., 73.

Телефоны: 285-77-09, 285-47-98.

«Огонек», «Литературная газета», «ЛГ—Досье», «Советская культура», «Труд», «Московские новости», «Торговая газета», «Экран и сцена», «Архитектура», «Гудок», «Россия», «Столица», «Куранты», «Ленинское знамя», «Мы», «Сельская новь», «Октябрь».

Всесоюзное радио и телевидение, а также многие другие издания — наши деловые партнеры!

Опубликовать небольшое объявление в «Бизнес-блокноте» в сжатые сроки в журнале «Огонек», а также в газетах «Московские новости», «Советская культура», «Торговая газета», «Куранты», «Гудок» вам поможет ТО «Эскарт». Звоните нам по телефону: 285-77-09, 359-25-96.

● СОЮЗНАБИМПОРТ ГОСНАБА СССР предлагает обладателям СКВ новые автомобили и мик-

роавтобусы «НИССАН». Техническое обслуживание осуществляет СП «Автосан». Телефон: 280-34-00. Наш адрес: Москва, ул. Кржижановского, 16/1. Телефоны: 124-76-55, 124-80-47.

● ЗАВОД «КВАНТ» предлагает компьютеры: профессиональные (по цене 11 тыс. — 22 тыс. рублей), школьные, аппаратно-программные комплексы «Торговля», «Медицина», локальные сети, пакеты прикладных программ, неликвиды по каталогу. Обращаться: 103460, Зеленоград, завод «Квант». Телефоны: 536-85-26, 536-12-81.

● МОСКОВСКИЙ ЗАВОД ПИЩУЩИХ МАШИН поставляет пользователям ПЭВМ IBM PC, ЕС, SM и ДВК устройства ввода графической информации формата А4 и А3 для автоматизации проектных работ в области машиностроения, приборостроения, картографии, архитектуры, медицины и т.д. Адрес: 113093, Москва, Б. Серпуховская, 21. Телефоны: 236-35-86, 236-22-29, 236-32-70.

● КООПЕРАТИВ «ЭЛЕКТРОН» предлагает предприятиям и организациям: видеотехнику, компьютеры всех типов, школьные классы, огромный выбор новейших программ, документацию, любые периферийные устройства и контроллеры для ДВК, УК-НЦ, малогабаритные машины для изготовления шлакоблоков. Наш адрес: 103489, Москва, «Электрон». Телефон: 536-12-81.

● НТЦ «МОСКВОРЕЧЬЕ» предлагает разработку и поставку программных средств: АРМ: «Авто-предприятие», «Зарплата», «Склад», «Регистратура»; Адаптеры для ПЭВМ: АЦП и ЦАП; программаторы ПЗУ; интерфейсные карты; программируемые микроконтроллеры для САУ. САПР в электронике и машиностроении; редакторско-издательские системы; Проектирование техоснастки. Адрес: 109017, Москва, Пятницкая, 36. Телефоны: 231-04-74, 231-29-72.

● НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ МОСКОВСКОГО ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА предлагает средства вычислительной техники, оргтехнику, периферийные устройства; ремонт ПЭВМ РС-XT/AT/386; приглашает к сотрудничеству творческие коллективы. Адрес: 141700, г. Долгопрудный, Московской области, Институтский пер., 9. Телефон: 408-75-63.

● ДИСТРИБЬЮТЕР АМЕРИКАНСКОЙ ФИРМЫ «Nantucket» в СССР

НПЦ ЭМО «Кировец» предлагает лучший продукт СУБД для ПК — Clipper, незаменимый при разработке эффективных систем управления. Официальным пользователям системы Clipper предоставляется скидка при приобретении версии Clipper 5.0: — обеспечиваются техническая поддержка, обучение, консультации. Адрес: 127018, Москва, ул. 2-я Ямская, 15. Телефон: 289-44-77.

● СП «СОВПАКСЕРВИС» предлагает восстановленное и восстанавливает импортное фасовочно-упаковочное оборудование. Гарантия 6 месяцев, сервисное обслуживание. Москва, телефон: 316-09-11, телефакс: 316-08-88. Мариуполь, телефон: 33-61-24.

● КОМПЬЮТЕРНЫЕ ЦЕНТРЫ Micro Age в СССР. Компьютерные системы и программное обеспечение лучших мировых фирм по цене производителя. Настольные типографии. Сервисное обслуживание. Телефон: 229-78-04.

● НТЦ «МЕТОД» предлагает компьютерные технологии для изобретательской деятельности. Производится демонстрация работы программ. Высылаются рекламные проспекты и техническая документация. Телефон: 245-43-07.

● «ВИДЕОСЕРВИС» предлагает: прокат видеокассет; видеозапись; запись — почтой — иногородним высылаются каталог; установку декодеров «Филипс» ПАЛ с НЧ входом и выходом, 5 лет гарантии — иногородним высылаются комплект по заказу с предоплатой. Приобретет: импортную видеотехнику, видеокассеты. Арендует импортную видеотехнику, купит, снимет квартиру. Адрес: 121433, Москва, ул. М. Филевская, 8, кор. 1, телефон: 144-79-37, ежедневно с 11 до 21 ч.

● СП «МОСТЕПЛОСЕТЬЭНЕРГОРЕМОНТ» предлагает выполнить защиту труб 100—400 мм от наружной коррозии нанесением стекломалевого покрытия. Гарантия надежности — 25 лет. Телефоны: 201-50-50, 355-50-00.

● ОРГАНИЗАЦИЯ производит за наличный и безналичный расчет: циклевку полов и покрытие их лаком, обивку дверей, установку карнизов, ремонт мягкой кровли из современного материала круглогодично, изготовление люстр, бра, канделябров. Телефон: 445-47-60, с 9 до 17 ч.

● ОРГАНИЗАЦИЯ купит или арендует 2-, 3- или 4-комнатные квартиры с телефоном в престиж-

ных районах Москвы. Телефон: 288-08-83.

● КООПЕРАТИВ «ВЕНЕЦ» проводит обработку помещений от бытовых насекомых. Телефоны: 118-45-72, 359-28-53, 145-41-03, 442-62-51, ежедневно с 9.00 до 22.00. Администратор: 412-73-37.

● Московская городская телефонная сеть начинает эксплуатацию выделенной коммутируемой сети «ИСКРА-2». Сеть обеспечивает высококачественные услуги: телефония, факсимиле, видеотелекс, передача данных, выход на сети с пакетной документацией. С возможным выходом на городскую и международную сети.

103804, Москва, ГСП, Дегтярный пер., 6, стр. 2.

Телефоны: 200-14-70, 209-29-14. Телекс: 411727 МГТС.

Факс: 209-38-49.

● Центр русского языка, СП «Русс-Лан» при Университете дружбы народов приглашает изучать русский язык в Москве.

Обучение проводится опытными преподавателями, владеющими методикой интенсивного обучения, группами и индивидуально. Предусматривается любой уровень подготовки желающих. Предлагается специальный курс для бизнесменов. Применяются аудиовизуальные учебные пособия.

Программа обучения предусматривает экскурсии по культурным и историческим местам Москвы и Подмоскovie. Срок обучения от 1 до 6 месяцев.

Оплата — в валюте.

Адрес: СССР, Москва, 117415, а/я № 2, «Русс-Лан».

Телефон: 434-73-80.

Факс: 434-02-20.

● ВПСМО «Союзгидроспецстрой» предлагает проектирование и выполнение:

— инъекционных, свайных, буровзрывных, водопонижительных работ;

— подземных сооружений различного назначения;

— строительство высотных сооружений.

Обращаться: 103637, Москва, ул. 25 Октября, 10.

Телефон: 928-00-13.

● Организация предлагает по безналичному расчету за советские рубли оргтехнику — ксероксы, телефаксы. Периферию к АИВМ ПС — сканеры, стримеры, плотеры, лазерные принтеры, дигитайзеры, телефонные модемы, сетевые платы Эзернет, Аркнет импортного производства. АИВМ АТ 386/387.

Телефон: 141-01-53.

АПОФЕОЗ

Отрывки из книги «Черненко: Советский Союз в канун перестройки»

История повторяется сначала в виде трагедии, а затем — фарса. И если героев трагедии мы знаем, то с героями фарса нам еще предстоит познакомиться.

Предлагаем вашему вниманию фрагменты из книги «Черненко: Советский Союз в канун перестройки» западного политолога Ильи Земцова.

Размышления о нашем недавнем прошлом принципиально важны, а в случае К. У. Черненко они усиливаются еще и тем фактом, что это был последний из «доперестроечных» лидеров КПСС и страны. В этом году ему исполнилось бы 80 лет, и «не поступающие принципы» вполне могут вообразить Константина Устиновича во главе страны. А вы можете, сторонники перемен?.. Так или иначе жизнеописание Черненко в годы его правления сочинить и издать не успели.

Публикацией этих фрагментов предлагаем вам материал для раздумий.

Какой из двух образов Черненко сохранит история — старательного, трудолюбивого паренька из Сибири, поднявшегося к власти с безысходного социального дна — убожества и нищеты деревенской жизни, или посредственности, игрою случая занесенной мутными партийными волнами в Кремль?

Кто он, Черненко? Изогранный интриган, искусно державшийся за кулисами исторических событий — настолько тонко, что сумел десятилетиями, не привлекая к себе внимания, оставаться в тени своих покровителей? Или угодливый чиновник, воплотивший бессилие и неспособность режима, настолько духовно неподвижный, что временами казался несуществующим, деятель, оставивший после себя единственный след — человека, которому трудно дышать и двигаться?

Современники предлагают нам различные рисунки его образа. Одни с иронией называли его «вешалкой для полтенцев», «перекладывателем бумаг», «открывателем бутылок». Другие, более осмотительные и осторожные, представляли его «загадкой, способной преподнести сюрпризы», характеризовали как «расчетливого политика», всегда «себе на уме», наделенного здравым смыслом и не лишнего юмора. Были — значительно реже — и беспелляционные суждения: «тупица», «посредственность на побегушках».

Но, может быть, более правомерным и справедливым будет другое представление: Черненко — как символ

и образ системы (он же ее продукт и орудие), задуманный как ее наиболее полное и совершенное воплощение. Все советские руководители до Черненко в той или иной мере выпадали из социальной реальности. Ленин жил вне ее, насилая действительность марксистскими схемами. Сталин с ней не считался — конструировал общественную жизнь в соответствии со своей маниакальной страстью к власти. Хрущев опережал свое время — его проекты не укладывались в рамки тоталитарной структуры; Брежнев бесконечно от него отставал, долгое его правление не было отмечено сколько-нибудь существенным социальным развитием; Андропов не успел в него вписаться. И только Черненко полностью находился в его политическом контексте. Он целиком был в своей эпохе. В ней и его объяснение. Так что понимание его сущности лежит через истолкование особенностей и своеобразия советского общества, которое на специфическом витке своего развития (или распада) было способно (или вынуждено) выдвинуть и удержать у власти совершенно особенного, не похожего на других руководителя. Советская система должна была стать достаточно устойчивой и прочной, чтобы позволить себе иметь физически совершенно беспомощного, духовно сложенного лидера. Бессилие правителя отражало силу (все еще!) этой системы.

И на фоне этого взаимодействия (а иногда противодействия) — бессилие Черненко и всемогущество режима — складывалась и формировалась личность будущего генсека. При этом возникает вопрос: что заставило крестьян-

ского сына, робкого, тихого, броситься в омут партийной деятельности? Не обостренное честолюбие — во всяком случае, не только, — а мужицкая осмотительность. И поразившее юного Черненко открытие: большевистская революция не меняет меру человеческого благополучия, а всего лишь его перераспределяет — насильственно отнимает его у одних, с тем чтобы одарить других — тех, кто ей готов служить.

Под натиском социальных потрясений оказались разорванными вековые крестьянские ценности — приверженность очагу, преданность земле, старательно (а возможно, с любовью) насаждаемые в характере Черненко в отчем доме. Сведений об его детстве и юности чрезвычайно мало — настолько мало, что складывается впечатление, что партийные биографии преднамеренно обкрадывают его жизнь. Время в них словно остановилось — до такой степени узок их мир и так мало они говорят о нем: родился в 1911 году в сибирском селе Большая Тесь, в 1923-м — стал работать, в 1926-м — вступил в комсомол.

Что же произошло между этими датами?

Большевистская революция (о ней должны были остаться у Черненко лишь смутные воспоминания: грабежи и пожары — горели на корню хлеб и усадьбы богатых крестьян — так начиналось классовое расслоение деревни) в Сибири закончилась, едва начавшись, в ноябре 1917 года. Из двух декретов новой власти — «О мире» и «О земле» — сибирских крестьян, уставших от войны, привлек первый. Ко второму они отнеслись безразлично.

ибо земли у них в избытке было и без революции. А хлеб захватившим власть крестьяне безвозмездно отдавать не хотели: не желали голодать. Не могли они смириться и с самоуправством комиссаров, пришедших из города. Не соглашались и на лишения прав. Первые крестьянские выстрелы в Сибири раздалась в казачьих селениях — Большая Тесь была одним из них. Сюда тридцатью годами раньше, в конце XIX века, с переселенцами с Украины пришли родители Черненко. Он хорошо помнил отчий дом. Большой, просторный, который одним углом осел в землю, а другим, поросшим мхом и травой, упирался в небольшую речку; летом она мелела, а весной и осенью, в половодье, наполнялась рыбой. Работать на земле — ее в семье было в достатке — отец Черненко не хотел. Уходил на отхожий промысел — сначала на медные рудники, затем на золотые прииски — в надежде быстро разбогатеть. И посевными работами занималась мать. Была она высокая, сильная, быстрая, поднимала и перебрассывала в руках трехпудовые мешки.

Черненко же от природы был хил и слаб здоровьем, и мать, едва он окончил начальную школу, отослала его в город, в интернат — в школу второй ступени. Особого прилежания и больших успехов в учении Черненко не проявил. И вскоре он, оставив учебу, становится солдатом одного из продотрядов, созданных для насильственного изъятия у крестьян продовольственного налога.

Солдаты продотрядов действовали, как на войне: хлеб искали в крестьянских домах, словно оружие — шомполами взламывали стены, гранатами забрасывали подполье, штыками перепалывали огороды. И брали заложников — их расстреливали, если не удавалось собрать предписанного планом («разнарядкой») необходимого количества зерна.

Крестьяне пробовали сопротивляться — резали скотину, не убрали урожая, кое-где убивали советских активистов. И еще больше ужесточалась борьба с ними. Партия объявила войну деревне: от политики социального ограничения крестьянства она переходит к политике ликвидации крестьянства как класса.

Нормы ликвидации крестьян были четко определены: от пяти до семи процентов. Область спускала план в районы, местные партийные власти делили цифры по сельсоветам, и те составляли списки подлежащих «раскулачиванию» (тут учитывались старые обиды, принимались во внимание зависть и личная неприязнь). А сам процесс «раскулачивания» раскладывался, подобно пасьянсу, в несколько этапов. Сначала богатых крестьян обкладывали налогами, и у них какое-то время теплилась надежда, что выплатят, живя впроголодь, они поборы и государство их пощадит, помилуется. Затем их стали арестовывать: тех, кто оказывал сопротивление коллективизации, расстреливали в тюрьмах, остальных ссылали на спецпоселения в Сибирь.

Эшелоны с «кулаками» стали приходить в Красноярский край в 1929 году. Чекистов, чтобы встречать, разгружать, расселять арестантов, не хватало, и стали мобилизовывать им в помощь комсомольцев. Черненко, конечно же, не сводил личных счетов с несчастными ссыльными, он был в ту пору вообще политически не особенно грамотным. Но свято верил и почитал Сталина, и жили в нем безоглядное послушание, благородная робость перед могучей силой, именуемой партией. И еще в нем, тщедушном и слабом, тлела инстинктивная, подспудная неприязнь к независимым, самостоятельным крестьянам, на которых его натравливали. Партия разъясняла ему — кричала, запугивала, давила чекистскими сапогами — проявишь слабодушие, нерешительность с кулаками, не избежит тебе самому духовного перерождения. Его

убеждали: кулаки предадут революцию, сжигают хлеб, насилуют девушек, убивают детей, они классовые враги и все в них отвратительно, омерзительно — и тело, и душа, и мысли. Черненко очень скоро поверил, что все несчастья идут от кулаков — тяжесть и неустроенность существования, голод. Стоит их уничтожить, и сразу же наступит для людей добрая жизнь, спокойная, сытая.

И он выполнял свой долг: конвоировал их на работу, сторожил их, больных и умирающих на нарах в бараках, сгонял со станции, куда они, запуганные, замученные, шли полями, лесом, чтобы миновать милицейские заставы, в поисках подаяния, милости.

Черненко зарабатывал капитал более драгоценный, чем золото, которым когда-то грешил его отец: доверие партии. Понимал, что благосклонность партии важнее богатства, она — власть и почести. И искренне верил, что насилие и жестокость служат состраданию и справедливости, и прозревал социальную истину через классовую ложь. В бездумье и послушании Черненко обретал силу и мощь.

Массовые чистки советских учреждений в Сибири выносят его в партийную номенклатуру: в 1929 году он становится заведующим отделом пропаганды и агитации комсомольской организации в Новоселово. В те годы это был небольшой город: четырнадцать тысяч жителей, одна мукомольная фабрика, спиртоводочный завод, несколько кустарных мастерских. И всего 800 комсомольцев.

Черненко сразу же привлекается к проверке биографий руководящих работников. Кое-кто из них вскоре будет репрессирован по «первой категории»: арестован, а затем расстрелян, некоторых «протянут» по второй категории — снимут с должности и отправят на поселения на Север. Другим было уготовано наказание по «третьей категории» — их понизят в должности и выселят из квартир.

Он был одним из организаторов отрядов «легкой кавалерии» — комсомольских групп, назначением которых было выявлять (наказывать будет ГПУ) саботажников производства, нерадивых работников. Страх перед разоблачением, сковавший народ, оказался благоприятным для Черненко. Партия питала к нему расположение, и он отвечал ей преданностью. Он доброволец, его не надо было ни о чем упрямить, ни к чему принуждать. Нужны были доносы — писал, предлагали выступить свидетелем на суде — выступал, следовало мобилизовать массы на субботник — мобилизовывал. В его глазах, то светлых, то темных, постоянно жило услужливое напряжение — всегда готов был агитировать, вдохновлять, организовывать. Он весь был в комсомольской работе. Но неожиданно в партийной карьере Черненко наступил срыв — разрыв на три года. Осенью 1930 года он оказался на пограничной заставе в Казахстане. Может быть, он пересердствовал в гонениях на крестьян и не подметил новых идеологических веяний: власти были вынуждены весной 1930 года признать ошибочность поспешной коллективизации и призвали не проводить ее силой. Колхозы в Сибири карточными домиками стали разваливаться, и вину переложили на исполнителей. Черненко, возможно, оказался среди них. Но не исключено, хотя маловероятно, что извращенная насилием душа Черненко, вскормленная традициями крестьянской рассудительности и терпимости, неожиданно возмутилась и он решил выйти из кровавой игры. Такой случай представился в 1930 году, когда подошел возраст призываться в армию.

Не исключено, наконец, что Черненко просто оказался жертвой мистификации: советская пропаганда создавала ореол загадочной романтичности вокруг чекистов — этикие бесстрашные рыцари с «чистыми руками, горячим сердцем и холодной головой». И ему

могло показаться, что работа в органах безопасности обещает более быстрое выдвижение (и вознаграждение), чем партийная служба. К такому объяснению военного изгиба в своей биографии подводит и сам Черненко. Он писал: «Вы знаете, что для Советской страны начало 30-х годов было не простым периодом, но его пафос состоял в наступлении социализма на всех направлениях государственного, хозяйственного и культурного строительства. Вся страна была охвачена трудовым энтузиазмом... Служба на границе была пределом мечтаний для нас, тогдашних комсомольцев».

Именно поэтому эта версия — потому что официальные биографы настойчиво насаждали ее в общественном сознании — вызывает сомнение. Точно так же не заслуживает доверия утверждение Черненко, что пришел он служить в пограничные части добровольно. Скорее всего это было добровольно-вынужденное решение, в которое впились и не совсем благополучное развитие его комсомольской деятельности, и некоторая неудовлетворенность ею, и отштампованный идеологией выбор.

Военная служба, однако, не оправдала надежд Черненко: бойцам заставы приходилось сутками не слезать с лошадей. А тут еще малярия, страшная жара, отсутствие воды, недостаток еды. И — постоянные тревоги. Не проходило дня, чтобы не приходилось вылавливать людей, стремящихся уйти от советской жизни — пытавшихся перескочить, переползти границу. Эта жизнь, с лишениями, хамством и безумием, оказалась не похожей на упорядоченное существование Черненко в Новоселово: большая светлая комната в коммунальной квартире, теплый, ухоженный кабинет в районном комитете комсомола — в том же здании, где размещалось партийное начальство, сытный паек, уютная столовая для ответственных служащих.

К обмундированию Черненко привик, и очень скоро, скованная жестким воротником шинели, его шея стала менее подвижной. Труднее было приспособиться к окаменевшему от ледяного ветра снегу в горах и испепеляющему солнцу пустыни. Спать приходилось не снимая формы, не расстегивая ремня, чтобы успеть вскочить и встать в строй по тревоге в положенные шестьдесят секунд...

Спустя пятьдесят лет услужливый биограф напишет о службе Черненко на границе: «В схватках с бандитами молодой боец проявлял недюжинную отвагу и мужество. Он метко стрелял из винтовки и ручного пулемета, без промаха бросал гранаты. Кроме того, слыл хорошим кавалеристом и на охрану границы всегда ездил старшим погранотряда». В действительности же сосредоточенная злость стала внутренним зрением Черненко: его патриотизм под сквозняками лишений и бессонных ночей быстро, в первые же месяцы службы, отсырел. Воображение постоянно собирало и склеивало крохи благополучной прошлой жизни и настойчиво требовало: любой ценой вернуться к ней.

И такая возможность представилась. Черненко поручили — народу на заставе было немного, и большинство малограмотные — провести с солдатами-новобранцами воспитательную беседу. Черненко удачно выступил — сгодился опыт комсомольской деятельности, — и ему предложили вести регулярные политзанятия и тут же рекомендовали в партию. Пропагандистскую работу Черненко проводил усердно, старательно, с похвальным рвением и вскоре оказался в привычной для себя сфере активности. Его избирают партийным секретарем заставы, посылают делегатом партийной конференции погранотряда.

После демобилизации Черненко осмелительно отказался остаться на сверхсрочную службу, где его ожидало офицерское звание, а в будущем военное училище — он вновь оказывается

в Новоселово. Здесь он обретает утраченный на три года номенклатурный достаток, он находит его в райкоме партии, где ему поручают заведовать пропагандистским отделом.

Страна уходит от реальности и вместе с ней и Черненко. Он живет в мире надуманных планов и цифр. Кажется ему и миллионам других, что социализм находится рядом, за углом: еще одна жертва, последнее усилие, порыв — и будет построено желанное общество, разумное и справедливое. Партия подгоняла: для прыжка в утопию необходимо ликвидировать неграмотность. Черненко требовал и получал (средства — шок, приказ, устрашение) от местных руководителей необходимые ему показатели: до 1935 года не оставить ни одного не умеющего читать и писать на заводах, вовлечь всех детей младшего возраста в школы — до 1936 года, вернуть в районы в течение 1937 года сеть фабрично-заводского ученичества.

Естественное стремление народа к образованию подменилось лозунгом коммунистического воспитания. Обучение грамоте становилось повинностью, уклонение от которой влекло за собой наказание. Но Черненко был доволен — он силой (и насилием) вел свой район в новое общество. Было довольно им и партийное руководство края. Оно поручило ему создавать счастливую жизнь для другого района: его назначили заведующим отделом пропаганды Уярского райкома партии. Здесь Черненко обнаружил, что медленно и лениво тянется жизнь рабочих, и решил приобщить их к физической культуре — для подготовки к героическому труду и защите отечества. Людям, по комсомольским путевкам посылаемым работать в Сибирь, где было жить, они ютились в землянках. Черненко же задумал и осуществил строительство стадиона на двадцать тысяч человек в районном центре, насчитывающем едва ли тринадцать тысяч жителей, ибо идеология требовала и оправдывала возведение грандиозных сооружений — они должны были выражать и подчеркивать величие переживаемой эпохи.

Стадион, в скором времени пришедший в негодность из-за ненужности — сначала его использовали для вывоза мусора, а затем переоборудовали в лагерь для заключенных, — стал стартовой площадкой для вывода Черненко на космическую орбиту. В 1938 году он утверждается директором Красноярского дома партийного просвещения, а спустя год — заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации крайкома партии. Черненко теперь предстояло идеологически освоить территорию, по размерам равную Западной Европе, в состав которой входили одна область и два национальных округа, сорок три района, четырнадцать городов, десятки поселков, более тысячи колхозов и совхозов.

В этой огромной среде обитания Черненко без труда находил пропагандистскую целину. На бескрайних просторах енисейского Севера и на юге края издавна проживали хакасы и эвенки, сумевшие создать и сохранить свою скромную, но самобытную культуру. Принимается решение — разорвать национальные связи, приспособить и подчинить их русской культуре. И социалистические понятия и представления начинают врываться в их духовный мир, разрушая вековые привязанности и ценности. Начал распадаться традиционный уклад их жизни. На стойбищах сносились чумы и юрты, обтянутые теплыми оленьими и моржовыми шкурами, а в таежных улусах возводились многоквартирные дома под тесовыми крышами, не приспособленные для Крайнего Севера. Вытеснялись даже тулупы и шубы — им на смену приходила одежда из плохо выделанной ткани, холодная и неудобная.

И форсированно создавались клубы — для массовой промывки мозгов. Их было 700 в 1937 году, стало 1763 в 1940-м. В быт внедрялись радиосеть

и пресса — для обкатки коммунистических лозунгов и манипулирования общественным мнением. Черненко с гордостью рапортовал в ЦК об итогах своего труда: «230 тысяч рабочих, служащих и колхозников являются постоянными подписчиками газет».

Москва проявила благосклонность к расторопному и старательному работнику — тридцати лет от роду Черненко назначается секретарем крайкома партии по пропаганде. Он становится одним из руководителей края, сосредоточив в своих руках огромную власть. Это произошло в начале 1941 года, а 22 июня началась война, которая подвела итог его власти в Красноярске. Но тогда, в самом начале года, думать о войне не хотелось, а главное не полагалось: партия предписала считать провокационными слухами готовящееся нападение Германии на Советский Союз. И Черненко поспешно отрядил на предприятия и учреждения края весь свой пропагандистский актив, более пятнадцати тысяч агитаторов, разъяснять «незыблемость и непоколебимость» союза Москвы с Берлином. Готовился к инспекционной поездке по своим владениям и сам Черненко, ему предстояло посетить десятки городов и районов, разбросанных вдоль долин Енисея на добрые две-три тысячи километров: от плоскогорий и гор Южной Сибири до берегов Ледовитого океана. Предстояло людей (подведомственных) посмотреть и себя (в новом качестве) показать. И — утвердить. Отныне он не мог позволить себе заискивания, панибратства. Стиль его поведения становится строгим, деловитым, требовательным, где необходимо — суровым и беспощадным. Он представляет партию. Неуместными оказываются вежливость, общительность, внимательность — они были необходимы в прошлом, когда он искал расположения начальства, заискивал перед коллегами.

Следовало ему изменить и распорядок дня — заседания проводить по ночам. Это вызывало почтение — тяжело работать секретарь. И без доклада не принимать, только по предварительной записи. С шоферами (их у него стало два) держаться вежливо, но холодно, отстраненно, с достоинством — перекидывался парой слов, спрашивал о семье, справлялся о здоровье. И уходил в себя: человек отныне он занятый, умеет планировать работу и дорожит временем.

В самое ближайшее время его ожидало депутатство в Верховном Совете и участие в работе очередного съезда партии: предыдущий, восемнадцатый, состоялся в 1939 году, следующий предполагали провести в 1942-м или 1943-м. Он мог стать членом ЦК, если повезет (как стал его сосед, секретарь Дальневосточного крайкома Николай Пегов), а нет — то быть ему кандидатом в члены ЦК. Но по должности — идеологический секретарь — рассчитывал Черненко со временем на полное членство в ЦК: край его самый большой в стране и богатый. В его недрах скрыты несметные запасы угля, нефти, благородных металлов. Разнообразие почв и климата открывало широкие возможности для развития сельского хозяйства — производства зерна, развития животноводства. Хорошие перспективы — наличие океана — существовали и для интенсивного рыбоводства.

Форсированно, за счет разорения деревни, осуществлялась индустриализация. В 1940 году выпуск промышленной продукции вырос здесь в 20 раз по сравнению с 1913 годом, исходным годом, от которого предпочитала отталкиваться советская статистика. Построены были крупные предприятия — угольные шахты и разрезы, заводы тяжелого машиностроения и комбайнов, судостроительные верфи. И, наконец, на территории края раскинулись важнейшие архипелаги советской тюремной империи — десятки концентрационных исправительно-трудовых лагерей.

Когда анализируют мотивы массово-

го террора в Советском Союзе в 30-х годах, обычно называют стремление Сталина уничтожить революционное поколение руководителей и создать новую партию, ему полностью подвластную. Эти факторы лишь частично вскрывают его причины. Существует и третий импульс, не менее важный: необходимость концентрации многочисленных людских резервов на индустриальных стройках. При этом конвейер мобилизации был прост и эффективен: каждая область получала план арестов — выявить к определенному сроку необходимое число «врагов народа».

Так механизм репрессий занес в Красноярск к 1941 году 3 миллиона заключенных, что было в полтора раза больше, чем само население края. Государственное Управление лагерей (ГУЛАГ), подчиненное НКВД, занимало важное место в экономике края. Заключенные трудились на лесозаготовках, в деревообрабатывающей промышленности, на медных копях, алмазных приисках. В его систему также входили лаборатории-тюрьмы, работающие на военную промышленность. Черненко мудро рассудил: необходимо завоевать расположение Берия. И, видимо, преуспел в этом. В 1941 году, когда террор в стране был уже на спаде, в Красноярском крае все еще буйствовала кампания разоблачения «вредителей и диверсантов».

Так что особую предусмотрительность пришлось проявлять Черненко в выборе знакомств — чтобы не затесались в них неблагонадежные элементы или члены семейств «врагов народа», надлежало быть осторожным и в связях с женщинами — партия проявляла нездоровый интерес к личной жизни своих сотрудников. Черненко поэтому решил не искушать судьбу и летом 1941 года не ехать в отпуск к теплым морям — Черному или Азовскому, а отдохнуть в местном санатории «Шира».

Конечно, он понимал — заманчивее было развлечься в Сочи, в санатории «Кавказская Ривьера», где редко можно было встретить партийных работников, угрюмо-тоскливых, развлекающихся доносами на своих сослуживцев, а женщины, что съезжались туда, были не цветущие, сухие обкомовские деятельницы, одним своим видом отрававшие от озорства, а соблазнительные, столичные дамы, свежие, аппетитные, со взбитыми пышными прическами и при маникюре. Да и мужчины, отдыхавшие там, были не под стать сибирякам — солидные, обстоятельные. Он (кто он, в сущности? На первый взгляд мальчишка, ему и его возраста никак не дать: среднего роста, неразвитые плечи, монгольское широкое лицо с впалы-

ми щеками) подсознательно искал и стремился к независимой жизни, активной, гордой, исполненной достоинства. И странное чувство время от времени охватывало Черненко: его скрывало «я», тщеславное, обитавшее в глубине его подсознания, разворачивалось в груди, вырывалось наружу, ища самовыражения. И искало признания — подтверждения его самоценности.

Но не пришлось Черненко поднабраться сил ни на сибирском курорте, ни на черноморском: его захлестнула война. Она перевернула всю его жизнь, размеренную, благополучную, налаженную.

События развивались так. В начале июля в Красноярске был сформирован краевой комитет обороны, в который вошел Черненко. Под его началом создаются специальное управление, контролирующее все отделы крайкома, ответственные за снабжение фронта. Но прошло много недель, прежде чем Черненко как-то освоился с новыми обязанностями. Привычных директив из Москвы не поступало, приходилось полагаться на интуицию, что его несколько смущало и пугало. И он решил начать с привычного — с принятия резолюций, должностных, по его мнению, всколыхнуть в местных жителях патристические настроения и чувства. Вот одна из них, предложенная им коллективу Енисейского пароходства:

«Мы все как один поддерживаем наше Советское правительство, нашу славную Коммунистическую партию... Мы не пожалеем трудов своих и нашей жизни для победы над врагом. На своем трудовом посту или в рядах Красной Армии будем отстаивать Родину, свою честь и свободу!»

Черненко приходит мысль повысить эффективность идеологической работы — в этом состояла его помощь фронту. По его указанию создаются шесть новых районных газет, он впрягает в пропагандистскую деятельность 15 тысяч новых агитаторов. Форсирует строительство 573 пунктов для коллективного радиопрослушивания, руководит изданием массовыми тиражами лозунгов и призывов к населению, санкционирует печатание 200 тысяч плакатов, по его инициативе проводятся антифашистские митинги, собрания жен фронтовиков, выступления воинов на вокзалах и в кинотеатрах.

В военкоматы города шли заявления от добровольцев с просьбой зачислить их в действующую армию. В первые месяцы войны — с июня по август — была мобилизована четвертая часть всех коммунистов края: 7140 из 24 тысяч членов партии, среди них 153 из 280 местных партийных секретарей. Но

Черненко на фронт не стремился — за многие годы партийной работы он развил в себе осторожность и осмотрительность. Опыт подсказывал ему — в тылу больше, чем на войне, существует возможностей для продвижения. И — меньше риска.

В Красноярск стягивался поток беженцев, и к зиме 1941 года он составил миллион человек — половина коренного населения края, а за ним начали поступать эвакуированные с запада страны заводы и фабрики. Их надлежало — от этого зависела карьера и судьба Черненко — поспешно разместить на новом месте и запустить на полную мощность. В технической стороне дела он плохо разбирался и перепоручил это своим помощникам, которые следили за сооружением новых фабричных корпусов, графиком работ. И занялся разработкой инструкций по организации труда. В соответствии с их рекомендациями рабочие и служащие прикреплялись к предприятиям. Уход с работы рассматривался (и осуждался) как дезертирство, вводились неограниченные временные сверхурочные работы, отменялись отпуска и выходные дни.

Меньшее внимание он уделял размещению эвакуированных. Они скученно, по три-четыре семьи, селились в землянках, в наскоро сколоченных бараках. Жили впроголодь. Карточная система распределения продуктов не в состоянии была обеспечить их потребности. Работающим выдавалось 500—600 граммов хлеба в день (300—400 граммов иждивенцам) и в месяц до двух килограммов мяса и рыбы, пятьсот граммов жиров, до полутора килограммов круп и макарон. Все прочие продукты приходилось по баснословно высоким ценам покупать (а чаще — обменивать на вещи) на черном рынке.

И постепенно на одном общественном полюсе в Сибири обозначилась и проявилась нищета — рабочие от постоянного недоедания и напряжения истощались и выбивались из сил, а на другом — сколачивались огромные состояния спекулянтами, среди них немало было партийных и советских работников, торговавших продуктами из закрытых распределителей. И Черненко попытался решить уравнение социального равенства весьма оригинально — он решил реквизировать «излишки» для нужд фронта и собственной политической рекламы. Реклама удалась — идея Черненко вызвала одобрение Москвы, и он бросился облагать принудительным налогом служащих. В 1942 году он дает указание развернуть в крае мобилизацию средств с населения для строительства таковой колон-

ны имени Сталина. Когда же выяснилось, что собранных в городе денег и ценностей недостаточно, агитаторы Черненко устремились в селения — облагать крестьян (женщин, стариков, детей — мужчины были на фронте) натуральным налогом: из личных запасов колхозников были сданы в фонд армии десятки тысяч пудов хлеба.

Сталин телеграммой выразил благодарность Красноярскому крайкому партии — за несколько недель партийные работники умудрились изъять у жителей края 30 миллионов рублей и 110 тысяч пудов хлеба. Популярности в крае Черненко это не прибавило. И не принесло, как выяснилось очень скоро, и особого расположения Москвы.

Осенью 1942 года у Черненко возникает мысль к 25-й годовщине Октябрьской революции собрать подарки защитникам Ленинграда. Он снаряжает и посылает ленинградцам 50 вагонов с продовольствием и теплыми вещами, пожертвованными населением.

Одна пропагандистская идея сменяется другой — мозг Черненко вырабатывает их с завидной энергией и разнообразием. Красноярск берет шефство над Карело-Финским фронтом — туда отправляется делегация партийных активистов (сам Черненко благоразумно остается в тылу). Организуется шефство промышленных предприятий над госпитальными. Колхозам предписывается провести символическое зачисление воюющих солдат в сельскохозяйственные артели с обещанием всевозможных благ — построить для них дом, выделить огород, дать коров и гусей (их реализация предусматривалась к окончанию войны). Самое оригинальное изобретение Черненко — включать в состав комплектуемых банно-прачечных поездов вагон, целиком оборудованный для агитации.

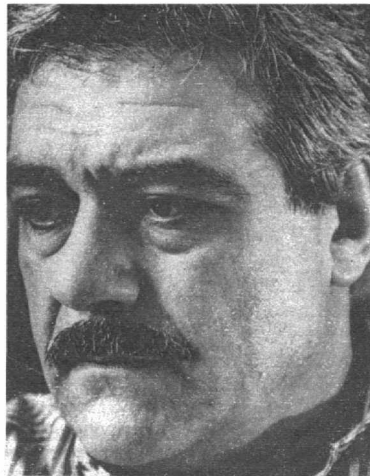
Пропагандистское новаторство Черненко не вызвало в ЦК возражений. Но, к его удивлению, и не породило восторгов. В Кремле утверждается более прагматический подход к партийной работе: насколько она укрепляет режим и приближает страну к победе. Идеологические соображения на время были приглушены и отодвинуты на второй план. И когда выяснилось, что в Красноярске десятки предприятий не выполняют план, задерживается строительство важнейших оборонных объектов, колхозы срывают сдачу хлеба государству, негодование Москвы не знало предела. Под пресс критики попал весь партийный аппарат края, но особенно беспощадной она оказалась по отношению к Черненко. Выявилось, как утверждалось в решении ЦК, что он, ответственный за снабжение фронта, сосредоточился «на многочисленных текущих делах и упускал из виду главное», «принимая правильные решения, не претворял их в жизнь», «утратил связь с массами» и т. д.

Черненко стал каяться, но, по-видимому, без должной решительности и настойчивости, получил строгий выговор и был смещен со всех партийных постов — с должности секретаря крайкома, руководителя управления, ведающего поставками фронту, выведен из бюро.

Перед ним возникла угроза мобилизации в армию — кем? Офицерского звания он не имел, образования — почти никакого. И в этом совершенно неожиданно для него таилось спасение. Партия, не смущаясь, сбрасывала с различных номенклатурных пьедесталов тысячи своих служителей, в том числе самых высокопоставленных, но не желала унижать самое себя — не могла, не теряя авторитета, послать бывшего секретаря крайкома на фронт простым солдатом, политруком взвода или роты (а на большую честь не мог рассчитывать попавший в опалу Черненко). Она умела, безжалостно расшатывая, проявлять жалость. Черненко откомандировывается весной 1943 года в Москву — учиться в Высшую школу парторганизаторов.

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Рубрику ведет
Виктор ЕРОФЕЕВ.

Сергей ДОВЛАТОВ

**Поверх барьеров — так
поверх барьеров. С нового
года мы расширяем круг
авторов нашей рубрики,
приглашая в нее писателей
разных поколений, живущих
у нас в стране. Барьеры
существуют не столько на
границах, сколько в сознании.**

**Инерция вкуса и чувств
сковывает развитие свободной
литературы не меньше былой
цензуры. Мандельштам прав:
литература — ворованный
воздух, ее нельзя приручить.**

Но ее нужно знать.

**В прошлом году «Огонек»
напечатал беседу с Сергеем
Довлатовым и его рассказ.**

**В августе писателя не стало.
Он был замечательно скромным,
но знал цену своему слову.**

**В его слове были чистота
и страсть подлинного
писательства. Вновь
возвращаясь к творчеству
писателя, мы выбрали один
из самых довлатовских
рассказов, где
автобиографизм сочетается
с самоиронией, сочувствие
к героям — с редкой
авторской**

**беспристрастностью. Он знает,
о чем пишет: как и его герои,
служил в лагерном конвое.**

**Проза Сергея Довлатова
чужда поднадоевшему уже
читателю обличительству —
в ней нет суда над жизнью, но
есть нежная любовь к ней.**

РАССКАЗ

Когда меня связали телефонным проводом, я успокоился. Голова моя лежала у радиатора парового отопления. Ноги же, обутые в грубые кирзовые сапоги, — под люстрой. Там, где месяц назад стояла елка...

Я слышал, как выдавали оружие наряду. Как лейтенант Хуриев инструктировал солдат. Я знал, что они сейчас выйдут на мороз. Дальше будут идти по черным тропам, вдоль зоны, мимо рвущихся собак. И каждый будет освещать фонариком лицо, чтобы солдат на вышке мог его узнать...

Первым делом я решил объявить голодовку. Я стал ждать ужина, чтобы не притронуться к еде. Ужина мне так и не принесли.

Я слышал, как вернулись часовые. Как они зашли в ружейный парк. Как с грохотом швыряли инструктору через барьер подсумки с двумя магазинами. Как ставили в пирамиду белые от инея автоматы. И как передвигали легкие дюралевые табуретки в столовой. А затем ругали повара Балодиса, оставившего им несколько луковиц, сало и хлеб. Но, как я догадался, забывшего про соль...

Трезвее от холода, я начал вспоминать, как это было. Днем мы напились с бесконвойниками, которые пытались меня обнимать и все твердили:

— Боб, ты единственный в Устьвымлаге человек!..

Затем мы отправились через поселок в сторону кильдима. Около почты встретили леспромхозовского фельдшера Штерна. Фидель подошел к нему. Сорвал ондатровую шапку. Зачерпнул снега и опять надел. Мы шли дальше, а по лицу фельдшера стекала грязная вода.

Потом мы зашли в кильдим и спросили у Тонечки бормотухи. Она сказала, что дешевой выпивки нет. Тогда мы закричали, что это все равно. Потому что

ПО

деньги все равно уже кончились.

Она говорит:

— Вымойте полы на складе. Я вам дам по фунфурику одеколону...

Тонечка пошла за водой. Вернулась через несколько минут. От бадьи шел пар.

Мы сняли гимнастерки. Скрутили их в жгуты. Окунули в бадью и начали тереть дощатый пол. Мы с Балодисом работали добросовестно. А Фидель почти не мешал.

Потом мы выпили немного одеколону. Мы просто утомились ждать. Он страшно медленно переливался в кружки.

Вкус был ужасный, и мы закусил барбарисками. Мы жевали их вместе с прилипшей к ним оберточной бумагой.

Тонечка сказала: «На здоровье!»

Латыш Балодис подмигнул ей и спрашивает Фиделя:

— Ты бы мог?

А Фидель ему и отвечает:

— За миллион и то с похмелья...

Когда мы вышли, было уже темно. Над лесобиржей и в поселке зажглись огни.

Мы прошли вдоль конюшни, где стояли телеги без лошадей. Фидель затынул: «Мы идем по Уругваю!..» А Балодис схватил гитару и ударил ее об дерево. Обломки мы кинули в прорубь.

Я поглядел на звезды. У меня закружилась голова...

В этот момент Фидель полез на телеграфный столб. Да еще с перочинным ножом в зубах. Парень он был технически грамотный и рассчитывал что-нибудь испортить. Он забирался выше и выше. Тень от него стала огромной. Неожиданно он крикнул: «Мама!» — и упал с десятиметровой высоты. Мы бросились к нему. Но Фидель поднялся, отряхнул снег и говорит:

— Падать — не залазить!..
 Стали искать нож. Балодис говорит:
 — Видно, ты его проглотил.
 — Пусть, — сказал Фидель, — у меня их два...
 Потом мы отправились в казарму. Навстречу выехал хлебный фургон. Мы пошли вперед, не сворачивая. Водитель затормозил, свернул и поломал чью-то ограду...
 Когда мы вернулись, служебный наряд чистил оружие. Мы зашли в столовую и поели холодного рассольника. Фидель хотел помочиться в бачок, который стоял на табурете. Но мы с Балодисом ему отсоветовали.
 Потом мы зашли в ленкомнату. Расселись вокруг стола. Он был накрыт кумачовой скатертью. Кругом атели стенды, плакаты и лозунги. Наверху мерцала люстра. В углу лежала свернутая трубкой новогодняя «Молния»...
 — Скоро ли коммунизм наступит? — поинтересовался Фидель.
 — Если верить газетам, то завтра. А что?
 — А то, что у меня потребности накопились.
 — В смысле — добавить? — оживился Балодис.
 — Ну, — кивнул Фидель.
 Я говорю:
 — А как у тебя насчет способностей?
 — Прекрасно, — ответил Фидель, — способностей у меня навалом.
 — Матом выражаться, — подсказал Балодис.
 — Не только, — ответил Фидель.
 Он начал расставлять шахматные фигуры. Я положил голову на скатерть. А Балодис стал разглядывать фотографии членов Политбюро ЦК. Потом он сказал:
 — Вот так фамилия — Челюсти!
 Тут в ленкомнату заглянул старшина Евченко.
 — Ложились бы, хлопцы! — сказал он.

чит, пускай ее выпьет какой-нибудь рецидивист? И совершит повторное уголовно наказуемое деяние?..
 — Ты ходишь за водкой. Общаешься с контингентом. А потом он использует тебя в сомнительных целях.
 — Кто это — он?
 — Контингент... У тебя должен быть антагонизм по части зеков. Ты должен их ненавидеть. А разве ты их ненавидишь? Что-то незаметно. Спрашивается, где же твой антагонизм?
 — Нет у меня антагонизма. Даже к тебе, мудила...
 — То-то, — неожиданно высказался контролер и добавил: — Хочешь, я тебе из личных запасов налью?
 — Давай, — говорю, — только антагонизма все равно не жди...
 Я шел в казарму, спотыкаясь. В темноте миновал заснеженный плац. Оказался в сушилке, где топились печи. На крючьях висели бушлаты и полушубки. Фидель рванулся ко мне, опрокинув стул. Когда я сказал, что водки нет, он заплакал.
 Я спросил:
 — А где Балодис?
 Фидель говорит:
 — Все спят. Мы теперь одни.
 Тут и я чуть не заплакал. Я представил себе, что мы одни на земле. Кто же нас полюбит? Кто же о нас позаботится?
 Фидель шевельнул гармошку, издав резкий, пронзительный звук.
 — Гляди, — сказал он, — впервые беру инструмент, а получается не худо. Что тебе сыграть, Баха или Моцарта?..
 — Моцарта, — сказал я, — а то караульная смена проснется. По рылу можно схлопотать...
 Мы помолчали.

— Шалва! Гиги! Вай мэ! Арунда!..
 Прибежали грузины в белье, загорелые даже на Севере. Они стали так жестикулировать, что у Фиделя пошла кровь из носа.
 Тут началась драка, которую много лет помнили в охране. Шесть раз я падал. Раза три вставал. Наконец меня связали телефонным проводом и отнесли в ленинскую комнату. Но даже здесь я все еще преследовал кого-то. Связанный, лежащий на шершавых досках. Наверное, это и был тот самый человек. Виновник бесчисленных превратностей моей судьбы...

К утру всегда настроение портится. Особенно если спишь на холодных досках. Да еще связанный телефонным проводом.
 Я стал прислушиваться. Повар с грохотом опустил дрова на кровельный лист. Звякнули ведра. Затем прошел дневальный. А потом захлопали двери, и все наполнилось особым шумом. Шумом казармы, где живут одни мужчины и ходят в тяжелых сапогах.
 Через несколько минут в ленкомнату заглянул старшина Евченко. Он, наклонившись, разрезал штыком телефонный провод.
 — Спасибо, — говорю, — товарищ Евченко. Я, между прочим, этого так не оставлю. Все расскажу корреспонденту «Голоса Америки».
 — Давай, — говорит старшина, — у нас таких корреспондентов — целая зона.
 Потом он сказал, что меня вызывает капитан Токарь.
 Я шел в канцелярию, потирая запястья. Токарь встал из-за стола. У окна расположился недавно сменивший меня писарь Богословский.
 — В этот раз я прощаю не собираюсь, — заявил капитан, — хватит! С расконвоированными пили?
 — Кто, я?

П Р Я М О Й

А Фидель как закричит:
 — Почему кругом несправедливость, старшина? Объясните, почему? Вор, положим, сидит за дело. А мы-то за что пропадаем?
 — Кто же виноват? — говорит старшина.
 Я говорю:
 — Если бы мне показали человека, который виноват... На котором вина за все мои горести... Я бы его тут же придушил...
 — Шли бы спать, — произнес Евченко.
 Тут мы встали и ушли, не попрощавшись. А Фидель — тот даже задел старшину. Покурили, сидя во дворе на бревнах. Затем направились в хозчасть.
 — Боб, иди в зону, — сказал Фидель, — и принеси горячего. А то мотор глохнет.
 — Давай, — подхватил Балодис, — в кильдими шнапса нет, а у зеков — сколько угодно. Дадут без разговоров, вот увидишь. Знают, что и мы в долгу не останемся.
 Он потянул Фиделя за рукав:
 — Дай папиросу.
 — Курить вредно, — заявил Фидель, — табак отрицательно действует на сердце.
 — Нет полезно, — сказал Балодис, — еще полезней водки. А вредно знаешь что? На вышке стоять.
 — Самое вредное, — говорит Фидель, — это политзанятия. И когда бежишь в противогазе.
 — И строевая подготовка, — добавил я.
 В зону меня не пустили. Контролер на вахте спрашивает:
 — Ты куда?
 — В зону, естественно.
 — По личному делу?
 — Нет, — говорю, — по общественному.
 — За водкой, что ли?
 — Ну.
 — Поворачивай обратно!
 — Ого, — говорю, — вот это соцзаконность! Зна-

— У Дзавашвили чача есть, — сказал Фидель, — только он не даст. Пошли?
 — Неохота связываться.
 — Почему это?
 — Неохота и все.
 — Может, ты его боишься?
 — Чего мне бояться? Плевал я.
 — Нет, ты боишься. Я давно заметил.
 — Может, я и тебя боюсь? Может, я вообще и Когана боюсь?
 — Когана ты не боишься. И меня не боишься. А Дзавашвили боишься. Все грузины с ножами ходят. Если что, за ножи берутся. У Дзавашвили вот такой саксан. Не умеется за голенищем...
 — Пошли, — говорю.
 Андзор Дзавашвили спал возле окна. Даже во сне его лицо было красивым и немного заносчивым. Фидель разбудил его и говорит:
 — Слышь, нерусский, дал бы чачи...
 Дзавашвили проснулся в испуге. Так просыпаются все солдаты лагерной охраны, если их будят неожиданно. Он сунул руку под матрас. Затем взгляделся и говорит:
 — Какая чача, дорогой, спать надо!
 — Дай, — твердит Фидель, — мы с Бобом похмеляемся.
 — Как же ты завтра на службу пойдешь? — говорит Андзор.
 А Фидель отвечает:
 — Не твоих усов дело!
 Андзор повернулся спиной.
 Тут Фидель как закричит:
 — Как же это ты, падла, русскому солдату чачи не даешь?!
 — Да здесь русский? — говорит Андзор. — Ты русский? Ты не русский. Ты алкоголист!
 Тут и началось.
 Андзор кричит:

— Вы.
 — Ну, уж пил... Так, выпил...
 — Просто ради интереса — сколько?
 — Не знаю, — сказал я, — знаю, что пил из консервной банки.
 — Товарищ капитан, — вмешался Богословский, — он не отрицает. Он раскаивается.
 Капитан рассердился:
 — Я все это слышал — надоело! В этот раз пусть трибунал решает. Старой вохры больше нет. Мы, слава богу, принадлежим к регулярной армии...
 Он повернулся ко мне:
 — Вы принесли команде несколько ЧП. Вы срыгаете политзанятия. Задаете провокационные вопросы лейтенанту Хуриеву. Вчера учинили побоище с нехорошим шовинистическим душком. Вот медицинское заключение, подписанное доктором Явшицом...
 Капитан достал из папки желтоватый бланк.
 — Товарищ капитан, — вставил Богословский, — написать можно что угодно.
 Токарь отмахнулся и прочел:
 — «...Сержанту Годеридзе нанесено телесное повреждение в количестве шести зубов...»
 Он выругался и добавил:
 — «...От клыка до клыка — включительно...» Что вы на это скажете?
 — Авитаминоз, — сказал я.
 — Что?!

— А пить с ним вы можете?
 — Больше не повторится, — сказал Фидель.
 — Достаточно. — Капитан поправил гимнастерку. — Снимайте ремень.
 Я снял.
 — Положите на стол.
 Я бросил ремень на стол. Медная бляха ударила по стеклу.
 — Возьмите ремень! — крикнул Токарь.
 Я взял.
 — Положите на стол!
 Я положил.
 — Ефрейтор Петров, берите оружие и марш к старшине за документами!
 — Автомат-то зачем?
 — Выполняйте! А то поменяетесь местами!
 Тут я говорю:
 — Поесть бы надо. Не имеете права голодом морить.
 — Права свои вы знаете, — усмехнулся Токарь, — но и я свои знаю...

Когда мы вышли, я сказал Фиделю:
 — Ладно, не расстраивайся. Не ты, значит, другой...

Затем мы позавтракали овсяной кашей. Сунули в карманы хлеб. Оделись потеплее и вышли на крыльцо.

Фидель достал из подсумка обойму, тут же на ступеньках зарядил автомат.

— Пошли, — говорю, — нечего время терять. Мы направились к переезду. Там можно было сесть в попутный грузовик или лесовоз.

Позади оставались казарменный вылинявший флаг, унылые деревья над забором и мутное белое солнце.

Шлагбаум был опущен. Фидель курил. Я наблюдал, как мимо проносился состав. Мне удалось разглядеть голубые занавески, термос, лампу... Мужчину с папиросой... Я даже заметил, что он в пижаме. Все это было тошно...

Рядом затормозил лесовоз. Фидель махнул рукой шоферу. Мы оказались в тесной кабине, где пахло бензином.

Фидель поставил автомат между колен. Мы закурили. Шофер повернулся ко мне и спрашивает:

— За что тебя, парень?
 Я говорю:
 — Критиковал начальство...
 Около водоканала дорога свернула к поселку. Я вынул из кармана часы без ремешка, показал шоферу, говорю:
 — Купи.
 — А ходят?
 — Еще как! На два часа точнее кремлевских!
 — Сколько?
 — Пять колов.
 — Пять?!
 — Ну — семь.

Шофер остановил машину. Вынул деньги. Дал мне пять рублей. Потом спросил:

— Зачем тебе на гауптвахте деньги?
 — Бедным помогать, — ответил я.
 Шофер ухмыльнулся. Затем он еще долго разглядывал часы и прикладывал к уху.
 — Тестю, — говорит, — преподнесу на именины, старому козлу...

Мы вышли из кабины. Темнеющая между сугробами лежневая дорога вела к поселку.

Он встретил нас гудением движка и скрипом полозьев. Обдал сквозняком пустынных улиц. Собак здесь попадалось больше, чем людей.

Путь наш лежал через Весляну. Мимо полуразвалившихся каменных ворот тарного цеха. Мимо изб, погребенных в снегу. Мимо столовой, из распахнутых дверей которой валил белый пар. Мимо гаража с автомашинами, развернутыми одинаково, как лошади в ночном. Мимо клуба с громкоговорителем над чердачным окошком. И потом вдоль забора с фанерными будками через каждые шестьдесят метров.

Дальше, за холмом, тянулись серые корпуса головного лагпункта. Там возвышалось двухэтажное кирпичное здание штаба, набитого офицерами, стуком пишущих машинок и бесчисленными армейскими реликвиями. Там за металлической дверью ждала нас хорошо оборудованная гауптвахта с цементным полом. Да еще с голыми нарами без плintусов.

Уже различимы были ворота с пятиконечной звездой...

— Мы тебя на поруки возьмем, — сказал Фидель, — увидишь.

— Ладно. На гауптвахте отсижу. А в трибунале, я подозреваю, очередь лет на двадцать...

Мы шли через ров по обледеневшим бревнам. Я сказал:

Рисунок О. ВУКОЛОВА

— Посмотри документы. Неужели там указано время?

— Нет,— сказал Фидель,— а что?

— Куда,— говорю,— нам спешить? Пойдем к торфушкам.

Подразумевались женщины с торфоразработок. Сезонницы, которые жили в бараке за поселком.

— Да ну их,— говорит Фидель.

— А что, возьмем бутылку, деньги есть.

Тут я заметил, что Фиделью это не по вкусу. Что он поглядывает на меня с тоской.

— Идем,— говорю,— с людьми побудем.

— А с пушкой что делать?

— Автомат под кровать.

Фидель идет, молчит. Я говорю:

— Идем. Покурим, выпьем. Бардаки я и сам не люблю. Спокойно посидим в тепле, без крика.

А Фидель говорит:

— Слушай. Вон он, штаб, рядом. Пять минут через болото. Пять минут, и в тепле.

— На гауптвахте, что ли?

— Ну.

— Где пол цементный?

— Что значит — пол?! И печка. Имеется топчан.

И температура по уставу должна быть выше шестнадцати градусов...

— Слушай,— говорю,— не по делу ты выступаешь. Гауптвахта — впереди. И топчан, и шестнадцать градусов, и военный дознаватель Комлев... А сейчас пойдем к торфушкам.

— Приключений искать? — твердит Фидель с досадой.

— Ах, вот как ты заговорил? Вот что делается с человеком, которому пушку навесили! Давай приказывай, гражданин начальник!..

Тут Фидель как закричит:

— Чего ты возникаешь? Ну чего ты возникаешь? Да пойдем куда угодно! Куда хочешь, туда и пойдем...

Мы направились в кильдим. Поднялись на крыльцо, отряхнули снег и вошли. Пахло рыбой и керосином. В углу темнели бочки. На полках лежали сигареты, мыло, консервы. Золотился куб халвы с оплывшими гранями. Возле раскаленного отражателя дремала кошка. Ниже возился петух. Неутомимо и бешено клевал он мраморной расцветки пряник.

Тонечка протянула нам две бутылки вина. Фидель опустил их в карманы галифе. Потом мы взяли немного халвы и две банки свиных консервов.

Фидель сказал:

— Купи селедки.

Тонечка говорит:

— Селедка малость того... С запахом.

Фидель спрашивает:

— С плохим, что ли, запахом?

— Да с неважным,— говорит Тонечка...

Мы вышли из кильдима. Поднялись в гору. И вот оказались перед баракком с тусклой лампочкой над дверью.

Подожли к окну, стучим. Тотчас же высунулось плоское лицо. Женщина с распущенными волосами трижды кивнула, указывая на дверь.

В прихожей стояло ведро, накрытое куском фанеры. В углу на стене темнели брезентовые плащи. Под ними лежали черпаки, веревки и крючья...

В бараке тепло. Чугунная печка наполнена розовым жаром. Из угла в угол косо протянута труба.

Нары завалены пальто и телогрейками. Прогнившие балки оклеены цветными фотографиями из журналов. На тумбочках громоздятся немая посуда.

Мы скинули полушубки. Присели к дощатому столу. Рядом кто-то спал, накрывшись одеялом. У окна сидела женщина в гимнастерке и читала книгу. Она даже не поздоровалась.

— Шестнадцатая республика,— загадочно высказалась о ней первая девица.

Затем позвала кого-то из глубины барака:

— Надька! Женихи соскучивши...

И добавила:

— Будьте как дома, если уж пришли...

Ее малиновые шаровары были заправлены в грубые кирзовые прохара. На запястьях синела пороховая татуировка: «Весь мир — бардак!».

Возникла подруга с бледным и злым лицом. Она была в малиновой лыжной куртке, тесной суконной юбке и домашних шлепанцах.

Мы вынули бутылки и консервы. Девицы принесли эмалированные кружки и хлеб. При этом они беспрерывно смеялись.

На окне чернел транзисторный магнитофон, выделяясь среди прочего хлама.

Девица в красных шароварах назвалась Зиной. Подруга в юбке сказала басом:

— Амосова Надежда.

— Как работаете,— поинтересовался Фидель,— надеюсь, с огоньком?

— Пускай медведь работает,— ответила Надежда.

Зина высказалась еще более решительно:

— Тяжее хрена в руки не беру...

Фидель уважительно приподнял брови.

Наступила пауза. Потом Зина спросила:

— Мальчики из вохры?

— Нет,— сказал Фидель,— мы артисты. Вернее, лауреаты. А вот мой саксофон.

И он помахал автоматом над головой.

— Мальчики,— спросила Зина,— вы немного чокнутые?

— Ага,— говорю,— мы психи. Кукареку!

Фидель разлил вино, звякая стеклом о борта эмалированных кружек.

— Будем здоровы! — сказал он.

— Будем здоровы! — говорю.

— Будете, будете,— сказала Зина,— мы проверяемся. Так что не бойтесь...

Кто-то ходил у нас за спиной по бараку. Кто-то просил, чтобы выключили магнитофон. Кто-то гремел черпаками в сенях. Кто-то пил воду...

Затем явились леспромхозовские парни. Увидели наши полушубки. Долго бродили под окнами, что-то замышляя...

Но мне было все равно. Потому что я неожиданно вспомнил минувшую зиму.

Здесь тогда проходили очередные сборы надзоров. Мы были размещены в сорокаместной палатке. Койки стояли в два яруса. Внизу было жарко от печи, а наверху гуляли сквозняки.

Каждое утро мы беспорядочной толпой шли в столовую головного лагпункта. Потом тренировались в спортивном зале или листали методички.

Полуживая около семи часов, мы разбредались — кто на танцы, кто в знакомые дома. Большинство шло в местный клуб...

...Грохочет оркестр. Разгоряченные девушки ищут в толпе офицеров. Рядовые в душных мундирах топчутся у стен. Они распространяют запах лосьона и конюшни. И прохара сияют, как фальшивые драгоценности.

Но вот смолкает радиоло. Солдаты едут в кузове батальонного грузовика. Теперь они с необычайной развязностью говорят про женщин. Я слышу голос в темноте:

— А помнишь рыжую на шпильках? Я бы на ту рыжую лег...

— Ты бы лег и на кучу дерьма,— раздается в ответ.

Завтра — обычный день...

Однажды вечером я шел пешком из клуба. Музыка доносилась все слабее. Фонари не горели. Дорога была твердой от первых морозов.

Помедлив, я неожиданно свернул к дощатому зданию библиотеки. Крутыми деревянными ступенями поднялся на второй этаж. Затем отворил дверь и стал на пороге.

В зале было пусто и тихо. Вдоль стен мерцали шкафы. Я подошел к деревянному барьеру. Навстречу мне поднялась тридцатилетняя женщина — в очках, с узким лицом и бледными губами.

Женщина взглянула на меня, сняв очки и тотчас коснувшись переносицы. Я поздоровался.

— Что вас интересует? Стихи или проза?

Я попросил рассказы Бунина, которые любил еще школьником. Расписался на квадратном голубоватом бланке. Сел у окна. Включил изогнутую лампу, начал читать.

Женщина несколько раз вставала, уходила из комнаты. Иногда смотрела на меня.

Я понял, что внушаю ей страх. Тайга, лагерный поселок, надзиратель... Женщина в очках...

Как ее сюда занесло?..

Затем она передвигала стулья. Я встал, чтобы помочь. Разглядел ее старомодное платье из очень тонкой, жесткой, всегда холодной материи и широкие зырянские суну...

Тут я случайно коснулся ее руки. Мне показалось, что остановилось сердце. Я с ужасом подумал, что отвык... Просто забыл о вещах, ради которых стоит жить... А если это так, сколько же всего успело протечь мимо? Как много я потерял?! Чего лишился в эти дни, полные ненависти и страха?!

Ты дежуришь в изоляторе. В соседней камере гремит наручниками Анаги-заде. Шумит пилорама.

А дни, холодные, нелепые, бредут за стеклами, опережая почту...

Я вернулся к столу, захлопнул книгу. Положил ее на деревянный барьер.

— Вам не понравилось? — спросила женщина.

— Ничего,— говорю,— спасибо. Мне пора...

Я, не оглядываясь, спустился по лестнице. До военного городка оставалось полтора километра...

Сейчас я припомнил все это и говорю Фиделю:

— Пошли отсюда.

— Ну вот,— сказал Фидель.

— Допивай вино, и пошли.

Девицы спросили:

— Вас что, невесты ждут?

И только засмеялись вслед...

Мы шли в тишине под звездами. Направились вдоль забора к ложине. Она заканчивалась темным и громоздким силуэтом штаба.

Вдруг на тропинку упали тени. Это были леспромхозовские парни. Но Фидель сразу поднял автомат и крикнул:

— В лесу стреляю без предупреждения!..

Парни исчезли в темноте между деревьями.

Я шел впереди, ориентируясь на спортивную раму для канатов. Она темнела перед зданием штаба, как виселица.

Фидель шел следом.

Тропинка была узкой, не шире лыжни. Я то и дело спотыкался.

Когда мы огибали последние дома, я заметил свет в библиотеке. Желтоватый ровный свет в окне. Я подумал о женщине в зырянских чунях. Почти увидел ее за бастионами книжных шкафов. В узком и тесном пространстве с рефлектором...

И вот я как бы захожу туда, оставляя на деревянной лестнице мокрые следы. Пересекаю коридор, распахиваю дверь. Женщина встает, ее серьги покачиваются. Тишина настолько полная, что явственно слышится их мелодичный звон. Женщина снимает очки, тотчас коснувшись переносицы. Я слышу: «Что вас интересует?»

— Пошли,— сказал Фидель,— а то ноги мерзнут. Я говорю ему:

— Мне надо в библиотеку зайти.

— Ого! Ну ты даешь!

— Я хочу там с одной поговорить.

— Кончай,— говорит Фидель,— и так целые сутки добираться.

Я остановился. Кругом ни души. В стороне желтеют огни поселка. Рядом темной стеной возвышается лес.

Я говорю:

— Фидель, будь человеком, пусти. Я познакомился с одной, мне надо...

— Это значит — мерзнуть, ждать, пока ты кувыр-каешься?!

— Вместе зайдем.

Фидель говорит:

— Не могу.

— Ты мне друг,— кричу,— или гражданин начальник?! Ну что же, веди! Приказывай!

— Пошли,— сказал Фидель.

— Ясно,— говорю,— слушаюсь!

Однако не двигаюсь с места. Фидель остановился у меня за спиной.

— Мне,— говорю,— надо в библиотеку.

— Иди вперед!

— Мне надо...

— Ну!

Я посмотрел туда, где сияло квадратное окошко, дрожащий розовый маяк. Затем шагнул в сторону, оставляя позади нелепую фигуру конвоира.

Тогда Фидель крикнул:

— Стой!

Я обернулся и говорю:

— Хочешь меня убить?

Он произнес еле слышно:

— Назад!

Тут я обругал его последними словами. Теми, что слышал на лесоповале у костра. И около КПП на разводе. И за картонным столом перед дракой. И в тюрьме после шмона...

Я шел, не оборачиваясь. Я стал огромным. Я заслонил собой горизонт. Я слушал, как в опустевшей морозной тишине щелкнул затвор. Как, скрипнув, уступила боевая пружина. И вот уже наполнился патронник. Я чувствовал под гимнастеркой все девять кругов стандартной армейской мишени...

И тут я ощутил невыносимый приступ злости. Как будто сам я, именно сам, целился в этого человека. И этот человек был единственным виновником моих несчастий. И на этом человеке без ремня лежала ответственность за все превратности моей судьбы. Вот только лица его я не успел разглядеть...

Я остановился, посмотрел на Фиделя. Вздрыгнул, увидев его лицо. (В зубах он держал меховую рукавицу.) Затем что-то крикнул и пошел ему навстречу.

Фидель бросил автомат и заплакал. Стаскивая зачем-то полушубок. Обрывая пуговицы на гимнастерке.

Я подошел к нему и встал рядом.

— Ладно,— говорю,— пошли...

Фото Э. ЛАПОВКА

Александр МИНКИН

ЛАРЕК

*Ах Арбат, мой Арбат —
ты мое Отечество...*

Нет Галича. Нет Высоцкого...
Нас похоронили.
На нашей могиле растет Ласковый май и Бурда-моден.
Говорят, общество стало нравственнее. Если нравственность измеряется числом совместных предприятий — да, мы стали нравственней в 1000 раз и опять впереди планеты всей.
Нас похоронила свобода.
В августе 1968-го на Красную площадь с лозунгом против режима вышли семь героев. В феврале 1990-го с анти-

правительственными лозунгами у Кремля собрались полмиллиона героев. Видите — за 22 года героев стало больше в 100 000 раз. Это мировой рекорд.
Но как подумаешь... в 1968-м не пойти на октябрьскую демонстрацию для многих было героичнее, чем сегодня пойти на митинг.
Иду по Арбату.
Прежде это была трасса Сталина. Потом — улица Окуджавы. Теперь — зона. Пешеходная.
Строили пешеходную зону, а вышла торговая точка. Ларек.
Сотни картин на любой вкус, кроме хорошего. Десятки портретистов с ужающей скоростью одухотворяют туповатые личики провинциалок и прапорщиков. Прищипки моделей при одухо-

творении исчезают — наивное волшебство за тридцатку.
Главный товар — матрешки. Их тысячи. Дешевые — 300 рэ, дорогие — 1000.
Политическая матрешка: Горбачев, Брежнев, Хрущев, Сталин, Ленин (в порядке уменьшения). Нелогично. Выходит, Михаил Сергеевич родил Леню, Леня — Никиту и т. д. Но и логично: в Горбачеве, конечно, содержатся все предшественники. Я бы и малюсенького Маркса добавил, но и без Карла кусаются: 400 рэ.
Прежде по поездкам дальнего следования шныряли глухонемые. Торговали фотокартками. Черно-белые, раскрашенные анилином Сталин, Высоцкий, котенок, девочка с котенком, Божья Мать с Младенцем. У Сталина были раскраше-

ны ордена, у котенка — бант. Воровато оглянувшись, немой предлагал черно-белые фотки голых девок безобразного антисексуального качества. Теперь на любом вокзале замечательные цветные голые девки метровой величины.

Фотки стали лучше, фотки стали веселее.

Арбат тоже стал лучше и веселее. Его утыкали фонарями. Загадочным образом ни один не стоит вертикально. Торопились закончить зону?

К молодому красивому лоточнику подсакал одноногий старик на костылях:

— Сынок, дай 20 копеек.

— А что такое 20 копеек? — Коробейник ухмыляется.

— Ну, дай рубль.

— А что такое рубль?

Нищий старик прыгает дальше по торговой зоне, а я спрашиваю:

— Эта матрешка почему?

— Восемьсот.

— А самовар?

— Семьсот.

— А шкатулка? (Фальшивка под Палех.)

— Эта — за тысячу, а эта — шестьсот.

У красавца коробейника только на лотке товару тысяч на двадцать — откуда ж знать, что такое 20 копеек. Это 0,001% — одна сотысячная доля — в микроскоп не углядишь.

А вот пейзажик с березками, а вот пейзажик с церковкой, а вот портретик императора Николая II — вылитый адъютант его превосходительства. А вот и новость: святая матрешка. Самая большая — Богоматерь с Христом-младенцем, поменьше — кажись, апостол, еще поменьше — поди пойми. М-да, я бы не решился в Марию апостола засовывать.

— Вам не кажется, что это кощунство?

— Но ведь делаем не мы. Мы только продаем.

Действительно, что ж тут плохого?

Рядом уже отпортретированные девушки фотографируются с живым медведем, 5 рублей.

Рядом тощий, небритый хрипит и горланит «цареубийственные» вирши против Горбачева, но за Ельцина. Вот тебе копеечка, молись за меня, бедный Николка.

И посреди всей этой анилиновой размазни — серая громада Министерства культуры СССР. Там, в бесчисленных кабинетах, нервно курят борцы за оклад жалованья и за высокую нравственность.

Мертвое, гнилое болото. Только медведя жаль — мокнет под бесконечным дождем, не понимает, зачем его дергают, заставляя встать возле очередной дурочки и получить бешеный удар фотовспышки в глаза.

На вопрос «почему?» добры молодцы и красны девицы отвечают не всякому.

— Господи! Красота-то какая! Почему же эта матрешка будет?

— Иди-иди, мамаша. Это не продается.

Молодцу лень цену назвать, да и надоели ужасания. Мне он отвечает, хоть и нехотя — видит: не куплю. Тысячные матрешки для интуристов.

Мы в моде. У нас покупают всё, свято веря, что это — румяное и позолоченное — и есть вождьленное русское. За 50 долларов отдадут лучшую матрешку. Покупают олуху — всерьез. Покупают понимающие — с усмешкой. Мы распродаемся, как обломки Берлинской стены. Паскудный железобетон, местами заляпанный кровью перебежчиков. Но и сувенирчик. Им дай волю — они и газовые камеры Освенцима по кусочкам раскупят. Между занзибарской ракушкой и русской матрешкой на пианино положат — будут гостям показывать:

— Прямо из Освенцима! Понюхайте, еще немножко пахнет.

...И НИКАКОЙ ПОЛИТИКИ

В мастерской Зураба Церетели впечатляет количество картин.

Сколько их здесь? Десятки? Сотни? Висят на стенах до потолка, стоят на полу в несколько рядов, так что приходится все время что-то передвигать. Множество фотографий: с Шагалом, с Пикассо, а вот папа римский и Челентано, обалдевший от подаренной картины. Но еще больше фотографий уже сделанных монументов — громадных, величественных, воспевающих силу человеческого духа. Как, например, 12-метровая

статуя Георгия Победоносца, установленная теперь перед зданием ООН в Нью-Йорке (кстати, именно она послужила поводом для нашей встречи).

Да и не такой представлялась живопись официально признанного художника, лауреата Ленинской и Государственных премий, Героя Социалистического Труда, народного депутата СССР, председателя правления Союза дизайнеров Грузии, академика... Всех титулов и не перечесть.

Зураб Церетели. ФАЗТОН. 1989.

СКУЛЬПТУРА «ДОБРО ПОБЕЖДАЕТ ЗЛО» ПЕРЕД ЗДАНИЕМ ООН В НЬЮ-ЙОРКЕ.

«... открытие скульптуры мира, выполненной из списанных ядерных ракет, перед зданием ООН знаменует собой историческое начало фактического ядерного разоружения. Это также символ новых советско-американских отношений и будущей мирной жизни человечества».

Михаил ГОРБАЧЕВ

— Вы отмечены многими правительственными наградами...

— Знаю, знаю, к чему клоните. Я награжден за искусство, которому посвятил жизнь. Я считаю, что мне повезло: в комитете по премиям были тогда честные, порядочные люди, для которых искусство было дороже всяких закулисных игр: Герасимов, Макарова, Плисецкая... Когда мне дали Ленинскую премию, в мастерскую в Тбилиси примчались американские журналисты. Вели себя очень странно. Я никак не мог понять, в чем же дело. Потом они признались, что приехали снимать, как я над образом Ленина работаю. А я его никогда не рисовал. Вообще я не был партийным художником, конъюнктурой не занимался. Считаю, что не должен отказываться от премий и званий, как многие сегодня делают. Политика — не мое дело. А за работы свои мне не стыдно.

— Ох, лукавите! В монументальном искусстве всегда есть элементы политики.

— Не политики — актуальности и злободневности. А в моей живописи и этого нет. Разве не видите?

— А что, к живописи вы менее серьезно относитесь?

— Серьезно. Просто перед мольбертом отдыхаю. От суеты каждодневной, от грязи, пошлости, несправедливости, которых так много в нашей жизни. Сегодня нужно нести людям красоту, добро, надежду, свет, любовь в конце концов. Именно об этом я думаю, когда пишу.

Мне не бывает скучно. Множество идей и проектов — живопись, эмайл, скульптура, мозаика, декоративные и монументальные композиции. Я счастливый человек — у меня есть возможность выбора...

— Редко такая возможность падает с неба. Многие проходят сложный и тернистый путь...

— Да, да. Через тернии к звездам. Моя жизнь тоже не была такой безоблачной, как может показаться. Но я не люблю жаловаться, ныть, обвинять кого-то в неудачах. Нужно уметь радоваться жизни в любом ее проявлении. Родители научили меня этому.

— Расскажите о своих предках. К какому роду Церетели вы относитесь?

— Мой дед — знаменитый Акакий Церетели, грузинский поэт. Вместе с Ильей Чавчавадзе он возглавлял национально-освободительное движение в 60-е годы прошлого века. Отец — инженер. Всю жизнь получал 120 рублей и никогда не жаловался на тяготы. Отец и мама до сих пор умеют радоваться мелочам: солнцу, хорошей погоде, успехам друзей и даже недругов. Я не слышал в доме грубых слов или упреков в чей-то адрес. Для меня, как художника, очень важно, что я вырос в творческой атмосфере грузинской художественной интеллигенции 30-х годов. Я с детства знал и любил Ладо Гудиашвили, Елену Ахвледиани, Давида Какабадзе, тех, кто в 20-е годы триумфатором вернулся из Парижа и через десятилетие попал в ситуацию полнейшего официального отчуждения. Общение с этими людьми и есть главная составляющая моего художественного воспитания.

Позже, когда я учился в Академии художеств, очень увлекался Ван Гогом, Сезанном. Под их влиянием делал дипломную работу «Песнь о Тбилиси». За две недели до защиты из Москвы приехала комиссия, одним из членов которой был Сарьян. Всегда считалось, что

ВОСПОМИНАНИЕ. 1990.

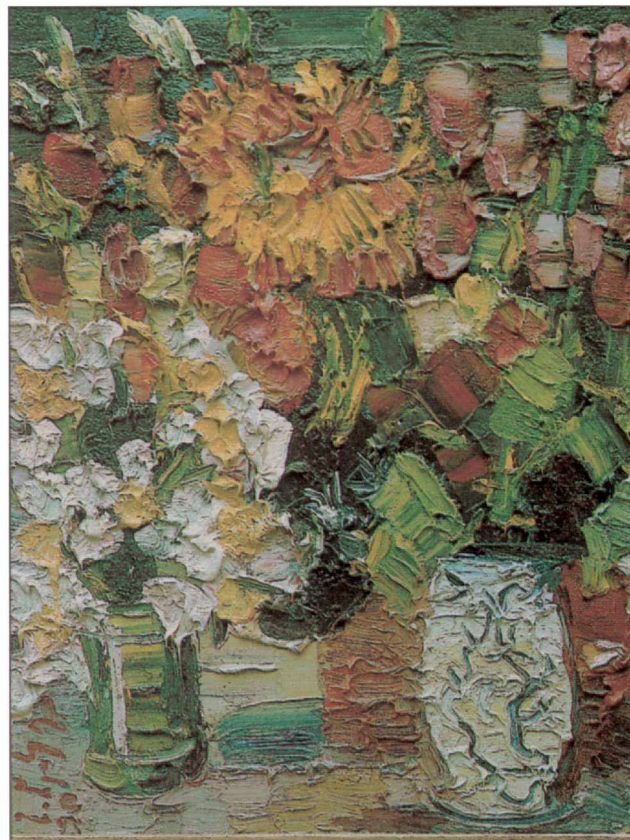
мои работы не для официального показа, и в тот раз их тоже чем-то занавесили. Комиссия посмотрела работы других художников, кого-то похвалила, кого-то пожурила. Все как обычно. Уже стали расходиться, когда Сарьян подошел к моему холсту, снял закрывающее его полотно, удивился и стал хвалить. А вы знаете, что его все время то поднимали на щит, то столь же отчаянно с этого щита низвергали. Тогда как раз был период, когда официально он был не в почете и мне запретили защищаться этой работой.

— Почему?

— Я никогда в творчестве не придерживался традиций социалистического реализма и принципов партийности искусства. Я колорист. Это и так многих раздражало. А тут еще похвала не очень угодного Сарьяна. В общем, пришлось убрать из палитры все яркие краски, и за две недели я сделал новый диплом — портрет спортсмена. Защитился, стал работать в Академии наук, заниматься историей и этнографией. Увлёкся возрождением старинных рецептов эмалей. Может быть, тогда и появилась впервые идея сделать в Тбилиси огромный монументальный комплекс об истории Грузии и просветительнице Грузии Св. Нико. Сегодня эта работа на 80 процентов завершена...

— Вас не смущает, что в Москве вас больше знают как монументалиста?

НАТЮРМОРТ. ЦВЕТЫ. 1990.

ТОРГОВЕЦ РЫБОЙ. 1989.

ПОРТРЕТ МОИСЕЯ. 1990.

— Последняя моя персональная выставка в Москве была в 1972 году. Конечно, я показывал свои работы на коллективных выставках в Манеже, в Академии. Любители видели мои композиции — Бородино и Куликовская битва. Но мои монументальные произведения больше на виду. Одно время злословили по поводу нашей с Андреем Вознесенским скульптуры на Тишинской площади. Но я, как художник, — не ранимый человек: не обижаюсь на критику. Считаю ее нормальным явлением и даже необходимым условием для плодотворной работы. Если ругают — значит, твои работы не оставляют равнодушным зрителя. Оставить равнодушным — вот что самое страшное. Я горжусь, что я один из авторов символа языковой дружбы грузинского и русского народов. Мало кто знает, что нам тогда запретили упоминать имя Пастернака, а ведь он один из лучших переводчиков с грузинского. Мы, как шаловливые мальчишки, не послушались начальников.

Из выступления Э. Шеварднадзе на открытии монументальной скульптуры «Добро побеждает зло» 5 октября 1990 года: «Я знаю художника лично много лет. Он рассказал мне об этом проекте, когда никто не мог быть уверен, что советско-американский договор станет реальностью. Тем не менее он начал работу вне сомнений, что эта цель будет достигнута. Таким образом, политические цели совпали с видением художника и волей и стремлениями народов.

...История знает много случаев, когда произведения искусства сливались с орудиями войны. Однако оружие редко становилось произведением искусства. Сейчас мы видим такую скульптуру...

— Эта скульптура возникла по заказу правительства?

— Что вы! Я по заказу не работаю... Однажды я увидел цветной сон — Георгия Победоносца, поражающего змея. На две недели заперся в мастерской — никто не мог меня найти, все думали, что я за границу уехал, — и сделал эскиз. Никогда я не работал на зрителя, и тогда практически не было возможности осуществить этот замысел — он даже мне казался безумным. Но ведь если тебя не печатают, ты ведь писать не перестанешь?... Любую идею нужно доводить до конца. Иначе неинтересно. Вот и начал работать.

— Но кто-то же помогал?

— Сначала я обратился в Комитет защиты мира. Генрих Боровик вошел с предложением в Министерство обороны. Язов поддержал — подарил мне 6 ракет. Отливали в Минске. Каждый год я бываю в Америке — преподаю. Встретился там с Пересом де Куэльяром. Он тоже одобрил. Потом правительственная делегация США во главе с Бейкером приезжала в Москву, смотрела окончательный вариант. Никаких поправок не давали. Им все понравилось, и мне предложили замечательное место: перед зданием ООН. Мэрия разрешила.

— А «першинги» они вам в Москву привезли?

— Нет. Их мне в Америке передали. Я был поражен — не ожидал, что «першинги» такие малюсенькие по сравнению с нашими СС-20. Просто дюймовочки.

— Этот монумент существует только в натуральную величину или есть еще экземпляры в миниатюре?

— Композиции из ракет я передал Рейгану и Шульцу. Композиции из эмалей — Бейкеру и Пересу де Куэльяру. Первые экземпляры отлиты в бронзе модели — Горбачеву и Бушу.

— Вы ведь знаете, что с появлением общества «Память» Георгий Победоносец стал еще и символом совершенно определенных тенденций. Не волнует ли вас, что кто-то может трактовать вашу скульптуру совершенно не так, как вы задумывали, или вам это не важно?

— Георгий Победоносец — покровитель Грузии, Англии, Бельгии, Италии. Герб Москвы. Это мировой символ добра и мира. Если кто-то этого не знает — надо объяснить. Но не могу же я в творчестве ориентироваться на невежество!

Выступление госсекретаря США Дж. Бейкера на церемонии открытия скульптуры «Добро побеждает зло»:

«... Мы собрались здесь в полдень, чтобы чествовать художника и его работу и увидеть в них вдохновение. Это произведение выдающегося мастерства... По этому случаю президент Буш направил следующее приветствие:

«... Наконец советско-американские отношения вышли за рамки сдержанности и конфронтации...

Поэтому весьма своевременно и похвально, что 45-я годовщина ООН отмечается скульптурой «Добро побеждает зло», состоящей из списанных ядерных советских и американских ракет.

Я рад присоединиться ко всем собравшимся на этой церемонии с благодарностью Советскому Союзу за этот дар и поздравлением художнику Зурабу Церетели за его выдающееся достижение...»

Джордж БУШ

— Как вы относитесь к своей популярности?

— Я не считаю себя настолько знаменитым, чтобы нужно было к этому как-то относиться.

— А модным считаете?

— Боже упаси!

— Я вижу у вас на стене портрет Пикассо.

— Да. Я часто встречался с Пикассо, Шагалом. Пикассо как-то рассказал мне, что любил заходить в Париже в грузинский ресторан, кухня которого напоминала ему родную, испанскую. Хозяйка этого заведения показала ему репродукции картин Пиромсани. Когда я познакомился с Пикассо — я приезжал в Париж учиться мозаичному делу, — для Пикассо я олицетворял Грузию, которую он полюбил заочно — благодаря Пиромсани. Так возникла эта работа.

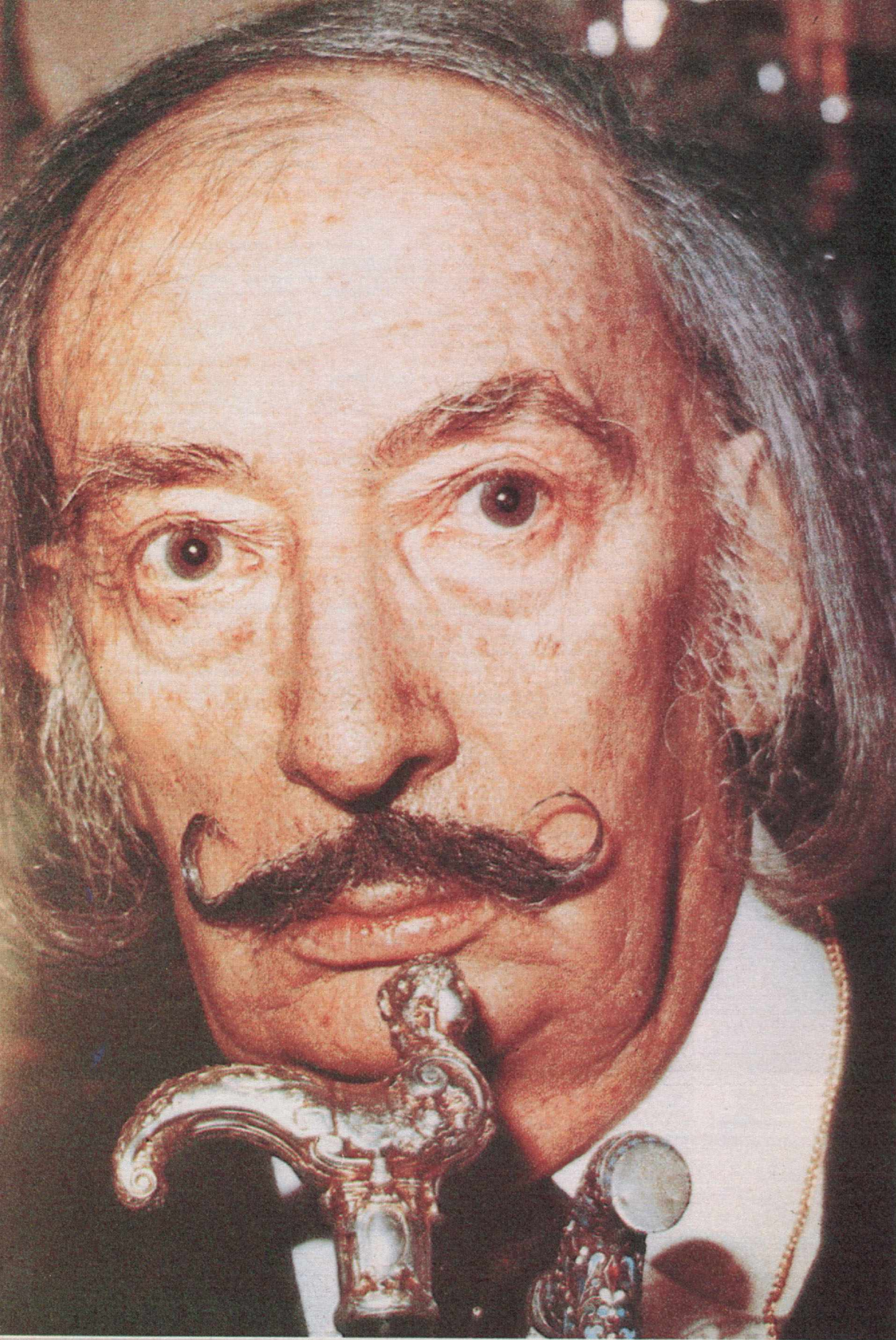
Я часто бывал у Шагала, почти каждый год. И он, будучи в Союзе, приходил ко мне в мастерскую.

Но, честно говоря, мне бы не хотелось заниматься воспоминаниями. Еще не пришло время. Когда не смогу работать, может быть, тогда начну мемуары диктовать...

ПОРТРЕТ ИСААКА. 1990.

САЛЬВАДОР ДАЛИ

ЗВЕЗДЫ В ОБЪЕКТИВЕ НОВАРРО

Наталья ТРОЕПОЛЬСКАЯ

Эдди Новарро — выходец из Румынии, гражданин Бразилии, житель Франкфурта-на-Майне, космополит. Кажется, ему удалось обнять весь мир. Тибетские далай-ламы учили его смыслу жизни, нефтяные шейхи спонсировали его проекты. Вряд ли в Париже или Нью-Йорке есть ателье художника, в котором бы он не бывал.

Эдди Новарро начинал мальчишкой разносить газеты. Как в американской сказочке все случилось. На сотнях частных снимков его обнимают, ему улыбаются «звезды» мировой политики и Голливуда. Но это — внешнее.

Эдди Новарро — фотограф от Бога. Его работы просты, как все настоящее, непридуманное. Особенно портреты знаменитых художников, сделавших искусство XX века.

«Звезды» кино привыкли улыбаться на вспышку. Художник обращен внутрь себя. На фотографиях Новарро они смотрят нам прямо в глаза. Или мы — им?

Новарро не «делает» портреты. Он берет лица своей — и нашей — эпохи. Души. Художники выражают время. Новарро выражает художников. Это не блестящая техника. Это фантастическая интуиция. «Я знаю, как буду снимать, с первой секунды. Мне кажется, я вообще знаю человека, если смог его увидеть сразу».

...Мы увязли в проблемах. В стороне идет не только иная жизнь, но и иное искусство. За то время, пока мы сшибались в схватках «за» и «против» реализма, умерли Пикассо, Шагал, Дали. И другие, которых мы едва знаем. Искусство нашего века пошло своей дорогой, обогнав на повороте оплот «соц-реализма».

Мы почти не видели их работ. Так давайте взглянем на их лица. Начнем с этого.

Великий фотограф показывает великих художников. Они странные? Смешные? Сумасшедшие?

Они такие. Спасибо Новарро.

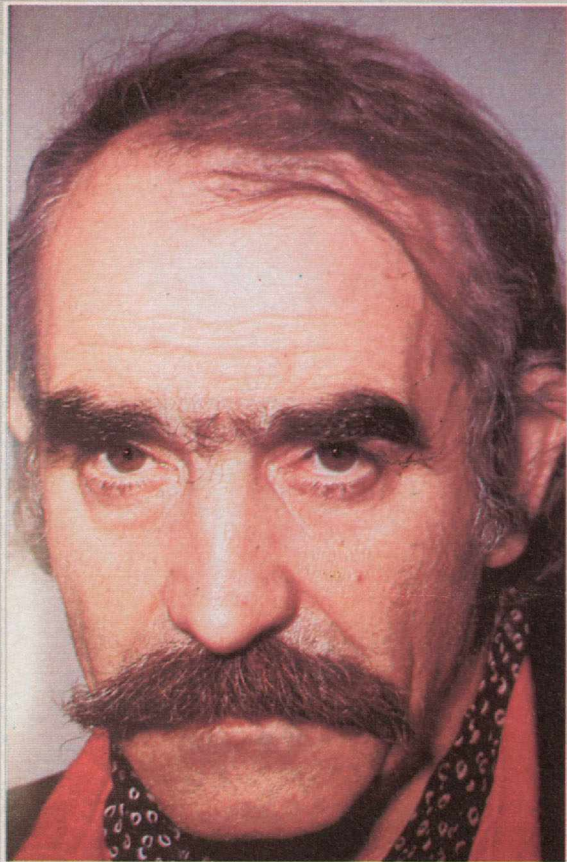
МАРК ШАГАЛ

РОБЕРТ РАУШЕНБЕРГ

РОЙ ЛИХТЕНШТЕЙН

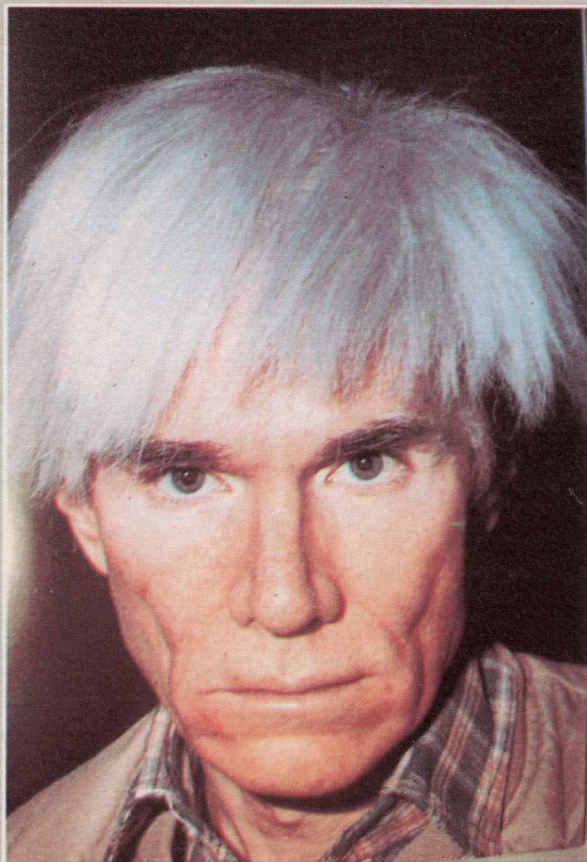

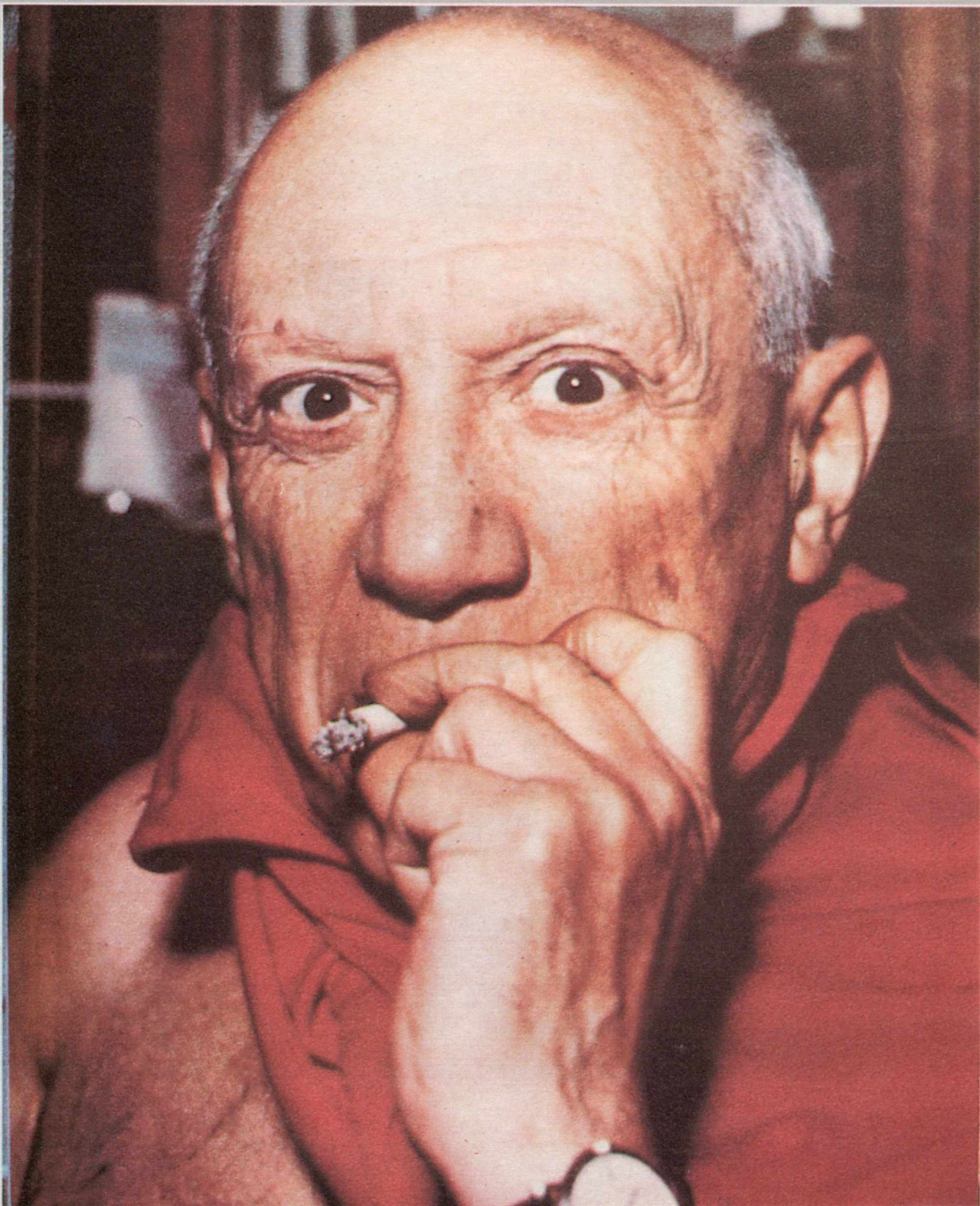

ЖАН ТЕНГЛИ

ЭНДИ УОРХОЛ

ПАБЛО ПИКАССО

Вопрос пробуждения совести заслуживает романа. Но ни романа, ни повести об этом не напишу.

А. МЕЖИРОВ

Третий час люди переминаются с ноги на ногу перед дверью магазина и с вымученной надеждой судачат о военно-транспортных самолетах бундесвера: глядишь, доставят сгущенку и колбасу.

А у меня в памяти другая картина: среди бела дня осенью сорок первого немецкий самолет, безбоязненно режущий над Москвой, бросает осколочную бомбу на мостовую перед Центральным телеграфом, и очередь, столпившаяся у «Диеты», что напротив телеграфа, превращается в кровавое месиво...

Как все это сочетать? Откуда щедрость, великодушие у немцев, шлюющих нам посылки, у немцев, проигравших войну, жестоко поплатившихся за поражение? Откуда наш жалкий жребий?

Избавьте от пятикопеечных банальностей о немецком прилежании и российской безалаберности. Не в том ли ответ — пусть и не исчерпывающий, — что немцы сумели отречься от наследия Гитлера, сознавая не только его, но и собственную вину каждого, нашли силы для раскаяния, самоочищения и возродились к новой жизни? Отнюдь не райской, однако вполне человеческой не только в смысле насыщения желудков.

А мы извечно ищем виноватого, ищем, на ком бы сорвать злость, чью бы кровь еще пустить. Как то было в Германии, когда фюрер рвался и пришел к власти.

Продержался он, правда, десяток лет и под всеобщие проклятия отправился в «лучший мир». У нас тоталитаризм господствовал десятилетиями, держится и поныне, ввелся в поры, отравил кровь, затуманил взор, искал сознание.

Гитлер был не в пример откровеннее своего кремлевского «заединщика», советский почитал химерой, апеллировал к низменным инстинктам, «вредные» книги держал не в спецхране, а сжигал на площади. Идеология большевистского тоталитаризма сберегала одеяния, сшитые в 1917 году и того ранее. Спесиво отбросив человеческую мораль, продолжала размахивать стягами с притягательными лозунгами. Человек задычался, но пел — по простоте ли душевной, по привычке ли, из страха ли, — что он исключительно «вольно дышит». Кролики, над которыми осуществлялся эксперимент, мы жизнь прожили по законам лжи и приспособления к ней. Одни приспосабливались с энтузиазмом, другие — со скрипом зубным, большинство — повинувшись стадному чувству. Аморальность была естественна, поскольку мораль публично похоронили, вбили в могилу осиновый кол — не надобна она для светлого будущего, чужда ему, враждебна. Так и шествовали к вышеупомянутому будущему, ведомые пастырями, все глубже опускавшиеся в грязь.

Сейчас нередко вспоминают о героической битве «ума, чести и совести» с Ахматовой и Зощенко. Но забывают, чем кончили ветераны единоборства, обличители «пошляка» прозаика и поэтессы — «полумонахини-полублудницы». Попались на забавах в укроном борделе, учиненном на паях. Академик, долго сеявший разумное, доброе, вечное, покинул руководящий кабинет в Центральном Комитете и отправился досевать в провинцию, доктора филологии, возглавлявшие ратные кампании

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

К ВОПРОСУ О БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ

В. КАРДИН

Тем более не напишу я. Ограничусь заметками, продиктованными тревогами наступившего дня.

Менее всего хотелось бы провоцировать споры, и без того сыты ими по горло. Но и рассчитывать на единодушное одобрение не приходится. Хотелось бы, однако, не быть истолкованным вкривь и вкось, не заподозренным в тайных умыслах.

Верю: Октябрьская революция задумана и совершена во благо людям. Не верю, что, воинственно

отвергнув мораль, она могла принести благо. Пореволюционные годы делали первоначальную цель еще более иллюзорной, словно бы высмеивая «наш девиз боевой»: равенство, братство, свобода. Стране удалось восстановить разрушенное двумя войнами хозяйство. Но разрушение души продолжалось. И привело к дню сегодняшнему — развал экономики, разрыв едва ли не всех связей, удерживающих человеческую общность...

и походы, вынужденно ушли в тень.

Почему-то борцы за идейную чистоту, за чистоту рядов за самые — выше некуда — цели попадают на самой — ниже некуда — мерзости. Распутство, уголовщина, загородные особняки, отгроханные за счет казны. Разлагавшаяся элита заражала все вокруг. Чему же удивляться, если теперь, когда исчез страх и государство отказалось от террора как главного средства управления подданными, выплеснулась наружу грязь, копившаяся долгими годами? Вседозволенность, дарованная хозяевам жизни, стала всеобщим достоянием. Свобода!

С началом перестройки упрямо возникла проблема нравственности. В лагерях томились узники совести, длилась грязная война в Афганистане, несмываемым позором легла ссылка Андрея Сахарова. Какая же перестройка, покуда длятся такие преступления! М. Горбачев, явив мужество и человечность, сломав сопротивление охранителей, положил им конец. Прозвучали слова о примате общечеловеческих ценностей. Но сколькими идеологическими оговорками они сопровождались! Идеологические предрассудки вступали в противоречие с принципами гуманизма. Через несколько дней после Чернобыля народ беззаботно ликовал на первомайских площадях...

Не приравниваю двадцать девятый год или тридцать седьмой к восьмидесяти шестому, когда взорвался чернобыльский реактор. Но яснее ясного: Чернобыль не просто техническая авария, это неотвратимая закономерность, если угодно — тридцать седьмой в условиях гласности. Можно кричать о бедствии, но нельзя ничего добиться. Всевластный чиновник убеждает население в безопасности и тихонок выводит своих чад из зоны заражения. Правду о радиации легче узнать из сообщений зарубежного радио, чем из речей, звучащих в Москве, Киеве, Минске. Помощь не поступает по назначению, где-то таинственно исчезает. И, как всегда, нет виноватых.

Система расписалась в своей глубокой аморальности. Но продолжает хорохориться, признав ошибки, ищет, на ком бы отыграться. Объявляет, например, войну спекулянтам, которых сама же порождает ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе.

Однако неверно, по-моему, отождествлять систему только лишь с партийно-государственным аппаратом. Она преуспела, включила всех нас в безнравственную практику, наделила стойкими «пережитками социализма».

Иные торговые работники, эмигрировав за границу, попали в просак. С грехом пополам освоив чужой язык, не в силах были избавиться от «социалистической» привычки обвешивать и обсчитывать. от привычки, на коей держится наша торговля. Там, у них, это считается пороком — немедленное увольнение и «черный билет». Звериные законы капитализма...

Смеяться тут или плакать? Но если б в нашем музее выставили... нет, не «плачущего большевика», если выставили б человека, который никогда не пользовался блатом, не прибегал к помощи спекулянтов, не приобретал чего-либо из-под полы, не переплачивал бы, не приносил бы «нужному» персонажу презентов-даяний, от посетителей в таком музее не было бы отбоя.

Это на бытовом уровне, убийственно уравнивающим «левых» и «правых», всех нас.

Боюсь, на уровне, как бы выразиться, интеллектуально-общественном обстоят примерно так же: большевистская непримиримость, групповая пристрастность, деление на «своих», подлежащих безоговорочному одобрению, и на «чужих», подлежащих безусловному осуждению. Единомысленник с нравственным изъяснением дорожке просто рядочного человека, не спешащего тебе поддакивать и аплодировать. Трудно, кроме того, сказать, кто держит первенство в столь распространенном сегодня «перестроечном карьеризме».

Не верю в позицию «над схваткой»,

не изображаю из себя нейтрала. Но именно причастность к лагерю демократии, переживающему не лучшие свои дни, заставляет придирчиво смотреть на стоящих поблизости.

Можно себя утешить: «правые» хуже. Цели у них обычно ретроградные, средства — сомнительные, они способны непростительно распалить национальные чувства до стадии, заглушающей совесть. Среди них больший процент ущербных, зоологически озлобленных. Ну так ликовать, что среди «левых» таких меньше?

Пусть каждый думает, как хочет. Но никто не может не думать о ныне творящемся, не понимать: время все-таки не для бенедисов, пустякового соревновательства, не для ярмарки уцененного тщеславия.

Одно объективное обстоятельство определило слабость «левого» фланга. Здесь собрались преимущественно сменявшие вехи. Одни в большей мере, другие в меньшей. Одни подготовлены прежней своей судьбой, личным опытом, у других только что раскрылись глаза, для одних перестройка — дело жизни, последний шанс, для других — средство самоутверждения.

Глупо упрекать людей: вчера они думали, говорили так, сегодня эдак. Если бы немцы как народ не поступились принципами, какие приняли в начале тридцатых, за какие воевали в сороковые, им бы не возродить свою родину, не объединить ее, не занять подобающее место в цивилизованном мире.

Однако, выбрав новое кредо, сам человек еще не претерпевает чудовищных изменений. Чаще всего он таков, каким был прежде, со всеми своими привычками, стереотипами, комплексами. Можно по-новому думать, справедливо обличать отвратительное в старом и произвольно его копировать. Внутренняя-то суть осталась прежней. Либо чуть-чуть откорректирована.

Естественно, что в наши дни многие, столько узнав о стране, ее давнем и недавнем прошлом, о мире, по-новому глянув окрест, меняют свои воззрения. Кто-то выходит из КПСС, предпочитая беспартийность или другую партию, кто-то обращается к церкви, кто-то ищет прибежище в индийской философии, кто-то мечется, завивает горе веревочкой. Если в гражданскую войну нелегко давался выбор, то теперь это во сто крат труднее. Больше замороченность, деморализация, сильнее порыв к крайностям, заносит на крутых поворотах.

Ну вышел из партии и вышел. Нет, ему этого мало. Отныне он не подает руки своему товарищу за то лишь, что тот не положил партбилет. Удивительная потребность каждым своим шагом наступать кому-нибудь на ногу, усиливая всеобщее озлобление.

Вчерашний пламенный интернационалист однажды просыпается не менее пламенным националистом, злобно вода очами: кто здесь не коренной, не чистокровный, иноплемennyй!

Воинствующий безбожник делается не менее воинствующим идеалистом. Что уж вовсе нелепо.

Легко быть проповедником, трудно быть праведником. Усвоить мысль, на которой настаивал о. Александр Мень, незадолго до гибели: и пост, и аскеза, и подвиг смирения могут стать причиной гордыни, греха, человеческого падения.

В наши дни обозначился новый жанр — рассказ о себе как великомученике. Одному режиссеру мешали снять фильм, картину другого не пустили в прокат, у поэта из сборника выкинули строфу, у драматурга вырубали сцену, у прозаика в романе — главу. Мне, автору трех книг, набор коих был рассыпан, вняты такие сетования. Но наши невзгоды и неприятности меркнут подле страданий людей, брошенных за лагерную проволоку, в психушку...

Сочувствующих «Мемориалу» нельзя путать с жертвами строя. Но у сочув-

ствующих обычно имелось свое отношение к строю, и они не чета приспособленцам на все времена.

С общечеловеческой моралью не шибко получается, а извечно человеческие слабости не идут на убыль. Кое-кто убежден, что перестройка затеяна, дабы удовлетворить его тщеславие, компенсировать за кое-какие неудобства прежних лет.

Все согласились — мы отмечаем вопрос: «Чем вы занимались до восьмидесят пятого года?» Но прошлое каждого из нас не уходит в песок, не растворяется, оно упрямо присутствует и в сегодняшних причитаниях, которые короят своей, мягко выражаясь, неуместностью. Не столько пробуждается совесть, сколько воспаляется самолюбие. Эта воспальенность дает себя знать и в начинаниях вполне уместных.

Сегодняшний день в руках всех нас, в большей или меньшей мере «вчерашних».

При различии точек отсчета «левые» и «правые» дружно спихивают с пьедестала недавних литературных кумиров. И правильно поступают. Литература не выставка с предохранительными бирками «Не прикасаться!». Едва ли не каждая вторая литературно-критическая статья развенчивает уже развенчанных временем советских классиков.

В свое время официальная пропаганда, оправдывая сталинский террор, козыряла чеканной формулой Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Сегодня только самый ленивый не вспоминает — к месту или не к месту — о грехе Горького. Публикация «Несвоевременных мыслей» ненадолго прервала эту монотонию. И пошло, поехало опять.

В запале оправданного ниспровергательства не убить бы чуткий интерес к сложным писательским судьбам, к мучительной подчас противоречивости творчества, подразумевающего в исследователе умение пользоваться не одним лишь скальпелем.

Есть у этой проблемы и еще одна грань. Иной раз, читая такую статью, ловишь себя на мысли: а что бы писал ее автор, живи он в 20—40-е годы? В тех случаях, когда лично его знаешь, по профессиональной необходимости помнишь написанное им лет пятнадцать — двадцать назад, не забыл, как он угодничал перед редактором-ретроградом, как вступал в партию с откровенным намерением занять пост, ответ лежит на поверхности.

Я мысленно перебрал авторов в другую эпоху с нехитрой целью — пусть бы и они, помня о своем не столь уж отдаленном прошлом, о своих, так сказать, слабостях, держали это в уме, работая над очередной обличительной статьей. Стоит ли тратить столько темперамента на доказательство того, что уже без тебя успели доказать, что в общем-то очевидно старшекласникам.

Так вот о старшекласниках. Правда, не сегодняшних.

Десятилетия три назад мне попались школьные сочинения о Николае Островском и романе «Как закалялась сталь». Ребята не оставили живого места ни от героя, ни от автора. Помогла им в этом молодая учительница-энтузиастка, окрыленная XX съездом. Благодаря ей школьники куда лучше, чем составители учебника, разобрались в достаточно примитивном произведении, его убогой философии.

Учительница гордилась своими воспитанниками, и ее несколько удивил мой вопрос: растолковала ли она, что роман написан слепым, полупарализованным человеком, испытывавшим неслыханные мучения. Так он пытался бороться с этими муками, с надвигающейся смертью. Быть может, у пышущих здоровьем отроков и отроковиц следовало бы пробудить не только холоднорассудочную беспощадность, но и человеческую снисходительность, чувство жалости, сострадания.

Учительница возразила: роман Островского сам возбуждает жестокость.

Верно. Но если в ответ на жестокость, проповедуемую в беспомощной книге, возбуждать ненависть к ее несчастному автору, далеко ли мы уйдем?

Тогда вопрос мой звучал риторически. Сейчас видно, к чему мы пришли в своей ветхозаветной жажде отмщения: око за око, зуб за зуб. Все уже едва не ослепли, зато зубы в пору класть на полку.

Новое мышление гораздо легче освоить, чем в действительности признать главенство общечеловеческих ценностей, неотъемлемые права человека. Новое мышление, провозглашенное М. Горбачевым, побеждает на международной арене и терпит очевидные поражения на родине. За границей М. Горбачеву верят гораздо больше, чем дома.

Меж тем рейтинг Б. Ельцина не падает. Хотя и при его руководстве Верховным Советом республики положение России продолжает стремительно ухудшаться.

По-моему, это не столько политический, сколько моральный кризис Центра или Коммунистической партии, сохраняющей практическую власть, уже недостаточную, чтобы остановить движение по наклонной плоскости, но достаточную, чтобы помешать это сделать «определенным силам», как любит выражаться наш Президент. (Политический словарь партийного функционера помогает понять его — следовательно, и нашу — драму. Он изменил своему классу — номенклатуре, но не порвал с ним, возможно, не мог порвать и остался заложником.) А Б. Ельцин вступил в открытый бой с номенклатурой, прилюдно потерпел неудачу, подвергся поношениям. И все это лишь укрепляло его репутацию борца за правду. Раз номенклатура против него, мы — за. Такая вот логика. Люди ставят свое будущее в прямую зависимость от нравственности лидера и уж потом от его программы.

Многие выводы напрашиваются из столь знаменательной ситуации. Один из первых — необходимость для демократического фланга достойного нравственного уровня, его влияние напрямую зависит от морального облика лидеров. (Из этого, разумеется, не следует, будто программа, практическая деятельность второстепенны.)

Новое мышление нуждается в этическом обеспечении, в подходе к лицам и явлениям с той мерой моральной ответственности, от которой мы отвыкли (или вообще к ней не привыкали)...

Воспоминания академика Г. Арбатова «Из недавнего прошлого» приоткрывают завесу над политической кухней, ароматы которой долго наполняли воздух. Понадобилось определенное мужество, чтобы человеку, орудовавшему здесь, пусть и не на первых ролях, рассказать об этом.

Более всего и с безусловной симпатией, не лишенной критичности, Г. Арбатов пишет о Ю. Андропове, под чьим руководством ему довелось работать в ЦК. У Ю. Андропова были человеческие свойства, выделявшие его на фоне дремучего окружения. Но эти свойства не препятствовали продвижению наверх, участию в самых кардинальных решениях. Одно из которых — ввод наших войск в Афганистан. Поведение двух участников сговора объяснено лаконично: «Брежнев из-за болезни, Устинов из-за политической ограниченности. Но как могли совершить такую ошибку Громыко и особенно Андропов, — этого я не в силах понять».

А я не в силах понять, отличается ли ошибка от преступления.

Возможно, попытайтесь Г. Арбатов оценить действия А. Громыко и Ю. Андропова в категориях морали, его недоумение уменьшилось бы. Но о какой морали можно говорить применительно к Громыко, одинаково ревностно служившему Сталину, Хрущеву, Брежневу и в дни карибского кризиса, когда мир приблизился к бездне ядерной войны, уверявшему Дж. Кеннеди на Кубе нет советских ракет. Не станет же Г. Арбатов утверждать, будто внешняя полити-

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

ка Громыко отвечала истинным интересам народа, родины. Но Громыко автор не занимает, он сосредоточен на Ю. Андропове — фигуре, и впрямь не лишенной двойственности. Но надо ли ее преувеличивать, когда речь идет об участнике позорных акций?

Ю. Андропов подал голос за интервенцию в Чехословакию в 1968 году. В мемуарах это объясняется синдромом нетерпимости, сложившейся у Ю. Андропова после венгерских событий 1956 года.

Венгерское кровопролитие было достаточно серьезным, и причастность к нему Андропова вне сомнений. Степень причастности мемуарист не определяет. На Западе о том опубликовано немало материалов, Г. Арбатову это известно лучше, чем мне. Всем нам известна — пусть еще и недостаточна — деятельность Ю. Андропова на посту председателя КГБ. При нем преследовали, гноили в тюрьмах диссидентов, устраивались провокацион-

ные процессы, «таинственные» убийства, расцвели карательная психиатрия, подглядывание, подслушивание, перлюстрация.

Мало всего этого, чтобы разгадать «загадку» Андропова, благословившего советское вторжение в Афганистан?

Никакой загадки, думается, нет. Есть наше привычное представление: добро и зло — понятия относительные. Разумеется, Андропов в чем-то выигрывает подле своих соратников. Он заботился не только о собственной карьере (о том, что заботился и о ней, Г. Арбатов не скрывает), старался, уже смертельно больной, что-то сделать для страны, и мы, не избалованные подобным, заставляем себя забыть о поступках, не подлежащих оправданию. Разве беспочвенны призывы к суду над виновниками афганской авантюры, за которую расплачивались кровью отнюдь не близкие ее зачинщиков?

Кому-то покажется неуместным приращение нравственных критериев при

оценке политической деятельности. Но почему, собственно? Потому лишь, что мы привыкли к ее безнравственности?

Да, слышаны: политика не делается в белых перчатках, она — не тротуар Невского проспекта. Но обязательно ли делать ее руками по локоть в крови?

Политические преступления отличаются от уголовных, между прочим, и тем, что преступник не ворует серебряные ложки и не шарит по чужим карманам. Бывает доблестным семейным, отцом для подчиненных, лично неприхотливым человеком и не зарится на казенное добро. Когда с мертвого Гиммлера стащили сапоги, то увидели штопанные носки; в эсэсовских казармах тумбочки не запирались — кражи были исключены.

Читая мемуары Г. Арбатова, с горечью думаешь, насколько прочно у нас политика обособлена от этики.

Предвижу возражения: хорошо сегодня об этом рассуждать, а они действовали вчера. В некоторых статьях и речах сейчас подыскивают оправдание соколам из бериевского гнезда, настаивают на возврате «добраго имени» брежневским сподвижникам, еще недавно ходившим в покровителях мафии, казнокрадах и лихоимцах.

Это поветрие подготовлено прежде всего непоследовательностью перестройки. Смещение с высоких постов, удаление «геройских» бюстов совершалось укромно, стыдливо. С одной стороны, обвинения, предъявляемые прессой, читателями; их половины вполне достаточно, чтобы виновный созерцал небо не с террасы барского особняка, а через тюремную решетку. С другой — сохранение если и не прежних привилегий, то многих явно незаслуженных льгот, высокой пенсии и т. д. Не знаешь, как вас теперь называть, товарищ (господин) Н., — мошенник или жертва закулисных интриг, взяточник или мученик? Одни полагают — мошенник, другие избирают Г. Алиева народным депутатом, рассказывают о благодеяниях Ш. Рашидова, Д. Кунаева.

Суд, необходимый в правовом государстве, не состоялся. Как не состоялся он — пусть и условно — над Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Вышинским, организаторами процессов, геноцида, расстрелов. Неотвратимого наказания не последовало. Такая неотвратимость оздоровила бы атмосферу, подняла бы цену человеческой жизни и, вероятно, как-то воспрепятствовала разгулу преступности.

Принцип: с сегодняшней точки зрения дурно, а со вчерашней — ничего дурного — плохо согласуется с нравственными нормами.

В одно и то же время Солженицын призвал жить не по лжи, а по научению Андропова стрипали гнусные процессы. Выходит, тогда Солженицын был не прав, прав был Андропов. Сегодня надо их поменять местами.

Любопытно, куда мы придем при таких рокировках?

Андрей Дмитриевич Сахаров доказал: политическая мудрость и нравственная взыскательность — не антагонисты. Наоборот. В этой убежденности он черпал силы, отстаивая идеи переустройства общества на новых основах, возрождения личности.

Но вспомните: едва Сахаров поднялся на трибуну Съезда народных депутатов или Верховного Совета, в зале нарастала волна неприятия, у председателяствующего обострялось чувство времени, и он нетерпеливо жал кнопку электрического звонка. Не войдет ли в историю первый Съезд народных депутатов СССР как съезд, где «захлопывали» академика Андрея Сахарова? «Захлопывали» оратора, который убеждал: экономическое процветание и права человека связаны между собой, нищий не способен быть гражданином, система, обрекающая на нищету, безнравственна...

Чему удивляться, коль еще не преодолена зона, отмеченная затрепанны-

ми флажками: «по заданию ЦРУ», «нам подбрасывают», «вода на мельницу», — коль великий архитектор перестройки не избавился от цепких объятий идеологической догмы, многократно демонстрировавшей свою порочность. Не отмахивался бы самоуверенно от советов Сахарова, им же самим начатое дело пошло бы — не приходится сомневаться — не в пример лучше.

Отношение к Сахарову — лакмусовая бумажка для человека, для общественного направления, для печатного издания. Кампания по дискредитации Андрея Дмитриевича усиливается, в ход пускают специально рассекреченные разведданные из неприступного архива КГБ. Идет фронтальная атака на демократическое движение, некоторые газеты не брезгают дурно пахнущими статейками, щедро рассылаемыми ТАСС. Какие только сплетни и слухи не распространяют о депутатах-демократах, об органах власти, где они преобладают. «Лихая им досталась доля». Они оказались у разбитого корыта. Разбили его за десятилетия неограниченного владычества партаппарата, обкрадывавшего народ. (На жаргоне номенклатурные должности назывались должностями «с корытом» — спецстоялая, «с авоськой» — в придачу паек домой.) Теперь вчерашние хозяева жизни не пренебрегают саботажем, суют палки в колеса новым руководителям, улюлюкают вслед.

Не надо подозревать каждого аппаратного работника в злонамеренности и не надо умиленно взирать на каждого нового руководителя. Новые допускают ошибки, промахи, дурацки конфликтуют между собой, терпят неудачи — и не всегда по вине предшественников. Но не приведи Бог им споткнуться, проявив нравственную неразборчивость, упиваясь властью. Прощения не будет и, думаю, не должно быть. Полозковым равнодушно отступят грехи, за десятую долю которых распнут сторонников Собчака или Попова; их неподкупность — едва ли не последняя надежда.

В нравственном возрождении нуждается все общество, поддержки достойны любые шаги в этом направлении, безотносительно к тому, кем они сделаны. Жизнь убеждает: чаще делают их люди с демократическими убеждениями. Хотя само понятие — демократические убеждения — достаточно расплывчато. Но такая расплывчатость не должна мешать этической определенности. Эта определенность способна побудить к поступкам, вызывающим досаду и горечь. Уходят в отставку Г. Явлинский, Э. Шеварднадзе, уходят в тень А. Н. Яковлев, уйдут еще многие. Но двумя руками держатся за подлокотники руководящих кресел обанкротившиеся деятели, нагло рвутся к власти, к доходным местам спекулянтов, умеющих делать лишь собственную карьеру, сопровождая это неременными возгласами о спасении отечества.

Нравственная взыскательность — не благое пожелание, но властное веление дня, когда нарастает зловещая угроза справа, а рынок уже успел показать свои острые зубы, возбудить ажиотаж, настырную оборотистость, предпринимательскую суету там, где не худо бы побольше спокойствия, человеческого достоинства.

Американцы говорят: мы любим Бога, остальное — деньгами. Мы Бога не шибко любим. Я не о воистину верующих, но о тех, кто толпой поспешает к обедне, как недавно в культпоход в антирелигиозный музей. Но деньги любят все. Многие — безумно. Особенно зеленые доллары.

Что за напасть: культивировали бескорыстный энтузиазм, теперь умиляемся до слез, взирая на любого преследуемого пройдоху; держались за социалистическую веру в непорочное зачатие — достигли такого распутства, рядом с которым лондонское Сохо и парижская Сен-Дени — детский садик... Когда стрелка компаса так долго удер-

живается у отметки «Идиотизм», не надо, вероятно, удивляться, что потом она лихорадочно вибрирует у отметки «Позор».

Как бы в нынешнем вселенском ажиотаже не потерять себя, не забыть, ради чего живем. Тревога, к сожалению, небеспопеченна, небезосновательны упреки, брошенные людям, многим из которых симпатизирую. Список претензий нетрудно продолжить. Уже не удивляешься, услышав об издательском деятеле: «Прогрессивный мужик, правда, берет взятки». Вспоминается давняя аттестация на моего сослуживца-офицера: «Идейно выдержан, морально устойчив, допускает рукоприкладство, буюн во хмелю...»

Не читаю мораль — не имею ни права на то, ни желания. Хочу лишь напомнить: дело идет не о чьем-то личном благополучии, не о спасении чьей-то души (хотя и это важно), но о спасении страны, общества, идеалов демократии. Не осуществляются идеалы, все полетит в тартарары. А скомпрометировать их проще простого.

Признаюсь как на духу: побаиваюсь, не опозорился бы кто-нибудь из тех, с кем солидарен, не подставился бы, не всплыло бы вдруг какое-нибудь не слишком приглядное дело. Мнительность? Да нет же. Попытка глянуть со стороны.

Прилежно, как и все мы, читая периодичку, отдавая предпочтение изданиям демократической ориентации, не во всем и не всегда соглашаясь, иной раз не могу взять в толк, откуда временами этическая беззаботность, пренебрежение неписаными правилами.

Уже ясно было: вирус СПИДа вырашен отнюдь не в ретортах лаборатории ЦРУ, а иные вполне прогрессивные еженедельники продолжали цепляться за вздорную версию. Наконец во всеуслышание авторитетно заявлено: не рука ЦРУ. Так найдите в себе мужество, проявите честность и признайтесь: мы вводили читателей в заблуждение.

Какое там, политическая текучка смывает вчерашний газетный, журнальный номер, надо спешить, редакторам не до мелочей.

Можно относиться с уважением к идеям, которые не приемлешь. Но нельзя испытывать уважение к нечистому на руку оппоненту, зная: он вечно шельмует, занимается подтасовками. Когда демократическое издание представляет слово такому автору, вступает с ним в глубокомысленный спор, вместо того чтобы уличить в жульничестве, оно демонстрирует не столько приверженность к плюрализму, сколько нехватку безразличия. Вряд ли следует становиться на одну доску с неразборчивым в методах спорщиком. Плюрализма совести не бывает.

В том, что относится к этике, мелочей нет, поблажки здесь неуместны, оправдывать их глобальностью текущих проблем не стоит.

Может, если не подыскивать каждый раз оправдания, любая бессовестность из предмета гордости — явной у мафии, скрываемой у карьеристов — станет позором? Человек не захочет и сам идти против совести. Если же ему не хватает, то и власти благополучия не видать.

Донельзя хотелось бы верить, что такое достижимо. Не в стерильно чистом виде, не в зыбком царстве маниловских мечтаний, — в обычном для нормально общества варианте, доступном каждому грешному.

С этим, как и со многим другим в настоящих заметках, далеко не все согласится. Автора вполне удовлетворит, если в тягостной колготке наших дней кто-то всего лишь задумается над сказанным им.

Политизация общества, лишённого нравственных устоев, безмерно опасна. Устои сами собой не образуются, в посылке либо контейнере их не пришьют.

Против этого, пожалуй, никто не возразит.

Прочитал статью в № 46 «Огонька» «Спитфайру» — взлет!». И был удивлен. Нас долго убеждали в том, что союзники почти ничем не помогают... Но я хочу рассказать о другом. В прошлом году (так же, как и ранее) мы, ветераны 305-й Белгородской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, встречались в Новгороде. Под Новгородом наша дивизия вела тяжелейшие бои с августа 42-го до марта 43-го года, когда дивизия оказалась разгромленной... Вот туда, в такие места, как Нижнее Замощье и Мясной бор, приезжают оставшиеся в живых ветераны, чтобы поклониться святым местам.

Так вот, в районах этих сел огромная площадь огорожена колючей проволокой от ребятишек. Это на стоящий «Клондайк» брошенной военной техники, «законсервированной» временем и покоем, туго нашпигованный минами... Трудно себе представить, что до сих пор под открытым небом стоит кладбище военной техники, нетронутой со времен войны!

Подойдя вплотную к проволоке, можно увидеть башни завязших танков, остоны бывших грузовых машин, а также повисшие на кронах деревьев самолеты.

Что говорить о брошенной технике... Там находятся до 150 тысяч незахороненных солдат, которых теперь болотная топь «выбрасывает» на поверхность... И до сих пор захоронением этих солдат занимаются только энтузиасты из общества «Поиск»...

Нам так часто и много внушали об «их» образе жизни, какие они коварные вампиры, что верьте или нет, но я трижды прочел в вашей статье о том, что в Англии есть люди, которые хотят оказать помощь нашим ветеранам... Больно... стыдно... и вместе с тем радостно, что мир не иссяк добрыми людьми.

Полагаю, что вся техника, брошенная под Новгородом, представляет определенный интерес для истории, для тех, кто занимается реставрацией боевой техники. И если в нашей разоренной стране нет меченатов, это еще не довод, чтобы мешать иностранцам этим заниматься. Пусть памятники проклятой войны, и не только английские самолеты, обретут новую жизнь и будут вечно напоминать людям о тех, кто спас мир от кошмарной чумы.

А вам большое спасибо за то, что вы приподняли занавес еще над одним темным пятном Великой Отечественной.

И. РОЙТМАН,
ветеран 305-й Белгородской
Краснознаменной
орденов Суворова и Кутузова
стрелковой дивизии
Москва

Борис СЛУЦКИЙ

НЕ ПУТАЛ ОТТЕПЕЛЬ С ВЕСНОЮ

Илья Григорьевич Эренбург был первым, кто по достоинству оценил поэтический талант Бориса Слуцкого, понял, явление какого характера и уровня входит в русскую литературу. За год до выхода первой книги Слуцкого, за несколько месяцев до появления знаменитого первого «Дня поэзии», в котором среди прочего был напечатан большой и представительный цикл его стихов, Эренбург напечатал в «Литературной газете» статью «О стихах Бориса Слуцкого», в которой, не обинуясь, писал: «Называя поэзию Слуцкого народной, я хочу сказать, что его вдохновляет жизнь народа — его подвиги и горе, его тяжелый труд и надежды, его смертельная усталость и непобедимая сила жизни»; «...если бы меня спросили, чью музу вспоминаешь, читая стихи Слуцкого, я бы, не колеблясь, ответил — музу Некрасова... После стихов Блока я, кажется, редко встречал столь отчетливое продолжение гражданской поэзии Некрасова»; «Я нахожу в них мою землю, мой век, мои надежды и горечь, все, что позволило мне вместе с другими идти вперед, хотя порой это было нелегко, идти и дойти до наших дней».

Зоркость Эренбурга потрясает. Тридцать лет назад он увидел в строках Бориса Слуцкого то, что только начинаем видеть в них мы. Но мы знаем десятка полтора книг Слуцкого, Эренбург же был знаком с несколькими десятками стихотворений, написанных к тому времени (впрочем, некоторые из них только сейчас вышли к широкому читателю).

Для Слуцкого Эренбург был одним из учителей, в чей писательский и человеческий опыт он вглядывался, чью жизненную и мировоззренческую стойкость он высоко ценил. Об этом говорится и в мемуарных набросках, оставшихся в архиве Слуцкого, и в «эренбургском» цикле его стихов. И то, и другое предлагается читателям «Огонька».

И последнее. Они любили и уважали друг друга не только в силу личных добрых отношений (Слуцкий, кстати, посвятил Эренбургу одно из известнейших своих стихотворений, «Лошади в океане»), оставшихся нерушимыми до последнего часа жизни одного из них. Но и за ту живую и хлопотавшую в обоих страсть к литературе и политике, за схожие идеалы в том и другом: в литературе — талант и правда, в политике — гуманизм и справедливость. Их дружба была честной дружбой.

Юрий БОЛДЫРЕВ

Второй раз я увиделся с Эренбургом в 1949 году. Я начал писать стихи — после многолетнего перерыва. Когда написались первая дюжина и когда я почувствовал, что они могут интересовать не меня одного, я набросал краткий список писателей, мнение которых меня интересовало. Эренбург возглавил этот список. Я позвонил ему; он меня вспомнил. Я пришел к нему на улицу Горького.

Тщательно осведомившись о моих жизненных и литературных делах, Эренбург как-то неловко усмехнулся, протянул мне лист бумаги и сказал:

* * *

Не путал оттепель с весной
и, увлекаясь новизною,
не проглядел в ней старины.
Нет! Оттепель с весной не путал
и вовсе не пугался пугал,
а просто знал: они сильны.

* * *

Спешит закончить Эренбург
свои анналы,
как Петр — закончить Петербург:
дворцы, каналы.

Он тоже строит на песке
и на болоте
по любопытству, по тоске
и по охоте.

По непреодолимости
воспоминаний

а теперь напишем десяток любимых поэтов.

Это была игра московских студентов, очень обычная. Писали десяток (редко дюжину) лучших поэтов мира, или России, или советских, или десяток лучших молодых. В последнем случае десяток иногда не набиралось.

Иногда писали десяток не лучших, а любимых.

Однажды писали даже десяток худших. Потом листочки сравнивались, любовь подсчитывалась, выводились общие оценки. Под вкус подводилась тематическая (скажем точнее, арифме-

и по необходимости
их воплощений
и по неумолимости
своих желаний
и по неотвратимости
своих свершений.

* * *

Было много жалости и горечи.
Это не поднимет, не разбудит.
Скучно будет без Ильи Григорьевича.
Тихо будет.

Необычно расшумелись похороны:
давка, драка.
Это все прошло, а прахам поровну
выдается тишины и мрака.

Как народ, рвалась интеллигенция.
Старики, как молодые,
выстояли очередь на Герцена.
Мимо гроба тихо проходили.

тическая) база. Некоторые методы современных социологических опросов были найдены и применены двадцатилетними студентами Московского института Союза писателей.

Оказалось, что Эренбург, которому в то время было около 60, продолжал играть в эту игру. Я взял бумагу, подумал, начал писать, снова подумал.

Мои дела, жизненные и литературные, были достаточно серьезными. С жизнью было проще, определеннее. Устойчивое положение инвалида Отечественной войны 2-й группы давало мне не только все необходимые справки, но и право жить в Москве и малую толику пенсии (810 рублей). Сложнее было со стихами. На войне я почти не писал по самой простой и уважительной причине — был занят войной. По нашу сторону фронта не было, как известно, ни выходных дней, ни солдатских отпусков. После войны, в Румынии, когда все дела кончились, а новые еще не начались, написал несколько баллад. Потом начались годы болезни — долгие и бесплодные. Я ступал на поэтическую сцену как моряк, вернувшийся из восьмилетнего плавания, что и говорить, земля ходила у меня под ногами.

Таковы были мои дела, жизненные и литературные. Я писал список десяти любимых, поглядывал на Эренбурга и понимал, что то, чем мы сейчас с ним занимаемся, тоже дело, очень важное. По сути, мы фиксировали в лицах, именах свои эстетике. Сравнивали их. Наверное, многое в наших отношениях определила похожесть двух списков.

Надо сказать, что мы играли в эту игру еще многие десятки раз.

Имена в наших списках ни разу не совпадали полностью. Но некоторые поэты переходили из одного списка в другой. Николай Алексеевич Заболоцкий, долгие годы фигурировавший только на моих листках, переключался на эренбургские и уже навсегда остался там и в его сердце. А с его листков на мои также переключался Осип Мандельштам.

Попробую припомнить список, скажем, самых значительных поэтов века — не свой, а эренбургский. Такой список мы писали чаще всего. Может быть, в огромном хозяйстве, именном архивом И. Г. Э. и ныне хранящемся в фондах ЦГАЛИ, иные из этих листов хранятся до сих пор. Итак, де-

Эту свалку, эти дебри
выиграл, конечно, он вчистую.
Усмехнулся, если поглядеть бы
ту толпу горячую, густую.

Эти искаженные отчаяньем
старые и молодые лица,
что пришли к еврейскому
печальнику,
справедливцу и нетерпеливцу,

что пришли к писателю прошений
за униженных и оскорбленных.
Так он, лежа в саванах, в пеленах,
выиграл последнее сражение...

* * *

Теперь ему не позвоню,
как прежде, десять раз на дню,
что вечер проведем мы вместе.

сятка лучших, значительнейших поэтов двадцатого века.

Конечно, там были Блок, Маяковский, Пастернак, Цветаева, Мандельштам, Есенин. Эти шестеро — всегда и бесспорно. Но были также Ахматова, Хлебников, позднее стал появляться Заболоцкий, здравствующих современников мы не писали или писали отдельно.

Не было Белого, Асеева, Сельвинского, Волошина, Ходасевича, Сологуба. Это несмотря на очень прочные отношения, дружеские или литературные, связывавшие И. Г. со многими из них.

Он вообще твердо разделял понятия: хороший человек и хороший поэт, любимый друг и любимый поэт.

Во время последней нашей встречи, состоявшейся за сутки до его смерти, мы не писали списков, но разговор о поэзии и поэтах возник снова. Я хорошо помню, как И. Г. сказал:

— Для меня лишь Марина и Мандельштам. Хотя я понимаю, что значение Пастернака больше.

Кажется, он сказал: «Конечно, больше». Разговор шел о любимых современных поэтах.

И. Г. говорил: поэзия — это то, что не может быть выражено другими искусствами. Этот афоризм фундировал отрицание, например, поэмы, как формы поэтического повествования. Так называемая лирическая поэма, то есть длинное лирическое стихотворение или цикл лирических стихотворений, не отрицалась. Сдержанно относился И. Г. к поэмам Сельвинского и Твардовского. Владимир Корнилов, читавший ему свои большие вещи, не показавшись. Впрочем, исключений было много. Поэмы Мартынова, например, в которых элемент повествования был настойчивее, чем у Твардовского, очень нравились.

Точно так же при яростном отрицании повествовательной, литературной живописи первым мастером века считался литературнейший Пикассо.

В этом видится важная особенность мышления И. Г. — он более всего почитал факты. Любил теоретизировать, но факты ценил больше теорий. Когда его эстетические афоризмы начинали конфликтовать с фактами, он легко уступал.

Не так уж много читал И. Г. из современной прозы, следя за десятком-двумя литературов.

В отношении современной музыки был достаточно беззаботен. Спрашивал: «А кто такой Соловьев-Седой?» Хрущев сказал: «Вот послушаю с утра Соловьева-Седого, и весь день легко на душе».

Но текущую русскую поэзию знал основательно — и любимое и нелюбимое.

Попробую припомнить некоторые его мнения.

Об Алигере говорил: она поэт, средний, но поэт. Не плохой, а именно средний. Ценил мужество Алигера, активность, доверял ей, часто с ней виделся.

Часто говорил, что наши молодые писатели талантливее наших молодых художников, но что художники — порядочнее, честнее. Это была одна из любимо-ейших его поговорок. Однажды сказанная, она стала влиять на его конкретные мнения. Очень интересовался молодыми поэтами — без раздражения, свойственного, скажем, Ахматовой или Маршаку, с доброжелательной иронией, в которой доброжелательства было больше, чем иронии.

Стихи Евтушенко не любил, но под некоторым нажимом признавал его длинную талантливость. Рассказывал, что в Италии какой-то журналист так пристал к нему с расспросами о Евтушенко, что он раздраженно сказал:

— Да у нас десять таких поэтов, как Евтушенко.

— Десять Этусенко! Великая страна, — заявил взволнованно итальянец.

История нравилась И. Г., и масштабы зарубежной славы Евтушенко не вызвали у него обычного писательского злословия.

Еще одна излюбленная эренбургская история об Этусенко.

Пикассо рассказывал И. Г., что Евтушенко явился к нему без приглашения, но с фотографиями. Пикассо это не понравилось. Фотографов он мог бы пригласить и сам, и он сказал Евтушенко:

— Бывал у меня один русский поэт, тоже высокого роста — Маяковский. Но тот шел впереди толпы, а вы шагаете в толпе.

Интересно, что о Вознесенском Пикассо говорил добродушнее. «Кажется, похож на Ревверди», — говорил он И. Г. По-русски Пикассо не понимает.

Сам Евтушенко рассказывал мне, что, видя его, Эренбург начинал улыбаться еще издали, как будто ему показывали что-то очень смешное.

Был в серьезной претензии, когда на правительственном приеме Евтушенко начал оспаривать правомерность термина «оттепель», утверждая, что на политическом дворе не оттепель, а настоящая весна. Не без восхищения рассказывал о том, как смело Евтушенко возражал Хрущеву на каком-то другом приеме.

В общем, деятельность Евтушенко его интересовала, а поэтическая деятельность чаще всего раздражала.

Были люди, о которых он всегда говорил с «но» и «однако», — Кирсанов, Асеев, Сельвинский. Их стихи — не нравились. Место в поэзии для них отводилось только в подсобке. Выше всего в поэзии Эренбург ценил «содержание», смысл и «что-то» неопределенное, верленовскую музыку, магию. У Кирсанова же музыка и магия были определяемыми...

* * *

Во время своей последней болезни И. Г. не то чтобы не хотел умирать, а не собирался умирать. Он и думать на эту тему не хотел. За несколько дней до

конца, в последней неделе августа, он спросил у меня:

— Как вы думаете, сколько меня еще будут заставлять лежать?

— Недель шесть, наверное.

— Что вы, я не вынесу. Они сами говорят: недели три.

Очень ему хотелось встать, выздороветь, съездить в Швецию.

Он был почти счастливый человек. Жил, как хотел «почти». Делал, что хотел (почти). Писал, что хотел (почти). Говорил — это уже без «почти», — что хотел. Сделал и написал очень много. Клд его, по нынешним литературным временам, очень велик.

Его «почти» — было доброе «почти». Оно не примешивалось к счастью, не приправляло его, не отравляло, а скапливалось в отдельные, цельнонесчастливые периоды. Тогда Эренбург был и угрюм, и бездеятелен. Угрюмство и нежелание работать у него совпадали.

На последнем или предпоследнем юбилее он сказал — с трибуны большого зала Дома писателей:

— За прошлый год я тринадцать раз ездил за границу и написал двадцать шесть глав в свою книгу воспоминаний. — В этот миг он был счастлив. И в тот «прошлый» год он тоже был счастлив.

Довольно долго угрюмый период длился в 1963 году — после «мартовских ид», как И. Г. именвал мартовские встречи Хрущева с писателями. Основательно обруганный уже в первый день встречи, И. Г. не пошел на второй, сидел дома, нервничал, тосковал и ждал вестей. Помню звонки самые странные. Звонила, например, никогда прежде не звонившая, по сути дела незнакомая Ш., сказавшая:

— Вам будут говорить много неверного о словах Никиты Сергеевича, но вас очень любят, и все будет хорошо.

Звонил корреспондент, если не ошибаюсь, «Рейтер». Трубку взял И. Г. Послушал и сказал:

— Говорит: все знают, что вы смелый человек. Скажите же, наконец, что вы обо всем этом думаете.

К вечеру пришли Каверин и Паустовский с новостями очень скверного свойства. Поучительно было наблюдать мрачного, подавленного Эренбурга, мрачного, возбужденного Паустовского и улыбающегося Каверина, который сказал:

— А я, знаете, так устроен, что уверен, что все обойдется. Просто не могу поверить, что будет плохо.

На него немедленно обрушились, недвусмысленно объясняя его оптимизм крайней молодостью и неопытностью. А Каверину тогда уже было за шестьдесят.

<...>Эренбург слушал замечания, даже требовал их, спорил, часто соглашался. Один из важнейших законов, которые он выработал для мемуарной

книги, — не писать о плохих людях (кажется, почти никто из них не удостоен отдельной главы) и не писать плохого о хороших людях.

<...>Эренбургу плохо давались описания внешности героев мемуаров, манеры их поведения.

Я как-то спросил у него:

— Почему обо всех ваших героях вы пишете «застенчивый»?

И он не смог это объяснить.

Зато, когда надо было объяснить, куда тот или иной герой гнул, Эренбург был на высоте.

Очень долго писалась глава о Сталине. Несколько лет Сталин был одной из главных тем разговоров и размышлений (конечно, не у одного И. Г.). И. Г. пытался определить, выявить закономерность сталинского отношения к людям — особенно в 1937 году — и пришел к мысли, что случайности было куда больше, чем закономерности. Однажды я спросил у И. Г., почему Сталин любил его книги. Ответило было в том смысле, что ценились их политическая полезность и международный охват. Вообще говоря, Сталин, смысл Сталина был орешком, в твердости которого И. Г. неоднократно признавался.

Дачные книги — особенно Чехов — заложены не только листьями, цветами и листьями травы, но и землей. Земляные закладки. Работал в оранжерее — и читал.

Две сестры, персонажи без речей в этой семейной пьесе, привезенные из — кажется — Франции после войны и поселенные на даче, наверху. Я с ними несколько раз сидел за общим дачным обеденным столом. Я ничего о них не знаю. И. Г. говорил, что барышнями они выписывали из Франции — кажется — газеты. Они были седые, худощавые, с одинаковыми лицами. Обе всегда в одинаковых черных платьях. Вопросы за столом им не задавали. Любовь Михайловна смотрела на них дисциплинирующим взглядом.

Приехала команда из больницы, и медсестра, крепенькая, сорокалетняя, шепнула мне: «Документы проверьте». Я проверил. Показали без обиды. Потом ловко, сноровисто, вмиг отбросили простыни, сняли белье, и я увидел то, что никогда не видел до этого: матово-белое, без желтизны, худое, с еле намеченным старческим животом, бедное-бедное тело.

Так же ловко, ладно, сноровисто, но без всякой уважительности его стащили на носилки, обернули, накрыли, унесли.

Илья Григорьевич, которого все — даже Незвал в поэме и Шолохов в ре-чах — называли именно так: Илья Григорьевич, — в последний раз уехал из дому, из которого он так любил уезжать.

Не напишу, хоть он в отъезде.
Уехал — а не напишу.
Вопрос пустынный не спрошу.
Не поделюсь насущной вестью.
Не улетел, а отлетел
и, позабыв про обещанье,
раскланяться не захотел
и не кивнул мне на прощанье.

* * *

Старшему товарищу и другу
окажу последнюю услугу.

Помогу последнее сражение
навязать и снова победить:
похороны в средство устрашения,
в средство пропаганды обратить.

Похороны хитрые рассчитаны,
как времянка, ровно от и до.
Речи торопливые зачитаны,
словно не о том и не про то.

Помогу ему времянку в вечность,
безвременье — в бесконечность
превратить и врезаться в умы.
Кто же, как не я и он, не мы?

Мне бы лучше отойти в сторонку.
Не могу. Проворно и торопко
сучусь, мечусь
и его уже посмертным светом
я свечусь при этом.
Может быть, в последний раз
свечусь.

ЧУЖОЙ ДОМ

Я в комнате, поросшей бытием
чужим,
чужой судьбиной пропыленной,
чужим огнем навечно опаленной.
Что мне осталось?
Лишь ее объем.

Мне остаются пол и потолок,
но пол не я в смятении толков,
и потолок не на меня снижался,
не оставляя
ни надежд,
ни шансов.

Ландшафт, который ломится в окно,
не мной засмотрен
и не мной описан.
В жилой квадрат я до сих пор
не вписан,
хотя живу шесть месяцев. Давно.

Когда уеду, здесь натрут полы,
сотрут следы кратчайшего постоя,
и памятью крепчайшего настоя
немедля брызнут стены и углы.

И дух его, вернувшийся домой,
немедленно задушит запах мой.

Публикация Ю. БОЛДЫРЕВА

ПРОШЕДШИЙ СКВОЗЬ СТЕНУ

Человек, о котором пойдет речь, уникален. И даже не тем, что создал удивительную науку. Но, создавая ее, он никогда ни о чем не просил. Он никогда не говорил — дайте, а предлагал — возьмите. Этого человека зовут Генрих Альтшуллер. А теория, разработанная им, называется ТРИЗ.

ПИСЬМО СТАЛИНУ

В декабре 1948 года младший лейтенант Каспийской военной флотилии Генрих Альтшуллер написал «лично товарищу Сталину» странное письмо. Автор обращал внимание вождя народов на хаос в области изобретательства, на полное невежество в этой области, а в конце письма высказывал и вовсе шальную мысль: мол, существует теория, с помощью которой можно научить изобретать любого инженера, теория, которая могла бы дать неоценимые результаты, перевернуть весь технический мир.

Ответ из Москвы придет лишь через два года. А пока суд да дело, познакомимся с этим лейтенантом.

В девятом классе Генрих Альтшуллер получил первое в жизни авторское свидетельство за изобретение аппарата для подводного плавания. В десятом — построил катер с ракетным (на карбиде) двигателем. А в 1946 году подал заявку на первое «взрослое» изобретение по военно-морскому ведомству — способ выхода из затонувшей подлодки без акваланга на целых 15 минут. Изобретение было принято и тут же засекречено. А автора взяли на службу в изобретательский отдел Каспийской военной флотилии.

Начальник отдела, человек с фантазией, поставил перед ним боевую задачу: «Представьте, что вы попали во вражеский город без оружия, почти без денег. Однако нужно совершить диверсию...» И Альтшуллер изобрел новый вид оружия — необыкновенно вонючее химическое соединение, приготовленное из обыкновенных аптечных препаратов. Это изобретение имело успех, создателя даже возили в Москву, к Берия. (Мог ли он думать тогда, что спустя четыре года в одном из бериевских застенков ему инкриминируют, что с помощью своего «вонючего» оружия он хотел сорвать парад на Красной площади!)

Итак, молодой изобретатель процве-

тал. Что же побудило его испортить себе карьеру, обратившись с письмом к Сталину?

«Дело в том, — рассказывает Альтшуллер, — что я должен был не только сам изобретать, но помогать тем, кто хочет этим заниматься. Ко мне в отдел приходили десятки людей. «Вот задача, — говорили они, — и она не решается. Как быть?» Я облазил все научно-технические библиотеки — ни в одной не было даже элементарного учебника по изобретательству. Ученые утверждали, что все изобретения зависят от случая, настроения, состава крови... Меня это не могло устроить. И я решил: раз этой методики нет — значит, ее надо создать!»

Он поделился своими соображениями со школьным приятелем Рафаэлем Шапиро, изобретателем, запрограммированным на максимальную удачу. К тому времени Альтшуллер уже догадался, что изобретение не что иное, как устранение технического противоречия с помощью определенных приемов. Изобретатель может состояться наверняка, только если владеет суммой этих приемов. Шапиро же, увлеченный открытием, предложил сразу, не откладывая, написать Сталину — заручиться его поддержкой.

Готовясь к предстоящему разговору с вождем (они не сомневались, что их так вызовут), Альтшуллер и Шапиро искали приемы решения задач, изучали патентный фонд, участвовали в изобретательских конкурсах и, в частности, получили премию Всесоюзного конкурса за создание газотеплозащитного скафандра.

Внезапно их вызвали в Тбилиси. У выхода из вагона арестовали. А спустя еще несколько дней началось следствие по делу «изобретателей-вредителей», закончившееся обычным для тех времен итогом: каждому дали по 25 лет.

Это случилось в 1950 году. Читатель, возможно, думает, что тут-то и начинается наш рассказ о «мученике за идею». Генрих Альтшуллер, однако,

считает по-другому: «До тюрьмы и лагерей меня мучили простые человеческие сомнения. Если моя идея так важна, почему же никто до сих пор не осуществил ее? Эти сомнения разрешил МГБ. После ареста началась цепь ситуаций, в которых единственным оружием с моей стороны (чтобы выжить!) явилось применение ТРИЗ — теории решения изобретательских задач».

В Москве, в Лефортовской тюрьме, Альтшуллера, не подписавшего ни одного протокола, ставят на «конвейер»: ночью ведут допросы, днем не дают спать. Понимая, что так ему долго не выдержать, Альтшуллер ставит перед собой изобретательскую задачу: как сделать, чтобы спать и не спать? Задача, казалось бы, неразрешимая. Максимум, что ему дозволено, это сидеть с открытыми глазами. Значит, чтобы спать, глаза должны быть открыты и... закрыты. В таком случае все очень просто. От коробки папирос «Норд» оторваны два кусочка бумаги, обгорелой спичкой на них нарисованы зрачки. Сокамерник, поплевав на «картинки», наклеивает их в зажмурившиеся глаза Альтшуллера. И, уставившись «открытыми» глазами в «волчок», он безмятежно засыпает. Он спит несколько дней подряд, удивляя по ночам странной бодростью своих мучителей...

Под Сыктывкаром, в Речлаге, зек № А1-452 Генрих Альтшуллер работает по двенадцать часов в сутки на лесоповале. Чувствуя, что «доходит», ставит задачу: что легче — работать или, став «отказником», сидеть в карцере. Находит решение: сидеть в карцере. Чтобы устроить надоевшего «отказника», его отправляют в отряд уголовников. Но тут задача «выжить» намного проще: уголовники в нем души не чают, трепетно внимая фантастическим и приключенческим романам, которых Альтшуллер знает великое множество и почти наизусть.

Его переводят в лагерь «доходяг», где умирают старые интеллигенты: ученые, юристы, экономисты, архитекторы... Чтобы взбодрить этих отчаявших-

ся людей, Генрих Альтшуллер открывает «университет одного студента». Каждый день по 12—14 часов он проводит на лекциях и семинарах оживших профессоров и таким образом получает свое «высшее образование».

Под Воркутой, на угольной шахте, он ухитряется по восемь—десять часов в сутки заниматься разработкой своей теории, то и дело устраняя аварийные ситуации. Никто не верит, что молодой изобретатель впервые в жизни на шахте. Все уверены, что Альтшуллер притворяется. А главный инженер и слышать не хочет, что это работает методика ТРИЗ.

...Однажды ночью, во время подземного аврала, он услышал, что умер Сталин. Еще через полтора года ему объявили, что он свободен. Но только вернувшись домой в Баку, он узнал, что его мать, отчаявшись увидеть сына, покончила с собой.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ С ПРАВОМ ПЕРЕПИСКИ

В 1956 году в журнале «Вопросы психологии» появилась статья Г. Альтшуллера и Р. Шапиро «О психологии изобретательского творчества». На ученых, занимавшихся исследованием творческих процессов, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Ведь до сих пор и советские, и зарубежные психологи считали, что все изобретения рождаются путем случайных озарений.

Генрих Альтшуллер предложил другой путь: исходить не из того, что происходит в мозгу человека, а сосредоточиться на результатах деятельности всего человечества. Взяв за основу мировой патентный фонд, изучать развитие производительных сил. Основой изобретательства должен стать не случайный поиск, рассчитанный на удачу, а детальный анализ задачи, выявление противоречия, препятствующего ее решению.

Изучив около двухсот тысяч патентов, Альтшуллер пришел к выводу, что существует порядка полутора тысяч технических противоречий, которые можно сравнительно легко разрешать с помощью типовых приемов. «Когда-то, — писал он, — и квадратные уравнения решали с помощью озарений. А потом появилась формула. То же самое и с ТРИЗ. Можно ждать «озарения» десять, сто лет. А можно, зная прием, ту же задачу решить в 15 минут!»

Интересно, что бы сказали его оппоненты, если бы узнали, что некий Г. Альтов с помощью той же ТРИЗ пишет свои фантастические романы, которыми зарабатывает на жизнь?..

Г. Альтов сочинял фантастические романы, в которых развивал свои изобретательские идеи. Г. Альтшуллер писал о том, «Как научиться изобретать».

Так он и назвал свою первую маленькую книжечку, вышедшую в 1961 году. В ней он смеялся над бытующими представлениями о том, что «изобретателем надо родиться», что «открытия делаются путем упорных проб и ошибок». 50 тысяч человек, заплатив всего 21 копейку, получили не общий совет типа «больше думай», а реальную помощь: двадцать изобретательских приемов.

Конечно, он представлял себе, какой костью в горле пришлась его теория для чиновников Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Но на пути к изобретателям ВОИР было той стеной, которую обойти было невозможно. И Альтшуллер решил пробить эту стену. Еще до выхода первой книги он начал переписку, которая поражает стойкостью и терпением ее инициатора.

19 апреля 1962 года: «Уважаемый тов. Иванов! Я решил еще раз обратиться к Вам с просьбой назначить конкретный срок совещания по методике изобретательства. Понимаю, что у председателя ВОИР могут быть и другие дела, однако... Вопрос проведения совещания я ставлю перед Вами с 1959 года».

От 15 мая 1962 года: «Уважаемый тов. Иванов! Прошу ответить на вопро-

Рисунок
Левона ХАЧАТРЯНА

сы: будет ли совещание в этом месяце? Будет ли оно в этом году? Состоится ли оно до конца столетия?...»

«До конца столетия...» Ну, тут Генрих Альтшуллер явно переборщил: ждать оставалось всего-то шесть лет!

С 1959-го по 1968-й он послал в ВООИР чуть не сотню писем, получив всего три-четыре ответа, последний из которых извещал его о том, что «семинар по методике изобретательства состоится в Дзиринти не позже декабря».

Этот первый в истории ТРИЗ семинар сыграл свою роль. На нем Альтшуллер наконец-то встретился с людьми, которые уже давно считали себя его учениками. Александр Селюцкий из Петрозаводска, Волослав Митрофанов из Ленинграда, Исаак Бухман из Риги... Эти в то время совсем еще молодые инженеры, а затем и многие другие спустя несколько лет откроют в своих городах школы ТРИЗ. Отныне события разворачиваются быстро. Сотни писем в защиту теории Альтшуллера хлынули в бюрократические кабинеты ВООИР. Люди требовали открытия института, в котором мог бы преподавать автор ТРИЗ и где могли бы учиться те, кто желает взять на вооружение его теорию. И такой институт появился: 30 января 1971 года начались занятия в АЗОИИТ (Азербайджанском общественном институте инженерного творчества).

6 мая 1975 года корреспондент «Правды», посетив институт в Баку, пишет о «новой зре советских изобретателей». А в дневнике Генриха Альтшуллера появляется такая запись: «Именно в эти дни, после второго выпуска изобретателей, меня выгнали из АЗОИИТ».

Причина была смешной: «Узко работает, не дает студентам нужных методик, не считает нужным держать в курсе ВООИР...» На самом-то деле чиновники от изобретательства испугались буквально вспыхнувшей популярности ТРИЗ, созданный институт явно выходил из-под их контроля. Десятки, сотни людей, прошедших школу Альтшуллера, звали его с лекциями и семинарами в разные города страны.

Самым звонким аккордом этого периода явилась новая книга Генриха Альтшуллера «Алгоритм изобретения», изданная в 1973 году. В ней Альтшуллер дарил своим ученикам сорок приемов решения любых самых трудных задач.

ТРИЗ — ЭТО ПОБЕДА

Заслуженный технолог РСФСР Волослав Владимирович Митрофанов, он же создатель и ректор Ленинградского народного университета технического творчества, в основе которого лежат занятия ТРИЗ, рассказывал мне, как к нему на семинар неожиданно пришел один из самых известных и благополучных изобретателей Ленинграда Роберт Кальманович Энглин. Пожилой человек, на счету которого числилось сорок изобретательских побед, добытых в муках «озарений», молча и потрясенно слушал, как решаются задачи по методике ТРИЗ. А потом, когда все ушли, долго еще сидел за столом, закрыл лицо руками, и повторял: «Боже мой, сколько же времени потрачено зря!»

Я вспомнил об Энглине, услышав на одном из всесоюзных совещаний по изобретательству Юлию Васильевну Карпову, которая витийствовала с трибуны: «Кто такой этот Альтшуллер? Какое право он имеет открывать законы развития техники? Он что — академик?!»

Юлия Васильевна Карпова... Заведующая отделом подготовки кадров Госкомитета по делам изобретений и открытий. Она же, по совместительству, директор Высших государственных курсов патентоведения и изобретательства (ВГКПИ). Косвенный результат государственной подготовки изобретателей таков: из 90 тысяч авторских свидетельств, зарегистрированных у нас в 1989 году, только две тысячи запатентованы за рубежом.

Почему так? Все поистине новое, интересное раздражает экспертов. Эти

люди прекрасно понимают: если ТРИЗ получит свободу и помощь, сразу же встанет вопрос о качестве экспертизы. Ибо теория Альтшуллера уже имеет готовые механизмы оценки изобретений самого высокого уровня.

А вот еще цифры. В ВГКПИ за 15 лет с момента их создания учились чуть более тысячи человек. Не говоря о качестве этой «тысячи», заметим лишь, что только одна кишиневская школа ТРИЗ готовит в год сотню изобретателей-профессионалов, способных решать подавляющее большинство производственных задач.

Любопытно, что даже самые яркие противники ТРИЗ под напором жизненных реалий постепенно сдают свои позиции. Вот как, судя по некоторым высказываниям, шла эта эволюция: «Методов творчества быть не может, все определяется природными способностями», «Алгоритм? Это допустимо. Только не наука, не теория», «Наука? Да, это возможно, но только не точная наука»...

Последнее было сказано в 1979 году. В том же году Генрих Альтшуллер выпускает одну из главных своих книг — «Творчество, как точная наука». В этой работе автор предложил новые способы исследования технических систем, дал жизнь приемам самого высокого уровня, выведя на изобретательскую сцену 77 стандартов решения задач.

Книга вызвала полемику среди советских кибернетиков. Большинство из них склонялось к тому, что автор далек от жизни. Представляю, как удивлялись маститые ученые, когда известное английское издательство «Гордон энд Брич», выпустившее монументальный шеститомник «Кибернетика», посвященный самым перспективным исследованиям в данной области, пятый том этого издания отдало под «Творчество, как точная наука».

Чуть позже английский журнал «Технология» сообщил: «Пользуясь методом профессора Альтшуллера, на британских авиационных предприятиях точно определяют недостатки двигателей...» Господину Альтшуллеру идут предложения: американская фирма «Кодак» предлагает ему быть консультантом; в Мельбурне хотят прослушать курс его лекций... Начиная с 1985-го каждый год выходят его книги: «Профессия — поиск нового», «Найти идею», «Дерзкие формулы творчества», «Нить в лабиринте», «Ариз — это победа».

Сегодня в 300 городах страны «колдуют» ученики Альтшуллера.

МИНСК: В ШЕСТЬ ТЫСЯЧ РАЗ!

На Красной Пресне, где проходила выставка «Информатика-89», я впервые увидел «ИМ» в действии. Изобретающая машина минчанина Валерия Цурикова творила чудеса. Каждый день, с десяти утра до семи вечера, «ИМ» на глазах у всех решала десятки изобретательских задач. Я видел главного инженера, кричавшего шоферу: «Срочно вези сюда главного технолога!» Видел женщину, ухившуюся в счастливой растерянности: восемь лет не могла решить задачу, а тут — за полчаса! Видел скептика — англичанина, который подошел к «ИМ» на минутку, а проторчал полдня...

Наша система базируется на ТРИЗ, — объясняли сотрудники НИЛИМ (научно-исследовательской лаборатории изобретающих машин), — и предлагает после формулировки задачи один из 88 приемов и подприемов решений. В ней заключены лучшие примеры мирового патентного фонда, более 1200 физических, химических и геометрических эффектов. Машина заставляет мыслить парадоксально, сбивая со стереотипов, развивает творческое воображение, снимает психологическую инерцию мышления.

(Для сравнения: хороший изобретатель владеет, как правило, всего двумя-тремя приемами решения технических противоречий.)

В 1974 году, заканчивая Минский радиотехнический институт, — рассказывает Валерий Цуриков, — я грезил

идеями Станислава Лема о том, как с помощью искусственного разума можно конструировать мир более удобным и интересным для человека. Но ведь то была фантастика. И вдруг... Натякаюсь на книгу Г. Альтшуллера «Алгоритм изобретения», из которой становится ясно, что идеи Лема уже реализуются на практике. Это потрясло. Я трижды подряд прочел эту книгу, а потом написал автору.

Альтшуллер, которого именно в это время «выгнали» из АЗОИИТ, сразу ответил Валерию и зачислил его в свой «заочно-домашний» институт. Обучение шло исключительно в письмах (впервые учитель и ученик встретились лишь спустя пять лет), но уже через год Цуриков организовал свою школу ТРИЗ для минских студентов, из которых, между прочим, и составил костяк его будущей лаборатории. Но прежде чем открыть лабораторию, он в течение семи лет, работая в одиночестве, разработал первый проект системы «ИМ», состоящий из трех главных компонентов: база знаний ТРИЗ, заложенная в компьютер, логический вывод через метод искусственного интеллекта, инженер-пользователь.

Потом я попал на стажировку в английский Имперский колледж, там познакомился с профессором Ковальским, создателем «Пролога» — самого мощного языка искусственного интеллекта. Его заинтересовала идея построения искусственного интеллекта на базе ТРИЗ. А недавно в Праге на конференции ЮНЕСКО мы договорились с Ковальским об участии его кафедры в нашей работе. Его ученики — асы в языке «Пролог», а мы на этом языке пишем свои программы.

— Скажите, почему именно у нас появилась ТРИЗ?

— Ну, это вполне естественно. Ведь Альтшуллер, изучая патентный фонд, насчитывающий сотни тысяч единиц, годами накапливал наблюдения... Запад на это не пойдет, слишком уж все жестко на свободном рынке.

Разговор возвращается к «ИМ», я интересуюсь, какова эффективность машины. Цифры звучат фантастические: сегодняшняя «ИМ» в шесть тысяч раз повышает интеллект среднего инженера, но со временем эффект сможет вырасти еще раз в сто.

— Используется ли нынешний вариант в промышленности?

— Только за один год около трехсот фирм заключили с нами контракт, — отвечает Цуриков. — Мы берем 20 тысяч за программу. Каждая — это два десятка дискет. Вставляем их в компьютер, устанавливаем на предприятии и решаем производственные задачи. Доступ к машине должен иметь любой инженер и думающий рабочий.

— Но ведь цена даже одной из решенных задач может с лихвой перекрыть стоимость всей программы. Не слишком ли дешево цените вы свою «ИМ»?

— По оценке зарубежных экспертов, самая малая цена нашей программы — 20 тысяч фунтов стерлингов. Но у лаборатории своя стратегия. Главная цель не коммерческая. Речь идет о реконструкции человеческого мышления. Пока что ТРИЗ — это наука о развитии технических систем. Но мы уже видим возможности выхода в любую область человеческого знания. ТРИЗ дает возможность практически каждому стать творческой личностью. Вспомните Пушкина: «Ай да Пушкин!» Вот такое же чувство испытал и я, когда с помощью ТРИЗ нашел свою идею и увидел, что такой еще не было. Бывало, приходит в нашу лабораторию усталый, забитый человек, неохотно, ни во что не веря, садится к машине и вдруг меняется, борется какие-то безумные слова, обнимается со всеми. «Ребята! — кричит он. — Что вы сделали? Ведь я считал свою задачу неразрешимой!» Убегают, звонят, приходят, приводят друзей... Казимир Малевич, крупнейший изобретатель в живописи, заявлял: «Признать за всеми способность к изобретатель-

ству». Мы дополняем: дать каждому возможность изобретать.

— А не напоминает ли ваша система своего рода энциклопедический словарь?

— Отчасти. Но энциклопедии нужны ведь еще настоящий читатель. Система «ИМ» не только подает знания, она их анализирует, общается с вами. Представьте, что вас пригласили в компанию блестящих изобретателей, живших на протяжении века. В жизни это невозможно, а в «ИМ» — пожалуйста.

— Вот бы постоянный билетик в такой «клуб»!

— Будет такой билетик. Сейчас мы создаем 30 разных программ для работы на любых предприятиях. Работаем над молодежной и детской версиями «ИМ», которые появятся через год-другой. А вот если нам дадут возможность масштабного развития, уверен: к началу XXI века в любой фирме мира, в любом инженерном КБ, в любом вузе, в школах и даже во многих семьях будут стоять наши системы. Нам уже предлагали «повесить» «ИМ» на международную компьютерную сеть. Думаю, что в ближайшие годы первые промышленные страны мира будут иметь с нами самый тесный контакт.

...Недавно мне сообщили, что Валерия Цурикова пригласили в Париж для доклада и демонстрации «ИМ» на директорате ЮНЕСКО. Поставлен вопрос о преподавании ТРИЗ в лучших инженерных колледжах Запада.

ЛЕНИНГРАД: ПРОГНОЗ НА ЗАВТРА

Пять лет назад Всесоюзный институт «Гидропроект» поручил своему ленинградскому филиалу разработать проект Днепро-Бугского гидроузла. Решено было построить дамбу, которая спасет лиман от морского засоления. Но при этом необходима так называемая «калитка», через которую будут ходить суда.

После подготовки головоломного проекта, сделанного, впрочем, по мировым стандартам, смета на строительство дамбы превысила 800 миллионов рублей, из которых ровно половину потянула «калиточка», включавшая в себя шлюзы, тяжелую технику, специальную железную дорогу...

Но тут кто-то посоветовал гидрологам обратиться за советом к «тризовцам».

— Попытка не пытка, — рассказывал заместитель главного инженера ленинградского «Гидропроекта» Виктор Михайлович Боярский. — Пригласили инженеров Литвина и Герасимова с завода «Электросила». Но для начала решили проверить, не миф ли то, что о них бают. Бросили пробный камень — задачу сброса воды с больших высот, над которой сами бились лет десять. Через сорок минут — точный ответ, да еще в трех вариантах! Я, честно говоря, просто обалдел и даже, каюсь, подумал, что они, случаем, знали эту задачу. Потому что если не так, то выглядит это просто, как фокус. Однако пришлось поверить и усадить этих «фокусников» за проект Днепро-Бугского гидроузла. И, представьте, выдали они нам решение, в котором не было ни шлюзов, ни пирса, ни железной дороги, ни буксиров и тягачей. Оказалось, что нужна всего-навсего «дырка» в самой дамбе. Результат? Наша «калитка» стоила 400 миллионов, а их «дырка» — в десять раз меньше! Но и это еще не все. Это неожиданное решение обнаружилось новым принципом в гидротехнике. Так в нашем институте появилась специальная лаборатория.

Об удивительном свойстве ТРИЗ не только решать задачи, но и раскрывать будущее любой идеи мне говорил еще Цуриков.

С творческим дуэтом — Семен Литвин и Владимир Герасимов — я встретился на совещании по прогнозированию народного хозяйства, которое устроил Государственный комитет по науке и технике.

После совещания группу «тризовцев» пригласил к себе начальник отдела

прогнозирования технического и социально-экономического развития страны Альберт Иванович Колчин. Он рассказал, как ведется у нас прогнозирование.

— И как же? — спросил я у Литвина.

— На каждую пятилетку самые известные академики вкупе с сотнями институтов составляют 60 пухлых томов прогнозов развития народного хозяйства. Предпоследний вариант делался в 1983 году и лег в основу программы XXVII съезда КПСС.

— А как насчет сбываемости?

— Ничего не сбывается.

Позже, побывав у Колчина, выяснил, что ежегодно на прогнозирование развития народного хозяйства государство тратит до 400 миллионов рублей! На вопрос, что он хочет от «тризовцев», Альберт Иванович ответил, что ищет пути к сотрудничеству. Но, как мне показалось, не очень-то с этим спешит...

— Что вы могли бы противопоставить этой груде академических томов? — спрашиваю Литвина.

— Как делается классический прогноз? Идут прикидки: через 15 лет скорость будет такая-то, производство машин — такое-то, называются приближенные параметры, числа. Наш прогноз не параметр, который должен быть обеспечен, а комплекс конкретных технических решений, которые выводят на этот параметр.

— Хотите знать, что мы для этого делаем? — входит в разговор Владимир Герасимов. — Берем объект, находим «непреодолимое» противоречие, которое мешает объекту быть лучше, и разрешаем его. Иначе говоря, создаем новую техническую систему. Это даже не столько прогнозирование, сколько создание новой техники.

— Ныне, — продолжает Литвин, — все прогнозы (не только у нас, но и за рубежом), которые делаются классическим методом, не идут дальше воображаемых количеств. И нет ни одного метода, кроме ТРИЗ, который предсказывал бы качественный скачок. Вот древний пример обычной экстраполяции. В конце прошлого века английские специалисты сделали прогноз: какая главная проблема будет у коммунальщиков Лондона через столетие? В то время в английской столице, пользовавшейся конным транспортом, было обилие навоза. Вот специалисты и подсчитали, что в восьмидесятых — девяностых годах двадцатого века Лондон будет завален навозом аж по второй этаж. А ведь в то время уже появились автомобили...

Я, в свою очередь, вспомнил, как Норберт Винер писал: «Скоро все девушки мира будут сидеть на телефонных станциях и переключать номера». Даже такой крупный ученый не мог предвидеть, что появятся автоматические станции.

— ТРИЗ дает закономерности развития техники в целом, — размышляет Герасимов. — Отсюда почти стопроцентная точность прогнозов.

— А как поступают американцы?

— У них существуют десятки способов прогнозирования, — отвечает Литвин, — но с точностью не более пяти — десяти процентов. Они вкладывают деньги сразу в десяток параллельных проектов, один выиграет — и то хорошо. Мы же слишком бедны, чтобы идти таким путем.

Я думаю о том, почему Колчин не спешит взять на вооружение новую методику прогнозов. С одной стороны, слишком сильна привычка к стереотипам, с другой — смелые предложения «тризовцев» кажутся, наверное, авантюрой. Однако кто подсчитает, сколько мы потеряли и еще потеряем на паническом страхе наших чиновников перед новым мышлением?

В 1969 году Министерство морского флота обратилось к Альтшуллеру с просьбой придумать принципиально новый ледокол, который мог бы перевозить большие грузы. Альтшуллер предложил принцип судна, названный впоследствии «полупогружным». То была

революция в ледокольном судостроении. Но, испугавшись смелости решения, ведомственные чиновники наплевательски на этот блестящий прогноз. Двадцать лет спустя страна с лихвой расплатилась за осторожность своего морского ведомства, приобретя за бешеные деньги в ФРГ лицензию на строительство «полупогружного судна».

КИШИНЕВ: ДИВЕРСИИ БОРИСА ЗЛОТИНА

Эдисон, как известно, за свою жизнь сделал больше тысячи изобретений. У Бориса Злотина уже подкатывает к трем тысячам, но не авторских свидетельств — он не подает заявок, — а решений чужих производственных задач. Он решает задачи в области электроники, строительства, горного дела, авиации, математики, биологии, даже социологии... ТРИЗ привела к появлению новой профессии — Злотин и его коллеги по кишиневской фирме «Прогресс» называют себя «поисковиками». Что это такое? «Тризовец» может, к примеру, не знать электроники, но этого ему и не надо. Электронщик знает свою задачу — «тризовец» вместе с ним ищет путь ее решения. И в 99 случаях из ста находит ответ быстрее.

— Чем сейчас занимается ваша фирма?

— К нам приезжают на учебу люди со всей страны, — рассказывает Злотин. — Это, как правило, ведущие специалисты самых разных предприятий. Занятия идут две недели, по восемь часов ежедневно, с мощными домашними заданиями, которые выполнять обязательно. Не выполняешь, тут же отмечаем тебе командировку: валяй домой — желающих много. Мы даем своим ученикам огромную информацию, которую они месяца три переваривают. Затем второй двухнедельный цикл, на который они привозят свои производственные задачи.

— И каковы результаты?

— На каждую группу в 30 человек — сотня, полторы самостоятельных изобретений по самым животрепещущим проблемам различных производств.

— От способностей здесь многое зависит?

— Отвечу вопросом на вопрос: нужны способности, чтобы овладеть таблицей умножения? Способности играют роль, но уже в высшем пилотаже.

— Вас считают создателем так называемого «диверсионного» метода, дающего уникальные результаты. Как он возник?

— Это получилось так. Мы создали в Кишиневе клуб ТРИЗ, где обучали всех желающих. Об этом узнали в райкоме партии, пришла толковая инструкторша, спросила: «А не могли бы вы помочь району?» Мы согласились. На крупной обувной фабрике дали задачу: колодка из капролактама, рассчитанная на тысячу пошивов, ломается после двухсот — в чем дело? Я дал задание своей группе: «Ребята, вот колодка. Предположим, она идеальная, может выдержать даже не тысячу, а сто тысяч пошивов. Но мы с вами диверсанты — нужно сделать так, чтобы она ломалась». С помощью тризовских приемов нашли 17—20 способов ломки колодки. Но когда мы снова пришли на фабрику, то ахнули: почти все наши «способы» уже успешно используются, только не «диверсантами», а самими рабочими! Однако главному инженеру фабрики наше исследование решительно не понравилось, ее не устраивало, что виноват отнюдь не поставщик... Кажется, после этого я и решил с помощью ТРИЗ заняться исследованием социологических процессов, нащупать закономерности развития трудовых коллективов.

«Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ...»

Когда-то молодой изобретатель Генрих Альтшуллер ушел от человека как субъекта изобретения к объективному закону развития техники, от головы к «железкам», от «озарений» к конкретному результату. Создал теорию,

признанную не только у нас, но и во многих странах мира. Казалось бы, труд завершен. Победа... И вот десятилетие спустя Альтшуллер возвращается к исследованию человека.

— Я вновь обратился к патентному фонду, на этот раз социальному, проанализировал десять тысяч биографий выдающихся людей. Выяснилось, что в их жизни было очень много общего. Получилась схема, в которую — хотите верить, хотите нет — укладывается практически любая личность, — рассказывает он во время нашей встречи в Петрозаводске, куда Генрих Саулович переехал из Баку.

— Собираетесь готовить гениев?

— Собираюсь. Сейчас их на миллион приходится один. Я же хочу, чтобы получилось как минимум десять.

— Для этого, как и в ТРИЗ, есть приемы?

— Есть и приемы. Исследуя биографии, я понял, что на пути к своей звезде у каждого будущего гения была встреча с чудом. Такая встреча рождала главное — достойную цель, которой отныне подчинялась вся жизнь человека. Возьмем известный факт: Шлимана и его Трои. В детстве он случайно увидел рисунок древней Трои и был так потрясен, что решил непременно найти этот таинственный город. И так, вот вам пример — встреча с чудом. Мы разработали несколько механизмов встречи ребенка с чудом. Есть и еще приемы, дающие импульс к эффективному развитию. Дело, конечно, не только в гениях, важно в каждом человеке сформировать творческую личность.

Новая теория Альтшуллера находится еще в стадии разработки, но уже подхвачена его учениками. В Норильске инженер Михаил Шустерман предложил методику ТРИЗ для воспитания дошкольников, разработал систему игр для развития творческого воображения.

В Ленинграде молодой исследователь ТРИЗ Игорь Викентьев создал в Доме культуры кружок, где школьники шестых — восьмых классов предлагают ленинградским заводам смелые инженерные решения, осуществляют личные творческие программы.

— Проблема творчества — главная из всех проблем нашего времени, — продолжает Альтшуллер. — Скажем, что такое задачи «на демократию», «на рыночную экономику», которые пытаются у нас решить? Должна быть задача на творчество, которое невозможно без демократии.

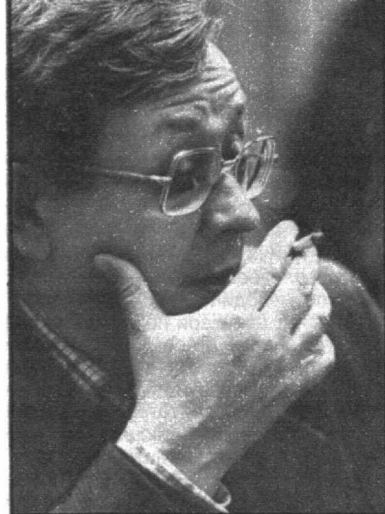
— Почему именно сегодня перед вами так остро встал этот вопрос?

— Видите ли... ТРИЗ дает человеку оружие куда более мощное, чем водородная бомба. Как, исключительно во благо, воспользоваться этим оружием? Для этого и нужна особая личность, способная в любых условиях найти такое решение, которое не принесет вреда обществу. У Станислава Ежи Леца есть афоризм: «Подумай, прежде чем подумать». Так вот: творческое развитие научит любого человека прогнозировать последствия каждого шага.

Как-то Генрих Альтшуллер пошутил: «Если ТРИЗ в конце концов победит, мне должны после смерти поставить памятник, как всякому нормальному первооткрывателю. Но нужно решить изобретательскую задачу, в которой есть несколько условий. Во-первых, памятник должен стоять в центре, недалеко от Кремля. Во-вторых, место должно быть совершенно свободным. А в-третьих, надо все устроить так, чтобы памятник был и в то же время его не было...»

Генрих Альтшуллер решил свою собственную задачу. Но так как он, слава Богу, жив, то я сообщаю потомкам, где они когда-нибудь смогут найти этот памятник: в скверике прямо напротив кинотеатра «Ударник».

Каждый, кто захочет увидеть Альтшуллера, нажмет специальную кнопку у подножия здешнего фонтана — и перед ним явится памятник создателя ТРИЗ из водяных струй.

ПЕЙЗАЖ И ЖЕНЩИНА

Коренному нижегородцу
Станиславу Яворскому
пятьдесят три.

В шестидесятые годы
молодому фотографу

попадает в руки чешский
журнал «Ревю
фотография»,

редактируемый в ту пору
Вацлавом Йиру.

Как и многим из нас, он
открыл Яворскому

большой и разнообразный
мир фотоискусства. Открыл
и увлек. «Фотография

в моей жизни? Да вся моя
жизнь — это

фотография», — говорит он.

В скольких выставках
участвовал, точно сказать

не может, — примерно
в трехстах. Имеет награды

самых престижных
зарубежных фотосалонов.

Его фотографии висели на
всех крупных выставках

в стране. Имя Станислава
Яворского известно

и фотографам,
и фотолюбителям, и очень

многим жителям тех
городов, где проходили его

персональные выставки.

Особая любовь Яворского
в последние годы — пейзаж

и женская натура. Он
лирик. И эта лиричность —

во всех его работах,
репортажных или

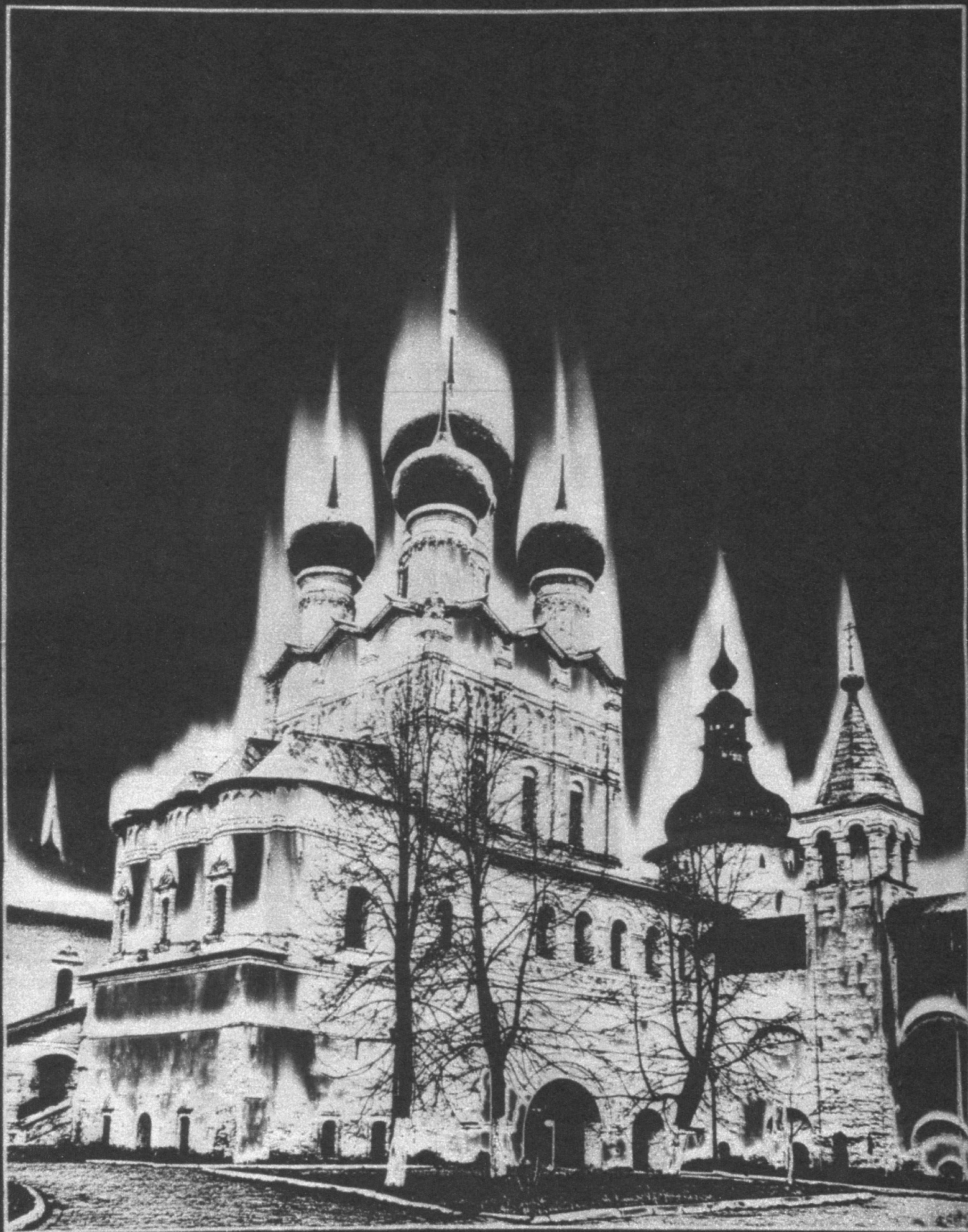
постановочных, жестко
графичных или размытых

моноклем.

Рубрику ведет председатель
Союза фотохудожников

России
Андрей БАСКАКОВ

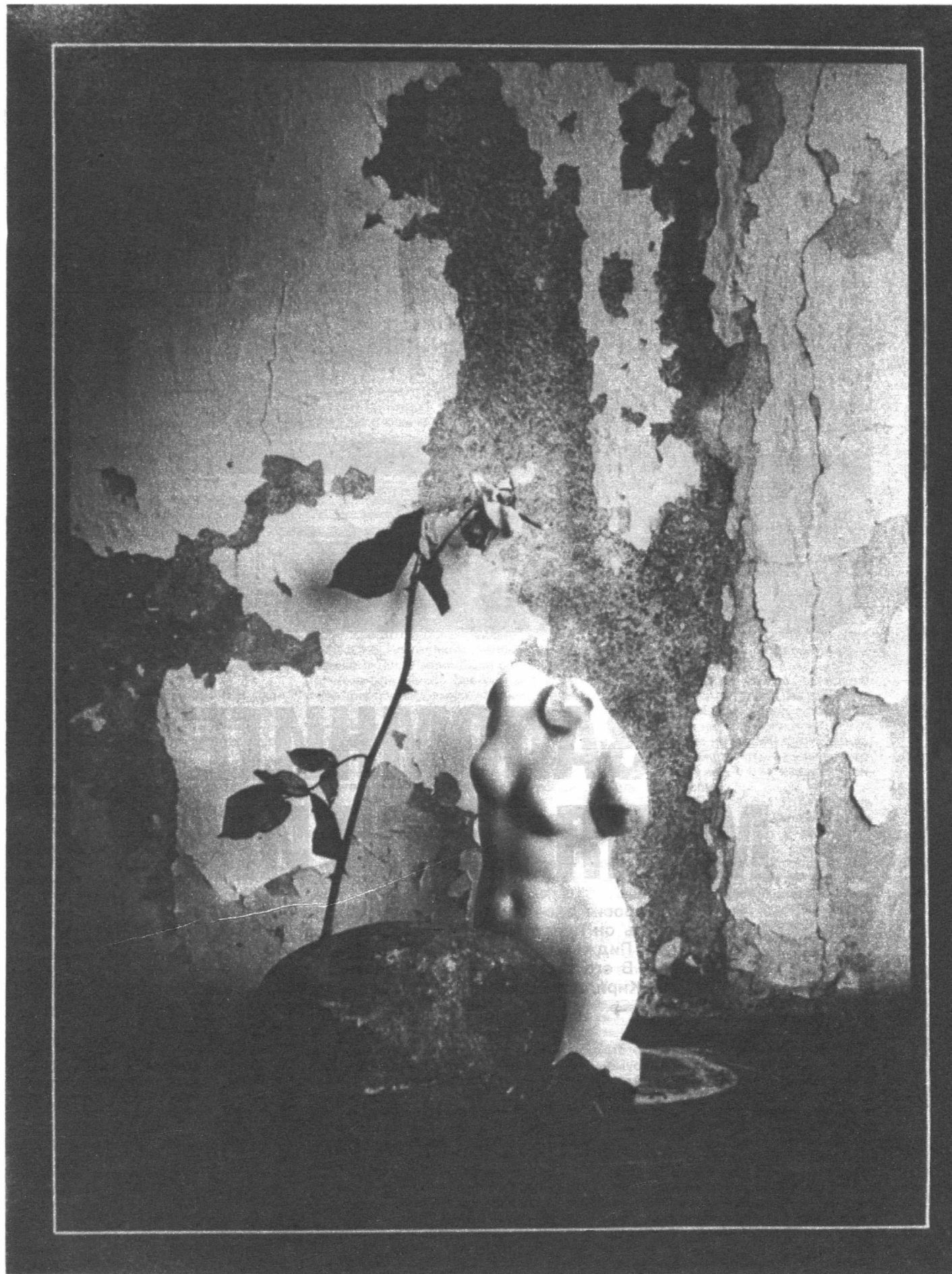

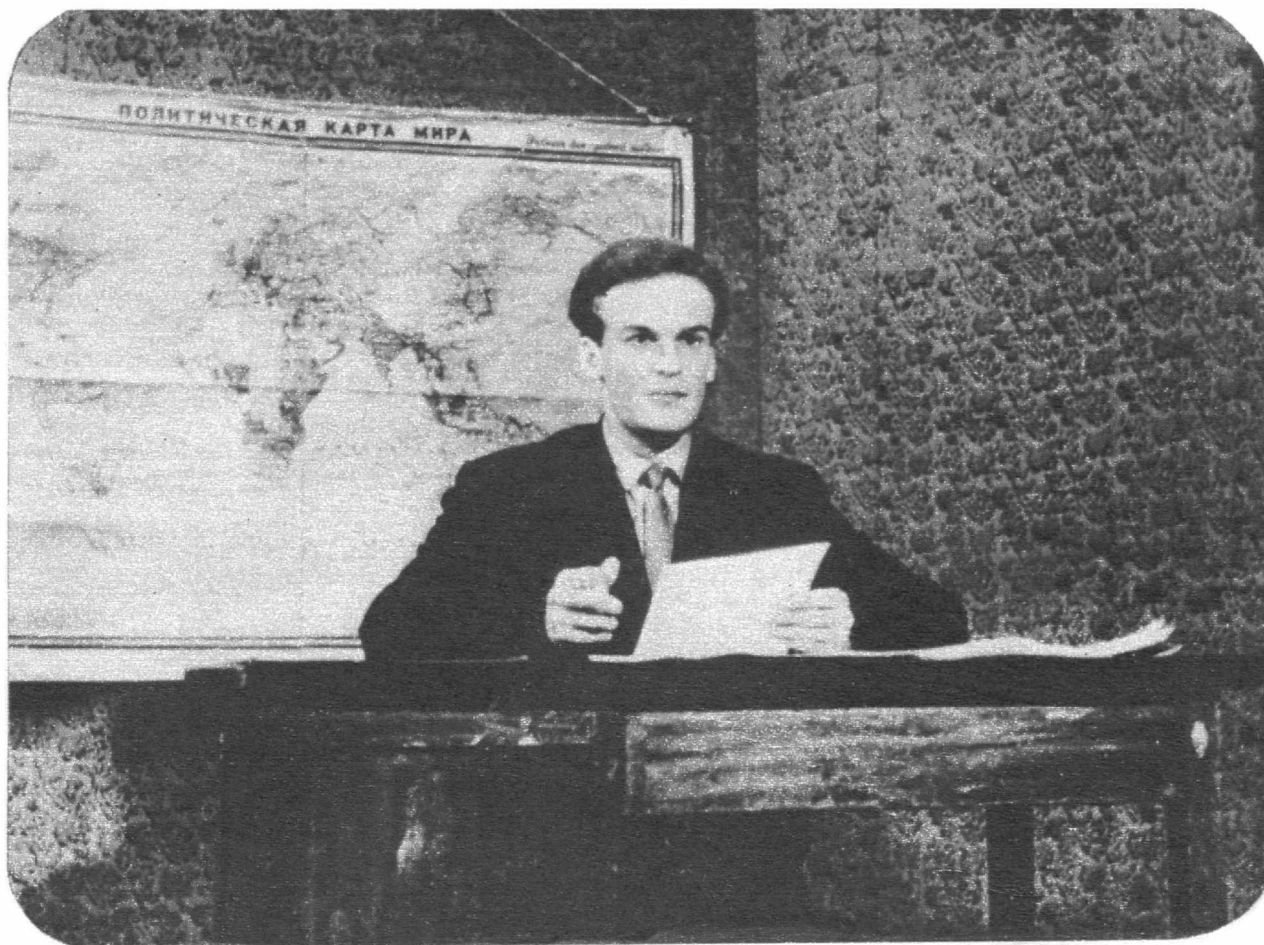

«ЗАПОМНИТЕ МЕНЯ ДРУГИМ»,

— просит экс-рупор официоза Игорь КИРИЛЛОВ.
Теперь он представляет антиофициозный «Взгляд».
Пиджак снял. Свитер, правда, одолжил.
В его гардеробе нужного не оказалось...
С Игорем Кирилловым беседует журналист Елена ЧЕКАЛОВА.

Вначале многие подумали, что это просто шутка. Потом стали недоумевать: зачем повторять ее каждый выпуск? Ну, хоть режь, трудно поверить, что Кириллов — «наш человек». Мы ведь даже по-своему сроднились с тем подчеркнуто серьезным, собранным человеком, который спускался в наш дом прямо со Спасской башни Кремля. Впрочем, останкинские старожилы уверяют, что Игорь Леонидович всегда был душкой и большим шутником. Вот в том самом похоронном 85-м идет, рассказывают, по коридору, размахивая вешалкой с черным костюмом. «Что, уже все?» — спрашивают его осторожно. «Все-все, конечно, все», — почти напевает Кириллов. Им, в Останкино, это кажется вполне правдоподобным. Потому что, говорят, он вообще все время что-то такое мурлыкал. Не в эфире, конечно. Мол, там черный костюм и галстук буквально наступали на горло его собственной песне.

* * *

— Вот уж не думала, что вы так порхаете (он влетел в дикторскую почти в ритме вальса).
— Просто разряжаюсь, — привычка.

— С тех времен, когда вы вещали от имени партии, правительства и лично Леонида Ильича?

— Ну да... Вы же не помните меня нормальным человеком. Разве что старики помнят. Когда-то я все мог — вел новости, концерты, стихи читал. По три-четыре передачи в день.

— В начале 60-х?

— Да. Это было счастье. Я делал репортажи вместе с Юрием Фокиным — тогда наш ведущий комментатор. Мы, как мальчишки, играли в радио. Он из студии орал: «Седьмой, седьмой, я первый».

— Но потом первым стали вы — первым, кремлевским диктором.

— Я не хотел, старался вырваться — не получилось. Я смирился.

— Ну и вы довольны тем, как вас за ваше смирение отблагодарили? Хорошая квартира, высокая зарплата, загранкомандировки?

— Я об этом как-то никогда не думал. Квартира, правда, хорошая. Есть машина — «девятка». За границей много не бывал. Из капстран только в Финляндии и Канаде. Зарплата? Нормально получал. Ставка была — 300, плюс 50 как художественный руководитель дикторского отдела. Потом подрабатывал.

— Концерты?

— Своего рода творческие вечера.

— И чем вы занимали зрителей?

— Читал стихи, прозу. Потом байки про телевидение рассказывал.

— Например, какие?

— Ну, вот был такой смешной случай. Делали мы с одним нашим ведущим комментатором репортаж с Красной площади. Это была годовщина кубинской революции, первый приезд Фиделя Кастро. «Внимание, внимание, — торжественно начал мой напарник, — наши камеры установлены на Красной площади столицы. Вот из Кремлевской стены выходят руководители нашей партии и государства». Лет десять спустя такой комизм не простили бы. А тогда — хорошее было время — никто ничего не заметил.

— Но и потом лично вам было не так уж плохо. Лапин, говорят, вас обожал, и вы на его похоронах произнесли очень проникновенную речь.

— Нас многое связывало. Это был сложный человек. Очень талантливый, противоречивый, демократичный. Не верите? Может быть, с ним где-то произошло то же, что и со мной. Его заставили стать жестким администратором, совместить несовместимое.

— Юрий Фокин о нем другого мнения. Он любит цитировать знаменитое высказывание Сергея Георгиевича: «Мне личности в кадре не нужны. Какая может быть собственная точка зрения, когда есть мнение ЦК КПСС?»

— Вы знаете, у них как-то не сложились отношения.

— Кажется, Лапин вообще к комментаторам относился с меньшим почтением, чем к дикторам?

— К дикторам он, правда, относился очень внимательно. Может быть, с нами ему было спокойнее. Но иногда мне казалось, что это отчасти его высокомерие: мол, тупому народу только то и нужно, что несложный, проверенный, четко произнесенный текст. При Лапине было, конечно, дикторское телевидение. Многие журналисты, комментаторы нам завидовали. Им казалось: вот читают по бумажке, а их знает весь народ. Но наш хлеб не был легким.

— А что, действительно очень сложно читать по бумажке?

— Сложно не ошибаться. Меня вначале удивляло, что, например, если в речи генсека случайно заменишь «уже» на «уж», заставляли делать новый дубль. Я этого очень долго не мог постичь. Как-то принесли мне «тассовку» о том, что Брежнев собирается встречаться с Никсоном. Но написано было так, что сразу не разберешь. Я разбил текст на короткие предложения и вставил несколько человеческих слов. Слава Богу, наше руководство — у него всегда был особый нюх — не утвердило мою редактуру к эфиру. В конце концов выяснилось, что над этой «тассовкой» три месяца трудились Международный отдел ЦК и дипкорпус. Мне нужно было с человеческой интонацией произносить эти тексты именно в тех формулировках, в каких они составлялись.

— Может быть, «наверху» боялись, что при «переводе» на нормальный русский язык из партийных документов исчезнет смысл?

— Вряд ли они об этом думали. Просто все, что шло «сверху», должно было выполняться без ошибок.

— И все-таки вы делали ошибки. Была ведь какая-то смешная история с докладом Андропова. Что там случилось?

— Тогда нам, конечно, было совсем не смешно. Я на всю жизнь запомнил этот день. Речь Андропова где-то в 10 часов утра пошла с телетайпа — первый экземпляр, второй, а когда пошел третий, телетайп вдруг сломался. Потом его починили. Но в кутерьме к этому третьему экземпляру, с которого как раз сделали копию для меня, подкололась одна страничка из очень суровой статьи какого-то генерал-полковника. И вот читаю я довольно мягкий текст, и вдруг нелогичный переход к части, где в угрожающих тонах говорится о силе и мощи Варшавского Договора. А потом опять идет прежний, вполне интеллигентный текст. У меня этот переход никак не получался. Побежал на выпуск к редактору — у него все то же самое. Правильные экземпляры были только у первого зампреда и главного редактора. Я сделал два дубля. Надеюсь, если что не так, они выловят ошибку. Они ведь должны были сверять каждое слово. Но так случилось, что никто ничего не видел. И все прошло в эфир. Я отделался легко: поставили на вид за формальное отношение к работе. Зампред получил выговор. Ну а главного редактора сняли. В комитете он, правда, остался и до сих пор со мной еле здоровается.

— Значит, и на вашем идеально исполнительском участке система давала сбои. Скажите, а вот если бы все это произошло сейчас, главного редактора тоже сняли бы?

— Нет, сегодня такого не могло бы произойти. Слава Богу, генеральный секретарь сам читает свои доклады. Вот все и расслабилось. В эфире куча дикторских ошибок.

— **Говорят, ваша профессия вообще умирает. Вы с этим согласны?**

— Да, в том виде, в каком она была при Лапине. Сейчас слово «диктор» стало почти ругательным. Кстати, пресса очень подогрела негативное к нам отношение. Как вы все не понимаете, что виноваты не мы, а система, общественный строй. В западных телекомпаниях вы не отличите диктора от комментатора. Там все пользуются телесуфлером и прекрасно ориентируются в любой ситуации. Вот у вас и создается впечатление, что с вами разговаривают. Я еще лет десять назад предлагал видоизменить нашу профессию.

— **Ну и как к этому отнеслись ваши коллеги? Я слышала, что многие были рады вашему уходу с должности художественного руководителя дикторского отдела?**

— Мои идеи наткнулись на страшное сопротивление, на косность. Хотя, нет, я их не виню. Все правильно. Я был художественным руководителем труппы без пьесы, без распределения ролей. Мы всецело зависели от наших работодателей — от редакций. И вдруг они стали от нас отказываться, отстранять нас от работы. А тут еще я со своими предложениями. Во мне и увидели все беды... На самом же деле просто дикторы на ЦТ потеряли бывшее покровительство, и для них наступили не лучшие времена. Раньше, несмотря на скромную зарплату, в дикторы рвались. Теперь куца вакантных мест. А какие были конкурсы...

— **Про них рассказывают массу пикантных историй.**

— Про кушетку прослушивания? Это бородатый анекдот. Боже мой, что только про меня не рассказывали, и сколько уже лет. Я пришел на телевидение в 1957-м. Два года работал взалхлеб. Наконец, в конце 1959-го первый раз ушел в отпуск. Приезжаю, только поставил чемодан — звонит родная тетя. Мама сняла трубку, та плачущим голосом спрашивает: «Ну, как он?» Оказывается, ей сказали: «Игорь запил, подавился огурцом и при смерти». А сколько раз ко мне приезжали женщины: одни уверяли, что я их сын, другие — что я отец их ребенка. Я не знаю ни одной хорошей дикторши, которая в народной молве не перебивалась моей любовницей. И на ком из них я только не женился. А на самом деле все очень прозрачно и старомодно: я верный муж, с женой знаком с одиннадцати лет. Она работает у нас звукоинженером. Так что я под надзором. А все остальное — страшная чушь.

— **Однако реальность самой смешной про вас истории — я имею в виду ваше появление во «Взгляде» — вы отрицать не станете. Как это вас угораздило?**

— Вначале я очень обиделся на «Время». Я им стал не нужен. Вроде как устарел. Остался без эфира. И вдруг звонок из «Взгляда» — такое странное предложение. Я страшно смутился. Все-таки молодежная программа, и самая острая на ЦТ... Решил отказаться. А Любимов принялся уговаривать, говорил, что теперь я смогу стать на экране, как у себя дома. Многие у нас знают, что я люблю пошутить. Все знают, кроме зрителей. Помню, несколько лет назад к дочке пришли подруги. Я слышал, как они там в ее комнате смеялись. Вошел — все замерли в позах корейцев на американо-корейских переговорах. Мне стало страшно, каким «офисьяльным», сухим останусь я в памяти людей. И вот теперь есть шанс доказать, что я — другой.

— **А раньше вы лицемерили?**

— Да нет же! Раньше это был тоже я, но в других предлагаемых обстоятельствах.

— **Но они вас устраивали? Вас не тошнило от того, что вы читали?**

— У меня бывали приступы смеха. И тогда я твердил про себя фразу, которой научил меня мой педагог К. А. Зубов:

«Смейся, дурак, смейся — ну какой же ты дурак, Господи». Бывали, конечно, и серьезные кризисы. Как-то во время очередного я пришел к Лапину и взмолился: «Ну не могу я, Сергей Георгиевич, читать все это на полном серьезе». А он эдак с улыбкой говорит: «А кто вас об этом просит? Если хотите, читайте иронично. Да как хотите, только не ошибайтесь». Он процитировал мне Сервантеса, Салтыкова-Щедрина — очень образованный был человек. В другой раз я принес ему письмо с десятками подписей старых большевиков — они возмущались, что за 40 минут я 80 раз произнес «товарищ Леонид Ильич». Мол, так не обращались ни к Ленину, ни к Сталину. Лапин с сарказмом ответил: «Так не было, но так будет». Что было делать? Начал тренироваться, даже жену называл «Товарищ Ирина Всеволодовна». В конце концов получилось естественно. Одно время такого рода формулировки я облекал в настолько сухую торжественность, что некоторые зрители заподозрили скрытую иронию. И написали. Я решил смикшировать. Улыбаюсь? Понимаете, мой внутренний контролер стоял с секирой... и это заставляло быть собранным и серьезным.

И вот теперь наконец-то меня никто не держит, можно забыть о контролере, вернуться к самому себе...

— **Получается?**

— Пока не очень. Я ожидал зрительского неприятия. Вначале даже двоюродная сестра мне не поверила. Тот же, который раньше стоял с секирой, теперь хихикает: мол, что-то ты неискренний. Я прошу только помощи Бога, чтобы выдержать и найти свое истинное «я».

— **Значит, вы все-таки в чем-то раскаиваетесь?**

— Мне импонируют строки из недавнего обращения Патриарха Всея Руси, где он говорит, что в истории нет лишних страниц, и не надо сожалеть о том, что было.

— **Может, вы, как многие люди вашего поколения, чувствуете себя обманутым?**

— Конечно, в последнее время на нас столько всего обрушилось. Многие приняли это слишком близко к сердцу. Что касается меня, то я, работая на ТВ, и раньше многое знал. Меня потрясло другое — то, что теперь обо всем этом вдруг стало можно говорить. Я помню, вначале «Взгляд» меня просто ошеломил.

— **Вам не понравилось?**

— Нет, не то. Просто я не привык, чтобы с телеэкрана говорилась правда.

Наше ТВ всегда что-то внушало, успокаивало, обещало светлое будущее. А оно никак не наступало.

— **Вы член партии?**

— Конечно. Я вступил вскоре после XXII съезда. Тогда была одна передача, где Хрущев повторил, что наши дети будут жить при коммунизме. В этот момент на него брызнуло солнце. А он тут же нашелся и сказал: «Вот видите, даже природа подтверждает правоту моих слов». Это на меня очень подействовало.

— **А потом вы разочаровались?**

— Не то чтобы совсем разочаровался. Но во многом. Помню такой момент перед самым снятием Хрущева. Шел какой-то репортаж. И вдруг кадр: Хрущев стоит в кукурузе. Одет во френч и руку на груди держит. Я даже вздрогнул, как он был похож на Сталина. А тут еще софроньевская статья в «Огоньке» «Наш дорогой Никита Сергеевич». Я тогда умолял наше руководство убрать этот кадр. Но их подобные ассоциации не смущали. Потом, когда был другой приказ, они столь же рьяно следили, чтобы ни одного кадра с Хрущевым не проскочило.

— **Сегодня у вас не возникает желания выйти из партии?**

— Как бы вам объяснить? Мне просто нельзя сейчас уйти. Я тоже несу свою долю вины. Идеи этой партии я пропагандировал с экрана, участвовал в сокрытии истины.

— **Но теперь-то вы понимаете, что это было циничное ТВ с не менее циничным руководством?**

— Все-таки это не то слово. Они не были циниками. Лапин, Мамедов, Попов — все это были умнейшие, образованнейшие, интеллигентнейшие и душевные люди. У меня были с ними нормальные отношения. Все они могли бы и сегодня принести много пользы. Раньше их просто зажимали.

— **Нужно же, а я думала, что зажимали они.**

— Лапин был талантливым руководителем. Просто были такие обстоятельства, такая политика. ТВ всегo-навегo верно ей служило.

— **Какую же роль в этом несчастливом стечении обстоятельств играли лично вы?**

— Как бы вам объяснить? Меня всегда увлекал своего рода азарт. Вот получаю речь — ничего не понятно, а я хочу понять. Я как бы обращался к зрителю с вопросом: «Вот поймете вы или нет?» Я, например, не понимаю. А вы? Давайте вместе разберемся! Это был такой, что ли, актерский прием. А потом я хотел, чтобы люди поверили

в перспективу, в то, что дальше их ждет лучшее.

— **А сами вы в это верили?**

— Да, верил. Хотя я понимаю, что это наивность, граничащая еще кое с чем... Я, кстати, и сейчас верю.

— **Да что вы! А у вас во «Взгляде» недавно сообщили, что согласно очень авторитетному социологическому исследованию уже почти никто у нас не верит. Ну вот хотя бы нынешняя телевизионная реальность, она дает вам основания верить, что все меняется к лучшему?**

— Знаете, теперь «сверху» не требуют. Они просят. Иногда очень искренне. И разве так трудно пойти навстречу? Но часто не получается. Я считаю, что преемники Лапина оказались куда менее профессиональными. Сергей Георгиевич глубоко понимал ситуацию в стране, прекрасно знал ТВ, умело подбирал кадры. Это, повторяю, был настоящий профессионал (о чем, собственно, я и сказал на его похоронах). Он мог бы точно ориентировать ТВ при любом руководстве в стране. Мне кажется, что Л. П. Кравченко в каком-то смысле его ученик и последователь.

— **Наверное, «наверху» это тоже поняли. А то назначали «не совсем тех» людей: то Аксенова, то Ненашева. Последний как-то на упрек в бесконечном показе по ТВ «чернухи» вдруг наивно изрек: а что вы хотите, мол, ТВ — зеркало жизни. Кстати, Л. П. Кравченко придерживается совсем иного мнения. Для него ТВ — это никакое не зеркало, а инструмент проведения государственной политики, о чем он недвусмысленно сказал в своей инаугурационной речи...**

— Вообще, если уж на то пошло, ТВ — это действительно не зеркало, а система зеркал. А у нас появляется куча людей, и не могут они прийти хотя бы к разумным компромиссам. Правда, если у журналиста есть надежное второе «я», ему не нужен никакой контроль со стороны.

— **Вот видите, а вы хотите стать самим собой. Все-таки зачем вас во «Взгляд» позвали? Как думаете?**

— Наверное, вначале они просто рассчитывали на шок. А теперь, возможно, поняли, что я могу быть... валордином для их растерзанной интонации. Кстати, я и не подозревал, что у «Взгляда» столько непочитателей. В основном это люди под шестьдесят, то есть мое поколение. Некоторые из них пишут, что я предатель, продался фашиствующим молодчикам. А я этим

зрителям очень сочувствую. Называю их «вечно прошлыми», они не могут переломить догм, с которыми прожили лучшие годы своей жизни. Для них расстаться с этими догмами где-то равносильно признанию в бессмысленно прожитой жизни. Сейчас много нападков на Горбачева со стороны молодых. Помоему, им нужно помнить, что он тоже человек моего «прошлого» поколения... Вот свою задачу я и вижу в том, чтобы повернуть 60-летних к 30-летним, чтобы старики не воспринимали нынешнюю правду как приговор себе. Но и молодым не нужно быть столь агрессивными к «прошлым» людям. Наша заслуга хотя бы в том, что мы прошли тот путь, который прошли. Вам теперь ясно, куда идти не надо.

— **Что же лично вам помогло это понять и принять правду 30-летних?**

— Может быть, просто мой характер. Во-первых, я никогда не унываю и другим не советую. Во-вторых, я всегда чуть-чуть сомневаюсь, а в-третьих, я иду на компромиссы. Я не люблю оголтелости и максимализма. Мне бы хотелось, чтобы от этого последнего качества совершенно избавились и взглядовские ребята. Если бы они меня спросили, я кое-что им посоветовал бы, но они не спрашивают, возможно, они даже не воспринимают меня всерьез. Недавно я предлагал Любимову идею викторины. Не такой, как «Капитал-шоу», а простой, домашней. Читаешь, например, кусочек замечательной прозы, а зритель пусть отгадывает, кто автор. Мы так дома играем. Это зрителям наверняка понравилось бы. И потом это подтолкнуло бы к чтению, к музыке, вообще к искусству. Сейчас ведь мало читают классику. Любимов сказал, что идея хорошая, но надо искать спонсоров. Какие спонсоры? Зачем?

— **У взглядовцев нередки конфликты с руководством. На чьей стороне бываете вы?**

— Ну, по-разному. Вообще мне кажется, если ребята по-настоящему правы, они все-таки отстаивают свою позицию, у них есть борцовские качества. Потому у программы в общем-то сложился свой стиль. Но, знаете, и замечания руководства бывают справедливыми. Вот, скажем, вышел на «Орбиту» диалог с гамбургской проституткой о политике. С московского экрана его сняли — и правильно сделали.

— **А почему нельзя говорить о политике с проституткой? Наше ТВ испокон веков говорило о политике с доярками, и всех это устраивало.**

— Вот-вот, это примерно одно и то же. Хорошо, если ребята это поняли. До последнего времени они вообще довольно часто безапелляционно и с апломбом утверждали свою позицию. Ну, например, их материалы об армии. Пусть будут факты, а выводы делает сам зритель. Многие из «прошлых» сра-

зу не приняли именно эту нигилистическую окраску «Взгляда». Мне кажется, что сейчас программа становится спокойнее.

— **Может быть, но эмоционально она от этого теряет.**

— Не согласен.

— **Скажите, а как вы себя чувствуете внутри «видовского» коллектива?**

— Часто не совсем в своей тарелке. Но вы не подумайте, все эти ребята — замечательные люди. Я их очень люблю. А художественный руководитель программы режиссер Андрей Разбаш и редактор Ольга Мельниченко — для меня просто подарок судьбы. Но все же это другое поколение, другое мышление. Знаете, как раньше было на телевидении? Мы все жили одной семьей, одними заботами, переживали друг за друга. Может, вы не поверите, но этот официальный кремлевский диктор летел на работу, как на праздник. Мы были чем-то одним повязаны. Вот просто встретить кого-то в коридоре и обнять... Теперь люди от тебя шарахаются. Очень мало знакомых лиц. Столько новых людей. Все они, наверное, талантливые, но какие-то закрытые. Пришла тебе идея, летишь на работу окрыленным, вбегаешь, а на тебя никто не реагирует. Все заняты своими делами, каждый сам по себе. Смотрят куда-то сквозь тебя. Весь энтузиазм пропадает. Даже какой-то зажим возникает.

— **Вы уже почти год не ведете программу «Время». Как она вам со стороны?**

— Конечно, я смотрю, не вытравил. Мне нравится, что в ней наконец-то нет Кириллова. А так — я теперь поклонник «Ночных новостей».

* * *

1 января 1991 года Игорь Леонидович пел в эфире, по первой общесоюзной программе. Это был юбилейный вечер телевизионного фестиваля советской песни. И чего только себе не позволишь, если снял пиджак! Он хотел даже «Шаланды полные кефали», но все-таки не решился — во времена его молодости эта песня как-никак считалась блатной. По-моему, зря не решился. Неприличные анекдоты о нем все равно рассказывают. Один из них о том, как в смертоносное для вождей время, когда Кириллов уже сообщил о Брежнев, Суслове, Пельше и Устинове, он вновь появился в эфире в обычном по такому случаю черном костюме и с отработанной торжественно-скорбной интонацией объявил: «Товарищи, вы, наверное, будете смеяться, но Черненко тоже умер». По крайней мере если не зрители, то коллеги всегда чувствовали в нем главное: и ему, рупору Кремля, тоже хотелось смеяться.

«ФЛОТАЦИОННЫЕ ХВОСТЫ» ЭПОХИ, ИЛИ ТЕАТР АБСУРДА ВРЕМЕН СОЦРЕАЛИЗМА

Соцреализм долго был священной коровой в нашей литературе, всякое посягательство на нее, как известно, считалось кощунством. Потом его (или ее?) принесли в жертву волюнтаризму и прогрессу, теперь только ленивый его (или все-таки ее?) не лягает. Думаю, однако, что настает новый этап: когда по внутренностям жертвенного животного будут гадать, чтобы узнать прошлое. Уже делаются попытки показать: литература, — даже соцреалистическая, — всегда Сивилла, пророчица. Недавно «Огонек» опубликовал статью о том, что «Поднятая целина», строго говоря, правдивое произведение, зеркало русской коллективизации, что Шолохов там все сказал, и вольно ж нам было этого не понимать.

Беру на себя смелость утверждать, что существует и зеркало русской индустриализации, и это именно литература времен первых пятилеток. Она не только создавала «вторую действительность», но и достаточно точно запечатлела первую. Постараюсь показать это главным образом на примере романа Л. Леонова «Соть» (1928—1929 гг.). Во-первых, Леонов был при жизни объявлен классиком, как и Шолохов. Во-вторых, его совершенно невозможно упрекнуть в злопыхательстве. В-третьих, «Соть» — произведение о строительстве целлюлозно-бумажного комбината на севере страны, в известной степени есть заявка на эпос: воля и разум разбухших масс преобразуют глушь в своем роде образцовую.

Волю и разум проявляет председатель губисполкома Потемкин. Это он родит идею Сотыря. В прошлом рабочий-бумажник, Потемкин — человек маниакальный и не очень грамотный. Излагая другу свою дорогую, выношенную идею, он изъясняется о ней так: «Медь от серы отделяют, а получают... как его... — он бешено залистал страницы, — флотационные хвосты получают. Я, может, и путаю, но, по-моему, именно так: флотационные».

Автор оговаривает, что в создании проекта участвовали «лучшие статистики губернии, химики, техники, инженеры». Плод их совместных усилий выглядит так: «Сперва шли экономические предпосылки целесообразности... затем, вслед за перспективами потребления, поминалось кое-что и вкратце о возможных или обещанных железных дорогах; потом дружные хоры цифр пели о лесной базе, и, наконец, проект заключался описаниями рек и их бассейнов, с высотами половодного и межени уровня, с указанием мощностей, а в некоторых случаях даже и химического анализа воды». Это «даже»

прелестно: оно выдает цитату и обозначает уровень профессиональной компетентности «статистиков, химиков, техников, инженеров», а также и самого проекта.

Техническая информация, которой переполнены наши книги, не случайно стала едва ли не эстетической категорией: она, по сути, была и сюжетом, и идеологическим знаком, и существенной составной в характеристике персонажей. Продолжением утвердившейся ранее поляризации: ты за красных или за белых? И неизбежно в этом случае техническая информация должна была быть (и была) предельно простой, ее понимал любой читатель, она даже не отвлекала этого читателя от основного повествования, от беллетристики как таковой. Посмотрите с этой точки зрения на «Гидроцентральный» Шагинян, на роман «Человек меняет кожу» Ясенского, на «Цемент» Гладкова, на «День второй» и «Не переводя дыхания» Эренбурга — вплоть до «Черной металлургии» Фадеева, — тогда наступил кризис жанра, ибо сам автор, как оказалось, в процессах плавки все понял неправильно, и концепция романа рухнула. Из-за этого! Так что Потемкин как носитель ВСЯЧЕСКОГО прогресса — фигура характерная.

Леонов описывает его с нежным юмором, за которым только любовь. И если мы сегодня видим Потемкина не так, как автор, хотя основываем свое мнение на авторском же тексте, то это не вина его, а доказательство точности писательского взгляда. Бальзак, как известно, будучи легитимистом, показывал обреченность аристократии. То же и у Леонова. Хочет он показать целеустремленность, одержимость героя, а изображает вот что: Потемкин пристает к другу, чтобы тот, работая в банке, дал денег на строительство. Но того, оказывается, «перекинули на резину».

— А в банке кто?

— В банке Жеглов пока.

— Жеглов?.. Он в ревсовете семнадцатой не был? Я знал одного Жеглова... хотя тот, кажется, не Жеглов, а Жигалов... такая жалость».

По дороге в Москву — он едет туда выбивать средства — Потемкин встречает инженера, у которого та же задача: «Клянчить денег на постройку самого медленнейшего завода, с которого Потемкин собирался возить свои флотационные хвосты». Перспективы, как видим, получить эти хвосты самые туманные, как и с обещанными железными дорогами. Даже Жеглов — или Жигалов — с его банком все-таки реальнее. Если он, конечно, был в ревсо-

вете семнадцатой. Блат выше нарком — это примерно в те годы было понято и стало поговоркой.

Но вот ученые-эксперты отнеслись к проекту скептически: «Вы как учитываете годовую грузоподъемность Соленги? Десять процентов баланса вам придется тащить по Нерчме и против течения... иначе у вас на третью машину не хватит!». «Потемкин заволновался: эти очкастые, равнодушные чудаки не верили в его Соленгу!

—...грузоподъемность, все модные слова, товарищи!»

«Очкастые, равнодушные» гнут свое, а комбинат-то начинают строить! И предстоит по проекту сносить деревню, но жителям ее об этом не объявляют. Наоборот, торопятся нарыть и построить как можно больше, пока в Макарых не догадались, что к чему. (Вы, читатель, подумали о канале Волга — Чограй? Я, конечно, тоже. Ситуация — один к одному.)

И вот стройка идет. С размахом: все больше материалов сваливают на Соти под открытым небом. При этом «вместо насущенного кирпича, инструментов или рабочих чертежей присылали партии асбестита, тюки гудроненной пробки, бочки церезита и даже метлахские плитки, потребность в которых могла явиться не раньше года. Все эти преждевременные сокровища приходилось складывать прямо на земле...» Так же, как цемент и оборудование: «на полузакрытой платформе в железном забытии валялись разные части крупных машин, которые частично уже начали поступать на строительство. Тут были всякие медные коленчатые шеи, хваткие стальные руки, готовые взяться за маховики, чугунные пищеводы, нужные, чтоб питать водой еще не родившегося гиганта. Иные части его сидели в сквозных ящиках и покорно ждали срока своего воссоединения».

Тем временем в газетах появились статьи о вредных сторонах целлюлозно-бумажного производства, предложение сделать Соть заповедником.

Автор замечает по этому поводу: «Образец ученого слабоумия». От романа в защиту русского леса его отделяли тогда без малого тридцать лет. В «Русском лесе» будет обличен циничный спец Грацианский. Яркий, убедительный образ. Но только сравнивая действия Грацианского с тем, что происходило в «Соти», понимаешь: Грацианский всего лишь принял (цинично, конечно же) предложенные правила игры. Кто же предложил их?

Попутно выясняется, что «сотинская вода все равно не годится для отбелки целлюлозы из-за высокого процента гу-

миновых примесей». Надо же, какая неприятная неожиданность! А ведь при проектировании, как помним, провели «даже» химический анализ воды.

«Враги Сотьстроя» — так их аттестует автор — не дремлют. Некая газетка (и в те годы, видно, пресса была главным врагом. — Е. Д.) в разделе загадок и ребусов поместила задачу: «Какова общая сумма расточительства на Сотьстрое, если двугривными его можно выложить весь путь от Москвы до Усть-Кажуги?» Надо думать, сумма астрономическая: ведь, не считая того, что сгнило, сломалось, потерялось, было украдено, привезено не по адресу, затрачено на ликвидацию аварий и борьбу со стихией. Потемкин, «имея обещание на восемь, размахнулся на двенадцать миллионов». (Вы вспомнили БАМ, читатель? И я тоже.)

Видимо, «враги» же поместили в стенгазете Сотьстроя карикатуру: «За колючей проволокой, чуть не повисая на ее шипах, толпились худые, рваные люди, бесчисленное множество людей, а среди них женщины с ребятами на руках. — посреди же трудился над каким-то ящиком Увадьева, весь в поту и один-одинешенек; его легко было узнать по взбешенным бровям и по скулым, в обтяжку, сапогам. Подпись раздана была цветными карандашами: «Социализм по Увадьеву». Каков прогноз!

Сегодня говорят и пишут о развале экономики «в последние годы». Господи, если бы так! Если бы только в последние годы! Но роман Леонова свидетельствует: последние годы таковы, каковы были и первые, только «социализм по Увадьеву» уже не так свирепствовал. И если «Поднятая целина» — это зеркало русской коллективизации, то «Соть» — энциклопедия советского экономического волюнтаризма. Я ведь пересказала только некоторые эпизоды романа, а он толстый, там еще столько интересного и до боли знакомого!

Возникает вопрос: а почему тогда «Котлован» Платонова не печатали, «Соть» же переиздавали без счета?

И вот тут самое время вспомнить о методе, о социализме. Потому что именно он позволял писать и печатать такое, что Дудинцеву с его «Не хлебом единым» и не снилось. Метод, как мы помним, предполагал изображение жизни в ее исторической — и заранее заданной — перспективе. Требовалось показать «ростки будущего» в реальности сегодняшних будней и точно по схеме располжиться классовые силы.

Вот это и делалось. Один из главных

героев романа все время думает о девочке из будущего по имени Катя, ради которой все муки строителей, их жен и детей. Все, что ставит под сомнение необходимость так мучиться, говорят, пишут, рисуют «враги Сотьстроя», отсталые спецы, бывший белогвардеец — не то нищеванец, не то анархист, кулаки с подкулачниками. Все они чрезвычайно несимпатичны. Все по ходу романа разоблачены, устранены, убраны с «исторической сцены». Не вина автора, что их вражеские прогнозы оказались как раз правдой. Певцы первых пятилеток, авторы книг о великих стройках как люди, не связанные или очень слабо связанные с Атлантидой ушедшей, разгромленной культуры, совершенно честно могли не знать того, что знали и помнили «враги», и верить, что российский экономика, индустриализация — это письменна на совершенно девственном листе. И что на их глазах творится не развал, не хаос, а, наоборот, из хаоса возникает твердь социализма. И принимали признаки этого наступающего хаоса за «Русь уходящую». Тот же Леонов, как мы видели, показал почти все признаки рождающейся затратной экономики, колонизацию собственной страны, перепутав лишь настоящее время с будущим. Укрепилось то, что должно было умереть. Умерло то, что должно было укрепиться (энтузиазм, честность и азарт первостроителей и т. д.). Я ведь и есть та самая девочка Катя, что виделась Увадьеву «на сияющем рубеже, под радугами завоеванного будущего». На долю моего поколения достались разоренная, измученная страна, экологические катастрофы. И даже бумаги для нас нет, той самой, ради которой возводили Сотьстрой. А за финскую, на которой сегодня печатают правду о том, что было, нечем платить.

Как это начиналось, показали (разумеется, в рамках социализма и по его правилам) очень многие, едва ли не все писатели — кроме самых умных и циничных, которые сразу стали творить «вторую действительность», поняв, что происходит с первой. Как В. Катаев с его повестью «Время, вперед!». Но другой Катаев, Иван, в рассказе «Молоко», почти даже не трактуя ситуацию в духе Главного Метода, написал о том, что культурного, талантливого хозяина, того самого цивилизованного кооператора, у которого «к молоку подогнан весь земледельческий устав — и севооборот, и луговое хозяйство, и сбытовые связи, и каждый час трудового дня», губят, выталкивают из кооператива. Потому что эффективность его хозяйства, оказывается, не главное. Главное — по-

мочь беднякам добиться столь же явных успехов, а хозяин этим не озабочен. И на его место правдами и неправдами сажают некоего Сынина. «Только вот беда, — говорит этот Сынин, — бухгалтерии я не обучен. Кредет, едет. Что это такое? Я прямо и не знаю». Уж как он поднимал при этом бедняцкие хозяйства — Бог весть. А потомки его — уже безо всяких комплексов насчет бухгалтерии — затравят потомков цивилизованного хозяина. Погибнут Хинт и Худенко, оплачат разгромленные теплицы кубанские и волгоградские земледельцы. И все та же логика будет торжествовать, по которой в экономике prevыше всего идеология, а если при этом экономика рухнет, то тем для нее хуже.

И. Катаев описал, как зарождалось то, что потом стало номенклатурой: «...Из десятков ни одного человека, который работал бы на своем месте больше года. Два месяца, полгода, с прошлой весны... Прощафитесь на чем-нибудь секретаря ячеек, его посылают в соседнее село председателем Совета, а председателя — заведующим участком МТС, а заведующего — в совхоз, а из совхоза...» («Новый директор», 1933 г.) Ясно, что и грядущий путь Сынина таков. Потому и поныне мы «бухгалтерии не обучены», а тех, кто обучен, не понимаем и понимать, главное, не хотим. И как это ставить экономику с головы на ноги — «прямо даже не знаем». Весь мир, включая Сингапур и Кению, знает, а мы не знаем: «Кредет, едет...»

Точно те же процессы происходили на производстве, об этом тоже написано. В рассказе В. Гроссмана «Кухарка» (1936 г.) сокращают инженера — на том туманном основании, что он «не то прохладный, не то холодный работник». Проще говоря, нет в нем нерассуждающего энтузиазма, готовности творить чудеса вопреки технологии, и он это не очень умеет скрыть, хотя к тому всей душой и стремится. У этого инженера, — укоряет его автор рассказа, — разная степень откровенности в разговорах с женой, с приятелями и с сослуживцами. Его не видно насквозь, что ужасно. Когда инженер однажды, под винными парами, перепутал и был с гостем откровенен, как с женой, то вот что он сказал: «Конвейер! Он тянется от Одессы до Владивостока, с него сходят Магнитогорск и — Кузнецки, самолеты и турбины, а мы у этого конвейера делаем однообразные движения — один руками, другие мыслью. И вот я спрашиваю вас: когда же начнем жить мы, дающие жить машинам?» Судя по реакции собеседника и по интонации писателя, то, что инженер говорит, ужасно. Потому что о будущей девочке Кате под радугами уже нет речи — семь лет прошло с той поры, как написана «Соть», и за будущую прекрасную жизнь надо считать именно работу у конвейера и быть при этом счастливым. Гроссману инженер явно не нравился, он нам подбрасывает на него компромат: поест любит, не хочет, чтобы его жена работала, нанимает кухарку. Профессиональные качества, однако, под сомнение не ставит.

И в этой же квартире живет некий Гриша, «лучший ударник завода», студент-заочник. «Наш Гриша инженером будет...» — гордятся его домочадцы. А Гриша, постигающий на коммуналной кухне сопромат, тоскливо отругивается: «Ну вас всех к монаху, не мешайте мне!» Только раз он берет слово: вспоминает, как он, плотник, пришел в город и не верил, что его, «деревянного человека», возьмут на завод, который весь железный: «Неужели я таким волосатиком десять лет тому назад был?» Когда этот Гриша поймет и узнает то, что понимает и знает сокращенный инженер? Ведь ему, похоже, под тридцать, а он пока на первом курсе. Зато у Гриши нет тайных мыслей, все — явные, какие есть. И потому он предпочтительнее инженера, его никто никогда не уволит. Отбор по линии «свой — чужой», стремление непримен-

но читать в мыслях привели, как мы знаем, к анкетной селекции, к тому, что «за партийного двух беспартийных дают». Зато сегодня мы все хором спрашиваем о том же, о чем тот гроссмановский незадачливый инженер: когда же будем жить мы, дающие жить машинам? Дайте ответ! Вопрос, конечно, интересный.

Показали нам наши писатели и то, как менялось само понятие — профессиональная, квалифицированная работа. У того же Гроссмана в рассказе «Цейлонский графит» (1935 г.) есть очень милый автору герой, тоже, кстати, инженер по фамилии Кругляк. Он не «прохладный». Он с энтузиазмом налаживает производство карандашей, и это невероятно сложно. И не потому, что раньше, до Кругляка, в России карандашей не делали. «Виргинский можжевельник, — рассказывает Кругляк, — мы заменили сибирским кедром. Когда нам сказали, что нет вагонов, чтобы везти кедр (а куда, интересно, делся тот срубленный кедр, если его не вывезли? — Е. Д.), мы заменили кедр липой, липу — ольхой, а ольху — сосновыми досками. Сегодня один ваеймер предложил мне заменить древесину прессованным торфом. Заменим торфом, в чем дело?» На такие вот «замены» уходила энергия поколений и их талант. Это и называлось социалистической предприимчивостью. И вот что ни день — то фенолом водопровод отравили, то газопроводы рвутся. Да ведь и Чернобыль — следствие вот такой предприимчивости, таких замен. Только в роли Кругляка выступили академики.

Наивный, туповатый энтузиаст Кругляк выболтал и главный секрет нашей экономики. «Если бы я работал прокурором, — балагурит он, — поверьте мне, я бы обеспечил на три года всех наших итээров» (они не умеют делать из торфа карандаши). Варианта этого, впрочем, Кругляк не исключает и для себя: «А насчет посидеть — почему не посидеть в советских условиях?» Так возникает в рассказе тень ГУЛАГа, который одновременно и стимул трудового энтузиазма, и расплата за плохую работу — отказ делать карандаши из торфа. Как видим, все описано в полном соответствии с действительностью, которая считается открытой недавно. ГУЛАГ был двигателем в нашем поступательном движении вперед. Не стало ГУЛАГа — или, скажем, ослаблена его мощь — и все закачалось.

Все, все было показано, рассказано, предсказано. Среди бумажных роз соцреализма торчат вполне настоящие шипы реальности. Видимо, талант писателя заставляет его пристально всматриваться в жизнь, любить ее — как бы он потом ее ни трактовал. В сказке братьев Гримм детей уводят в лес, чтобы они там погибли, и они по дороге надламывают веточки, запоминая дорогу назад. Так и изуродованная наша литература сохранила для нас приметы ушедшей жизни, чтобы знали мы весь свой путь к сияющим вершинам. Жаль только, что оценить это можем только мы — «сурового времени дети», как писал автор многих песен Долматовский.

Ведь на Западе сейчас работы о соцреализме, о нашей литературе напоминают путеводители: в них описаны типичные сюжеты, коллизии, «коды», позволяющие увидеть изображаемое как бы глазами советского читателя. Иначе мир не понимает наших книг. Думаю, без «кодов» в них ничего не поймут и наши дети, отринут прошлое, как в свое время отрунули прошлое их деды.

Э. Лимонов где-то писал, что соцреализм фантастичнее сюрреализма. Воистину. Хармс с его «Голубой тетрадью № 6» просто зануда по сравнению с классиками нашего Главного Метода. И когда у нас начнут их ставить, посмотрев на старые книги не с пренебрежением, но с любопытством, у нас наконец появится свой, совершенно оригинальный театр абсурда.

Екатерина ДАНИЛОВА

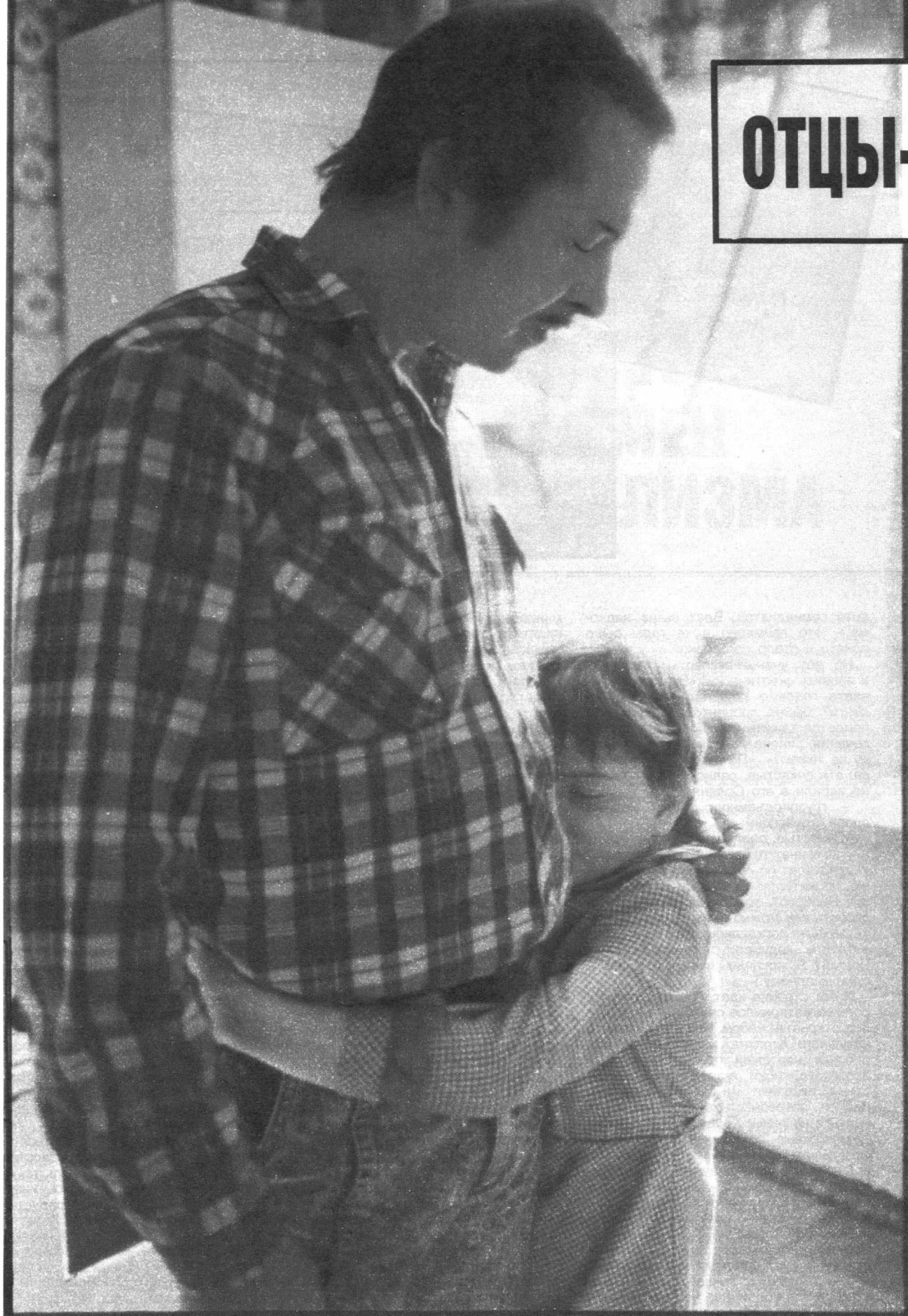

Фото
Анатолия
БОЧИННА

Древняя мудрость советует мужчине каждое утро в молитве благодарить Бога за то, что тот не создал его женщиной. С расхожим мнением хочется не согласиться. В нашем отечестве гораздо вернее родиться женщиной. Тогда все наперед понятно и определено: охрана материнства и детства, пособия и отпуска, женские консультации и женсоветы... Вторая половина населения плывет против течения. Отец и дитя, отцовство и детство. Непривычное словосочетание режет слух. Тем, кто замахивается на равноправие с женщиной в воспитании собственных детей, опоры не найти.

Наверное, поэтому Николай Митрофанович Барин, тридцати семи лет от роду, самостоятельно воспитывающий дочь и сына, разговор начинает с однозначного вывода: «Я живу не по закону, а по совести». Спорить с ним трудно, его семейная жизнь похожа на негативную пленку: все узнаваемо, но только наоборот. Едва стоящая на ногах жена катит коляску с грудным ребенком, или приходит невеста откуда за полночь, или устраивает пьяный скандал с дракой на потеху соседям. А он, муж, в рот не берет спиртного, всегда при детях, оберегает их от хулиганящей во хмелю мамы, добивается лишения ее роди-

ОДИНОЧКИ

тельских прав, за что навлекает на себя угрозы, шантаж, а потом и расправу дружок жены.

Но Баринов человек сильный. За девять лет одинокого отцовства у него выработался отчаянный азарт в постоянном преодолении трудностей. Любимая его фраза: «Я не верю». В чудеса. В милосердие. В возможность счастья. Найти детям мать? Это почти нереально. Нет, конечно, друзья пытаются знакомить, толкают в бок — женись, не теряйся! Только зря все это. Николай Митрофанович не терпит компромиссов: либо дети, либо личная жизнь. Выбор всегда в пользу детей. Смешно сказать, но даже в кино одному пойти — это как предательство. Он, значит, будет развлекаться, а сын с дочкой одни дома сидеть?

Не маленькие они уже, правда. Старшему тринадцать лет, он по-взрослому рассудителен и домовит, решил, что женится только по любви. Младшей — десять, и она бежит к соседям нянчить малыша. Однако привыкли дети, что папа если не на работе, так дома. Пока глава семьи двенадцать часов сидит за рулем своего такси, они и сварят, и постирают, и в доме уберутся, но на следующий день, в выходной, он весь день обязательно проведет с ними.

Другая черта характера Баринова — чувство собственного достоинства. К примеру, мать-одиночка имеет право на укороченный рабочий день, на отпуск в летнее время и прочее. В 16-м таксомоторном парке Москвы, где работает Николай Митрофанович, наверняка знают про все эти льготы, но, видимо, полагают, что отцу-одиночке они ни к чему. А тот не подает голоса, поскольку не привык просить. Не мужское занятие — выпрашивать подачки. Сколько одних бумажек с печатями нужно собрать, чтобы бухгалтерия выписала сорок рублей материальной помощи. Или в школе. Дадут денег, но изволь чек из магазина принести, да еще в положенный срок. А если нет в это время товара в магазине? Унизи-

тельно как-то получается. Уж если проявляете заботу, так доверяйте, не контролируйте по мелочам. А то лучше совсем никуда не обращаться.

Однажды только сильно обиделся Баринов. Когда в таксопарке холодильник распределяли. Ему эта покупка позарез была нужна — старый холодильник дома окончательно развалился, и хранить продукты стало нелегко. Но никто не вспомнил про одинокого отца, а сам он, как водится, промолчал. Только теперь, по прошествии времени, позволил себе вслух поразмышлять: «Почему семьям с тремя детьми дают право на внеочередное обслуживание, а таким, как я, — нет? У них трое детей на двоих, а у меня двое на одного...»

У Василия Васильевича Славгородского тоже двое на одного — дочки четырнадцати и семи лет. В отличие от Баринова он улыбчивее и мягче. Это и понятно: в семье был счастлив, жил с женой в любви и согласии. Два года назад жены не стало. Внезапно, в одночасье. Благополучный муж и отец превратился во вдовца.

Для кого-то подобная ситуация могла обернуться катастрофой — за что хвататься? Как быть дальше? У Василия Васильевича паники не было: сковородка и корыто — предметы для него привычные, не гнушался он никогда женской работой. Дом сразу взял на себя, магазины. Горячие обеды для дочек взамен школьной казенной кормежки — это дело чести. Пусть дети учатся спокойно, не загружая себя житейскими хлопотами, на то у них отец имеется. Правда, пришлось режим свой слегка поменять. Подъем в 4.45 утра. До полудня возит пассажиров на автобусе под номером 71 от метро «Свиблово» до Бибирева и обратно. Потом трехчасовой перерыв на семейные заботы и до 21.30 вечера снова рейсы. С пониманием отнеслись к Василию Васильевичу в 7-м автобусном парке Москвы — освободили от ночных смен. А больше ничего и не надо. Он, как все отцы-одиночки, не любит кланяться, жало-

ваться. Уж лучше молча лишнюю смену отработать...

Как-то раз, правда, дал слабину — попросил в поликлинике, чтобы его с двумя дочками без очереди пропустили. Много в ответ про себя наслушался. Главная мысль у возмущенных мамаш, сидящих под дверью врачебного кабинета, была следующей: нечего такому молодому мужчине канючить, давно бы женился...

Да Славгородский, собственно, и не возражает, только не так все просто и быстро. Дочки не очень-то хотят новую маму, видно, им и с папой неплохо. Младшая с ним, как с подружкой, всеми секретами делится. А когда он чувствует свою явную некомпетентность в вопросах бантиков, нарядов, косичек, отправляет девчонок к своей сестре, живущей неподалеку. У той своя семья, и дети там не гости, а главные действующие лица. Продолжают внучки, как и прежде, ездить к своей бабушке, у Василия Васильевича с тещей всегда были хорошие отношения, смерть жены их только упрочила.

По поводу свободного времени и личных интересов Славгородский не терзает себя сомнениями: в сорок два года жизнь не остановилась. Если дочки пристроены, не зазорно поехать на рыбалку, встретиться с друзьями, в кино навеститься. Зачем на себе крест ставить? Детям нужен жизнерадостный, интересный папа. А когда совсем невмочь — терпи, молчи и никому не жалуйся.

Все-таки сильно различаются мужчины и женщины. Ну какая мать ради своего ребенка лишней раз не поплачется, не посетует на судьбу, особенно если растит его одна? Поэтому государству с матерью-одиночкой просто: можно ограничиться более чем скромным пособием — и на том спасибо скажут. Зато какую громадную проблему решают отважные женщины: не дожидаясь личного счастья, вносят посильный вклад в повышение рождаемости в стране!

Все бы хорошо, но остаются не у дел отцы, без которых, как ни крути, не бывает матерей. «Я боюсь иметь своего ребенка, — пишет нам читатель из Куйбышева. — Мне тридцать лет, но я до сих пор не женат и не знаю, женюсь ли когда-нибудь. Мало того, что заводит ребенка сегодня — слишком дорогое удовольствие. Ты еще и не обладаешь никакими правами на свое дитя. Представьте: женился, родили малыша, потом в чем-то не сошлись взглядами — и развод. Алиментов я не боюсь, но знаю, что ребенка при разводе мне не видать, даже изредка общаться с ним жена может не разрешить. Все устроено так, чтобы женщина одна растила

ребенка. А мы, мужчины, превращены в бессловесных исполнителей — сделал свое дело и уходи, больше не нужен. Я думаю, что матерей-одиночек не будет только тогда, когда исчезнут отцы-невидимки».

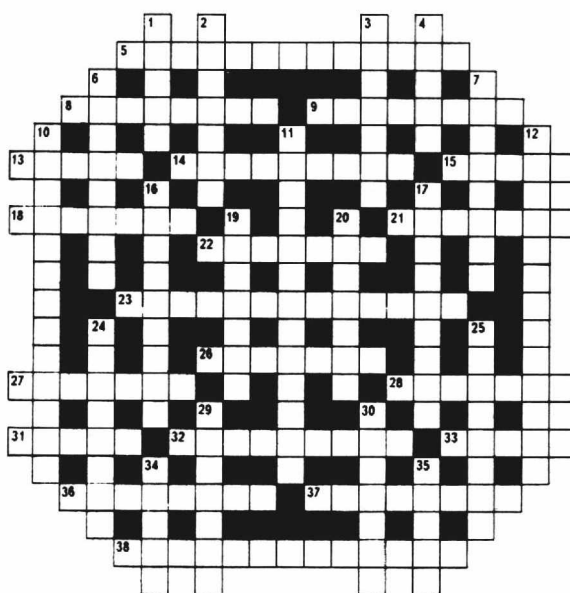
Николай Митрофанович Баринов, Василий Васильевич Славгородский пока в одиночестве, поскольку их отцовские возможности общество не принимает всерьез и делает ставку на матерей.

Но беречь мужчин — не лучший ли это способ беречь женщин? И детей, которые по замыслу природы должны расти в присутствии обоих родителей. Только что создана Московская региональная ассоциация одиноких отцов. Лед тронулся?

Людмила САЛЬНИКОВА

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Пьеса А. Н. Островского. 8. Подразделение в кавалерии. 9. Цирковой жанр. 13. Французский живописец. 14. Аппарат для глубоководных исследований. 15. Народный артист СССР, игравший во МХАТе, Герой Социалистического Труда. 18. Нарциссальная стоимость ценных бумаг, денег, товара. 21. Ручное приспособление для вращения режущих инструментов. 22. Судно специального устройства. 23. Прибор для разбрызгивания жидкостей. 26. Река, впадающая в Берингово море. 27. Южное созвездие. 28. Фигура для примерки или показа одежды. 31. Цитрусовое дерево. 32. Спортивная игра с воланом и ракетками. 33. Химический элемент, металл. 36. Употребление слова или выражения в переносном значении. 37. Действующее лицо в опере Э. Ф. Направника «Дубровский». 38. Высшее учебное заведение.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Французский писатель, автор повести «Рыжик». 2. Всесоюзное спортивное общество. 3. Европейское государство. 4. Отдельная часть действия, акта пьесы. 6. Река в Гайане. 7. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 10. Характеристика размеров судна. 11. Русский математик XIX века. 12. Совокупность принципов, взглядов и убеждений, определяющих отношение к действительности. 16. Композитор, народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда. 17. Областной центр в РСФСР. 19. Буфет для посуды. 20. Сборник стихов Т. Г. Шевченко. 24. Немецкий композитор, пианист и дирижер. 25. Горная система в Италии. 29. Город в Липецкой области. 30. Вид народного танцевального искусства. 34. Русский советский писатель, автор сказов «Малахитовая шкатулка». 35. Конструктор танков, тракторов, Герой Социалистического Труда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. «Риго-летто». 7. Байрон. 8. Протва. 10. Направник. 13. Меломан. 14. Колизей. 15. Просо. 17. Хачатурян. 18. Рейсфедер. 21. «Асель». 23. Мезолит. 25. Елисеев. 26. Ярославль. 27. Плазма. 28. Оцелот. 29. Полтинник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шикотан. 2. Аллигатор. 3. Вторник. 5. Фазтон. 6. Швеция. 9. Сервантес. 10. Настурция. 11. Коростель. 12. Менделеев. 15. Пряжа. 16. Орель. 19. Целлулоид. 20. Ковиль. 22. Остров. 24. Тромбон. 25. Елецкий.

ТИМП ЛИМИТЕД

ТИМП — это товары из металла и пластмассы. Общество с ограниченной ответственностью ТИМП ЛИМИТЕД работает четыре месяца. Председатель правления Владислав Балув и генеральный директор Николай Тырин уверены, что это начало большого пути. Оба руководителя общества — научные работники, занимались теплофизикой, расчетом химических аппаратов. Друзья, единомышленники, партнеры. Что ими движет? Причин много. Но главное, появились возможности самим принимать непростые решения и видеть конечные результаты работы. Кстати, куда ближе стали наука и производство. При ТИМПе созданы малые предприятия, специализирующиеся на разработке новых технологий, выполнении научных заказов. Однако главное направление — товары для дома. Электрокамины, алюминиевая посуда, приспособления для кухни и ванной. В перспективе — тостеры, утюги, детские игрушки, в том числе электронные. Превратить перспективу в реальные товары ТИМПу помогает КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК — «МОССТРОЙЭКОНОМБАНК».

Горят новогодние свечи в подсвечниках производства ТИМП ЛИМИТЕД. Настроение у Николая и Владислава праздничное. Пожелаем им удачи. Их успех — это и наши с вами маленькие радости уютной и комфортной жизни.

Пусть же Дед Мороз вытащит из своего новогоднего мешка как можно больше товаров. Пусть же будет больше ТИМПов.

С наступившим Новым годом, дорогие земляки!